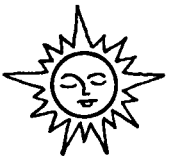
АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. ЯНКИ КУПАЛЫ

Издательство «Наука и техника». Минск. 1969

IVAN GUNDULIĆ

OSMAN



ИВАН ГУНДУЛИЧ

ОСМАН

Перевод В. К. ЗАЙЦЕВА

Г 94
И (Югосл.)

Впервые на русском языке предлагается вниманию читателя великое творение выдающегося хорватского (дубровницкого) поэта XVII в. Ивана Гундулича — эпическая поэма «Осман», справедливо оцененная временем как энциклопедия жизни и борьбы южных славян против турецкого владычества. Имя Гундулича по праву остается предметом гордости не только хорватского народа. Оно стоит в ряду имен наиболее замечательных поэтов славянского мира.

Вступление и комментарии
В. К. ЗАЙЦЕВА

Редактор
академик Академии наук БССР
П. Ф. ГЛЕБКА

Художник Л. И. УСАЧЕВ

7-4-4
69

Светлой памяти моего учителя
Константина Александровича
Копержинского

Переводчик

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА ИВАНА ГУНДУЛИЧА «ОСМАН»

Творчество дубровницкого поэта Ивана Гундулича (1589—1638) представляет высшую ступень в развитии поэзии южных славян. Его эпическая поэма «Осман», предлагаемая вниманию широкого читателя, была и остается по всеобщему признанию непревзойденным образцом поэтического творчества эпохи позднего Возрождения. Поэма отразила в себе эпоху поэта, жизнь южного славянства, его идеалы и борьбу за свободу. До сих пор имя Гундулича, будучи связанным нерасторжимыми узами с историей славного Дубровника, стоит в ряду наиболее выдающихся славянских поэтов прошлого.

Дубровник (Рагуза), «жемчужина Адриатики» или «славянские Афины», как называли его во все века иноземцы,— это славянский город в Далмации, на побережье Адриатики. До начала XIX в. он имел статут «вольного города», морской торгово-промышленной республики с аристократическим образом правления. Капитализм положил конец «вольным городам», этой «блестящей странице средневековья», по определению К. Маркса [1]. Судьбу таких городов разделил и Дубровник, прошедший ступени длительного развития и ставший одним из очагов южнославянской ренессансной культуры.

Выгодное географическое положение между Италией и странами Ближнего Востока, на стыке римской и греческой культур, христианского и мусульманского миров, вызвало в свое время расцвет посреднической торговли Дубровника по всему бассейну Средиземного моря и способствовало возникновению здесь торговой буржуазии. Развитие в условиях относительной поли-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М., 1960, стр. 728.

тической самостоятельности, соседство более ранней культуры итальянского Возрождения и богатство славянских культурных сил, сложившееся в результате бегства в Дубровник от турецкого владычества наиболее образованных людей,— вся совокупность указанных обстоятельств явилась непосредственной причиной появления в Дубровницкой республике высокоразвитой славянской культуры.

В городе бурно развивалась литература. Начальный этап ее связан с деятельностью итальянских гуманистов, открывавших в Дубровнике в конце XIV в. школы, в которых преподавание велось на итальянском языке. В поэзии, создававшейся вначале на латинском и итальянском языках, уже в XV в. появляется «славянская» тема и начинает использоваться местный язык. Поэты Илья Цриевич, Юрай Шижгорич, Марко Марулич, Шишко Менчетич, Джоре Држич, творчество которых развивалось в русле дубровницкого Возрождения, постепенно приходят к народному языку и настраиваются на «славянский» лад, усиливая в своих произведениях оригинальный народный элемент в противовес итальянскому влиянию и местной религиозно-дидактической литературной традиции.

К середине XVI в. в Дубровнике языком литературы становится хорватский язык. В поэзию проникают общественные мотивы. В творчестве Мавра Ветрановича и Марио Кабоги находят отражение жизнь республики и ее граждан, пороки общественного устройства, испорченность нравов дубровницких властелей-патрициев, всемогущество денег. К этому времени возрастает жанровое разнообразие литературы Дубровника: в ней появляются драма, сатира, карнавальная поэма и пр.

Дальнейшее развитие поэзии связано с именами Дмко Ранины и Динко Златарича, поэтов и переводчиков, творчество которых падает на вторую половину XVI в.

К тому времени, когда на литературную арену выступил великий поэт Иван Гундулич, литература Дубровника уже вышла на путь самостоятельности и стала оригинальной как по содержанию, так и по форме. Период второй половины XVI — первой половины XVII в. ознаменовал эпоху расцвета дубровницкой культуры,

в частности литературы, которая характеризуется богатством жанров, глубиной содержания, народностью языка, постановкой вопросов, отражающих борьбу южнославянских народов против иноземного владычества. Поэтические формы испытывают на себе влияние барокко и маньеризма. Наивысшим моментом культуры этого периода и является поэзия Ивана Гундулича и в первую очередь его шедевр — эпическая поэма «Осман».

Начало творческой деятельности Гундулича падает на 10-е годы XVII в. Первыми его произведениями были драмы, в большинстве своем не дошедшие до нас. Они представляли собой либо переводы с итальянского, либо самостоятельную разработку широко известных сюжетов из античной мифологии. Исключение составляла оригинальная драма «Дубравка», аллегорическая пасторальная пьеса, прославлявшая Дубровницкую республику и ее вольности и до сих пор идущая на югославской сцене.

Наступление католической контрреформации сказалось на творчестве поэта. Под влиянием исторических событий, происходивших во многих странах Европы, Гундулич обращается к религиозной теме. К этим годам относятся его «Покаянные псалмы царя Давида», «Слезы блудного сына», стихотворение «О величии божьем». Его же перу принадлежит элегия «На смерть Марии Каландрицы» и ода «Фердинанду II, герцогу Тосканскому».

Можно считать вполне обоснованным мнение, что поэтический талант Гундулича развернулся в полную силу только в поэме «Осман», в которой впервые во всей дубровницкой литературе тема освободительного движения, важная для всего южнославянского мира, разработана с необыкновенной широтой и глубиной. Показав общественную жизнь южных славян своей эпохи, поэт отразил и внутренний мир борцов за свободу в соответствии с гуманистической литературной традицией данного периода. Идейность и актуальность содержания наряду с «вечными» мотивами человеческих судеб были тем новым, значительным и знаменательным, что отличало поэму и самого поэта от его предшественников и современников. Использование в поэме фольклорного наследия, отражение в ней общенарод-

ных задач и жизненных тенденций позволили автору создать глубоко народное произведение.

Гундулича давно интересовала история борьбы «креста» с «полумесяцем». Еще в 1620 г. в предисловии к «Покаянным псалмам царя Давида» поэт выразил свое намерение перевести «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо, с тем чтобы славянскому читателю показать прославленное произведение, изображающее знаменитый в истории эпизод борьбы христианства с мусульманством. Но жизнь сама распоряжалась сроками и темами. В 1621 г. произошло знаменательное событие, изменившее творческие замыслы гундулича и вдохновившее его на создание эпоса «Осман».

Непосредственным поводом к созданию поэмы послужила Гундуличу Хотинская битва, в которой Турция получила чувствительный удар по своему престижу и военной мощи. В этой битве был развенчан миф о непобедимости турецкой армии и о вечности турецкого гнета над южными славянами.

Напомним некоторые основные данные. В мае 1621 г. «Блистательная Порта», следуя давней политике захватов в славянских землях, направила против Польши, в которой в это время правил Сигизмунд III, огромную армию под командованием совсем юного султана Османа II. На территории нынешней Черновицкой обл. УССР, у стен Хотина, где стояли польские войска под командованием Карла Ходкевича и престолонаследника Владислава, произошли затяжные военные действия, закончившиеся отступлением турок. Под стенами крепости турки потеряли около 80 тысяч воинов и 100 тысяч лошадей. Осман вернулся в Константинополь, мечтая о реванше: он думал отправиться на Ближний Восток и в Африку, чтобы набрать новое войско и повторить польский поход. Но его планы не сбылись. В 1622 г. янычары выступили против султана, восстановив на престоле прежнего султана Мустафу, а Османа II убили.

Турция, несмотря на военные неудачи, все еще оставалась хозяином на Балканах, а судьба южнославянских народов не была решена.

Такова историческая канва эпической поэмы «Осман». Но содержание поэмы шире событий, связанных

только с Хотинской битвой 1621 г. Произведение Гундулича возникло на фоне усилившегося народного движения на Балканах, сущность которого составляли национально-освободительная борьба, антифеодальное движение, а в самой Далмации, на родине Гундулича, и борьба против торговой буржуазии. Все эти виды борьбы осложнялись различными факторами международного и внутреннего порядка.

Обращение Гундулича как поэта к теме борьбы славян с турками было связано также и с широким распространением на Балканах, в литературе и фольклоре, пророчества, что близится конец турецкому владычеству. В своих надеждах славяне исходили из представления о том, что, когда исполнится 1000 лет со времени смерти Магомета, т. е. в 1632 г., произойдет крах Оттоманской империи, а славяне вознесутся в новой славе на ее обломках. Поэтому отступление турок от стен Хотина в 1621 г. казалось предвестником скорого падения «полумесяца» и торжества «креста». Гундулич надеялся, что к моменту гибели Турции он закончит создание монументального поэтического произведения, выход которого в свет совпадет с апофеозом исторической справедливости. Но эти его чаяния не оправдались, поскольку сроки гибели турецкого господства на Балканах отодвигались.

По происхождению Иван Гундулич был дубровницкий патриций. Получивший широкое гуманистическое образование, поэт был одним из передовых людей своего времени и патриотом славянства. Он откликнулся на общественное движение эпохи созданием произведения, в котором стремился отразить рост национального самосознания и борьбу славянских масс против иноземного гнета. Но в народном движении на Балканах он увидел только одну его сторону: борьбу масс против иноземного владычества. Вторую сторону этого движения — усиливающийся протест народов Далматинского побережья против своих национальных эксплуататоров, т. е. торговой буржуазии, а также против феодально-крепостнического ига — он не рассмотрел, хотя и выступал косвенным обличителем разлагавшейся феодальной системы как у турок, так и у славян. В эпической поэме «Осман» он проявляет себя выразителем стремлений дубровницкой буржуазии, стес-

ненной феодальными рамками и ищущей новых путей развития.

Антитурецкая направленность поэмы вызвала в свое время неудовольствие дубровницких властей, боявшихся осложнений в отношениях с Турцией. Сенатом был наложен на поэму запрет. Законченная в основных чертах, видимо, в самом начале 30-х годов XVII ст.[1] она была впервые опубликована только двести лет спустя в Дубровнике и вызвала к себе большой интерес, найдя отклик в умах передовых людей страны и среди читателей. Многие ее мотивы перекликались с актуальными проблемами национально-освободительной борьбы южных славян и в XIX в.

Поэма на протяжении многих десятилетий привлекала к себе внимание не только хорватских и сербских исследователей, но и русских, польских, шведских и др. Об «Османе» существует обширная литература на различных языках. В России о поэме впервые узнали через два года после выхода в свет первого ее дубровницкого издания. В 1828 г. журнал «Атеней» поместил заметку, озаглавленную «Осман, славянская поэма» и дающую высокую оценку произведению. Но имя Гундулича могло быть известно в России еще в XVIII в. В 1735 г. в руки В. Тредиаковского попала «далматская книжка», содержавшая «притчу евангельскую о блудном сыне» и поразившая поэта исключительной стройностью «хоренческого тетраметра». Это были «Слезы блудного сына» Гундулича.

В изучение творчества великого поэта и дубровницкой литературы значительный вклад внесли русские славяноведы Р. Брандт, В. Макушев, В. Качановский, А. Липовский и др. Но сама поэма «Осман» на русском языке не публиковалась; лишь в 1871 г. в антологии Н. Гербеля «Поэзия славян» был напечатан

[1] Королевич Владислав, которому посвящена поэма «Осман», стал королем Польши в 1632 г. Гундулич на протяжении всей поэмы зовет его именно королевичем. Видимо, поэт в основном закончил свое произведение еще до того, как Владислав стал королем. В то же время в поэме есть указания на то, что поэт работал над ней и позднее. Так, в III и VIII песнях упоминается «избранница» Владислава Цецилия Рената, дочь австрийского короля Фердинанда II, на которой Владислав женился в августе 1637 г.

короткий отрывок в переводе на русский язык, а значительно позднее, в 1962 г., несколько фрагментов были помещены во II т. «Хрестоматии по зарубежной литературе». В 20-х годах нашего столетия поэма была в полном объеме переведена на русский язык известным славистом Н. Гальковским, но перевод погиб во время блокады Ленинграда.

* *
*

Основная идея поэмы «Осман» — призыв к борьбе за освобождение южных славян из-под власти турок. Гундулич выступает здесь как великий патриот славянского мира. Мотив свободолюбия, характерный для дубровницкой поэзии, является ведущим во всем творчестве Гундулича. Еще в драме «Дубравка» поэт писал: «О свобода, прекрасная, дорогая, любезная. Ты — дар, в котором бог дал нам все блага... Все серебро, все золото, все человеческие жизни не могут быть платой за твою чистую красоту». В «Османе» поэт в понятие свободы вкладывает новый оттенок: «О свобода дорогая! Дорогой ценой заплатит и оценит, всеблагая, кто тебя навек утратит...»

Поэт высказывает свое заветное желание, чтобы его родной город и все славяне были свободны и жили в мире, согласии и дружбе между собой и с другими народами. Во всех балканских землях, порабощенных турецкими завоевателями, Гундулич видит запустение, бедность, нищету. Он сочувствует покоренной и разоренной турками Греции: «Турок взял твою свободу, отнял все твое богатство, и свободному народу навязал, проклятый, рабство». Образцом свободы выступает у него славянский город Дубровник, в котором поэт видит надежду и идеал всех южных славян: «...Дубровник и поныне — между Львом и злым Драконом. Верность, мир — его святыни; огражден свобод законом»; «...Дубровник, город белый, людям, небу — всем угодный!» Соседи Дубровницкой республики порабощены: «...меж пастью злой Дракона и когтями Льва, без славы, в рабстве чуждого закона все славянские державы».

В исторической литературе много страниц было посвящено воспеванию дубровницкой «свободы», дуб-

ровницких «вольностей». Республика юридически была независимой, но эта независимость оплачивалась дукатами. Более сильные соседние державы оказывали постоянный нажим на Дубровник и стремились захватить его, поскольку он имел очень выгодное положение на перекрестке торговых путей. Соперничали друг с другом республика св. Марка — Венеция, хорватские князья, Порта, Австрия, Венгрия. Состояние соперничества соседей и было залогом независимости Дубровника. Положение коренным образом изменилось в 1808 г., когда, согласно рескрипту Наполеона, маршал Мармон объявил республику св. Влаха (так звали Дубровник) низложенной, и город стал просто центром Иллирийского королевства. В 1815 г. Венский конгресс отдал республику под власть Габсбургов, и с тех пор Дубровник уже не имел самостоятельного значения. А пока этого не произошло, сенат республики столетиями очень умело лавировал между Сциллой и Харибдой, ассигнуя из своего бюджета солидные суммы на откуп и вступая в соглашение то с Венгрией, то с Венецией, то с Турцией. Что касается османов, то они, не умея торговать, экономически были не очень заинтересованы трогать Дубровник; они, скрепя сердце, оставляли его свободным на европейском, африканском и азиатском рынке и получать ежегодно от республики деньги как плату за ее независимость. Впрочем, Дубровник платил и другим соседям. Такова была изнанка дубровницкой свободы на международной арене. Но и такая призрачная независимость давала возможность республике иметь свой флаг, на котором писалось слово «Libertas» («Свобода»).

Гундулич идеализировал не только внешнеполитическую свободу своего города. Для него Дубровник — «милое гнездо любезной свободы», где люди живут, не зная притеснений и несправедливости. Но истинное положение было далеко от идеала, нарисованного поэтом, поскольку отнюдь не все сословия пользовались в городе свободой: между высшими и низшими существовала непроходимая бездна.

К представлению Гундулича о свободном славянском государстве была близкой Польша, в которой поэт видел реальную силу и оплот южных славян в их борьбе за освобождение. Об этом он пишет в XI песне

«Османа», вкладывая в уста турецкого посла перед троном Сигизмунда III следующие слова: «...прочие державы те, что мы мечом не взяли,— дело вашей чести, славы, вашей силой устояли».

Симпатии Гундулича к Польше объяснимы, хотя ориентация на Россию как на оплот славянства была бы исторически более целесообразной. В 1853 г. К. Маркс писал, что «славяне видят в России свою естественную покровительницу» [1]. В эпоху Гундулича даже предпринимались попытки создания антитурецкой лиги балканских народов во главе с Россией. Но, как известно, в первой четверти XVII в. она не была готовой выполнить возлагавшуюся на нее южными славянами миссию. Объясняется это тяжелым внутренним положением России того времени. Крестьянская война, религиозное движение, так называемое междуцарствие, нашествие шведов и поляков, восстание на Украине против польской шляхты — все это временно ослабляло Россию. Но уже к середине XVII в. Россия снова вернула себе международный авторитет и возродила надежды южнославянских народов на освобождение от турок. Польша же после Вестфальского мира 1648 г. уже не играла крупной самостоятельной роли в Европе, хотя в начале XVII в. она была активным бортом против турок. Этим и объясняются «польские» симпатии Гундулича. В связи с Хотинской битвой и ролью в ней поляков вполне оправдана ориентация поэта на Речь Посполитую. При этом следует учитывать еще и католическую принадлежность поэта.

Гундулич, оплакивая свободу, утраченную южными славянами, объясняет эту утрату отсутствием согласия и единства в них. Знаток истории, поэт приводит пример Рима, погибшего от внутренних неурядиц и распрей: «В несогласье зла причина. Им (римлянам.— *В. З.*) за то пришла расплата, что отец восстал на сына, зять — на тестя, брат — на брата. Безуспешно стран не мало взять над ними верх старалось. А паденья их начало в них самих же заключалось».

Отсюда следует урок: «Будь же проклят, кто отнимет у родных покой, согласье, в граде собственном поднимет споры, ссоры, разногласья!» В другом месте

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9. М., 1957, стр. 22.

поэт говорит: «Дело в мире и согласье даже малое взрастает; в ссорах, смуте, разногласье и большое погибает». Из приведенных примеров видно, как глубоко и правильно он понимал исторические события и их природу. В словах поэта можно услышать косвенное осуждение феодализма и феодальной разобщенности, в условиях которых славянам трудно объединиться.

Основной смысл поэмы и состоит в обращенном ко всем южнославянским народам призыве объединиться во имя достижения великой цели освобождения. Народная борьба на Балканах против турок велась веками. Но эта борьба была разрозненной. Эту особенность прекрасно видел Гундулич.

В представлении поэта жил образ всего славянства. Идея всеславянской общности сквозит в ряде его произведений. В оде «Фердинанду II, герцогу Тосканскому» Гундулич пишет о «всем славянском народе», населяющем огромное пространство «от Дубровницкой области до льдистого Северного океана», о славянах, которых «пространный мир разделяет, а общий язык соединяет». В поэме «Осман» мотив славянского единства повторяется. В III песне поэт называет Орфея «славным болгарином», чьи песни остались «всем славянам в назиданье, чтобы всяк вовеки славил в песнях славные деянья». Тот же мотив звучит в VIII песне.

Следует напомнить, что в рассматриваемую эпоху в Далмации, Польше, Чехии создавалось много исторических панславистских исследований. Обилие научных работ такого рода Зденек Неедлы объяснял следующим образом: «Желая положить конец влиянию протестантов в юго-славянских странах, католическая церковь старалась создать здесь свое славяноведение... В Польше иезуиты первыми начали проповедовать политический панславизм, т. е. объединение славян в единую великую славянскую державу». Всех историков, писавших об этом, Неедлы называл «католическо-контрреформационными панславистами» [1]. Гундулич, хорошо осведомленный в делах эпохи, мог знать исторические взгляды чеха П. Пулкавы, поляков Я. Длугоша и М. Меховского, своих современников Б. Папроцкого, А. Врančича, Л. Цриевича, М. Орбини и других, т. е. для возник-

[1] «Slavia». s. 1. Praha, 1953, стр. 13, 16.

новения стройной системы взглядов на славянство и его историю у поэта было больше чем нужно мотивов и данных. Но рассуждая о славянской общности, о необходимости объединения славянских народов, он нигде не говорит о создании всеславянского государства. Объединение он мыслит как средство достижения победы над туркамн. Если же он и говорит, что для «главы державной» королевича Владислава «сто корон златых куется», если он ему советует: «Новый царь будь в царстве новом»,— то, как можно предположить, это просто риторический прием, гипербола, употребляемая с целью еще большего возвеличения польского престолонаследника, поскольку сам же Гундулич показом трагической судьбы султана Османа как бы предостерегает самого Владислава от фантастических планов, от мечты о мировом господстве. В данном случае мы исходим из того, что поэт вообще преувеличил роль Владислава и приписал ему действия, которых тот не совершал. Если верить Гундулнчу, Владнслав был главиокомандующим войск, стоявших в Хотине; на самом же деле королевич призван был возглавить одну половину, а Карл Ходкевич — другую половину войска. В «Османе» чувствуется желание поэта возвеличить Владислава. Так, в X песне пишется: «Жезл верховный — королевич, королевскнй сын стяжает; воеводство Карл Ходкевич надо всеми получает». А раньше, в III песне, о Владиславе говорилось: «Он с героями своими (им Ходкевич был главою) Владислава (убитого в 1444 г. героя Варны.— *В. З.*) честь и имя отомстил своей рукою». На самом же деле престолонаследник Владнслав в Хотинской битве не участвовал, а пролежал все время в постели тяжелобольным. Сказать об этом — значит поэту самому разрушить весь замысел поэмы. А он решил показать именно в лице Владислава и польского войска ту силу, которая призвана была освободить южных славян от турок. Из этих же соображений поэт наделил королевича необыкновенной храбростью и преувеличил численность турецких войск, чтобы подчеркнуть трудность борьбы и величие победы. Король Сигизмунд III уже был стар, непопулярен в Польше и Европе, т. е. сходил с исторической арены, а королевич был молод, талантлив и подавал большие надежды как полководец. Видимо, поэтому

Гундулич и возлагал на него такую великую миссию сокрушения могущества Оттоманской империи. Кроме того, могла играть роль и личная привязанность поэта к королевичу.

Гундулич проповедовал идею славянской взаимопомощи, ставя тем самым очень важную проблему, выдвинутую самой жизнью и вековой борьбой славян. Поскольку славяне не мирились с чужеземным владычеством, то искали выхода в объединении усилий и в помощи со стороны других народов. Здесь и лежат истоки идеи славянской взаимопомощи. Пример Хотина был в глазах Гундулича впечатляющим еще и потому, что он являл собой образец воплощения этой идеи. Описывая польское войско на Хотинском поле, поэт в качестве участников битвы называет смолеиских воинов, воинов из Полесья и Полоцка, Замостья, волынские отряды, киевские полки, подольцев и белорусов, казаков под предводительством Сагайдачного и др. Таким образом, победу над Османом II одержали, по мысли Гундулича, не одни поляки, но и отряды других славянских народов.

В эпоху Гундулича в католическом мире существовало мнение, что освобождение южных славян мог бы обеспечить при определенных условиях союз некоторых европейских государств, например Германии, Испании, Франции. В этом направлении предпринимались даже конкретные шаги. Достаточно вспомнить миссию далматинца Франа Бертуччи в Западную Европу и Кристофа Тарновского в славянские земли с целью создания коалиции «христианских» стран против Оттоманской империи. Гундулич в XI песне «Османа» высказывает отрицательное мнение о возможности вмешательства западноевропейских держав в славянские дела, хотя описывает участие под Хотином иноземных отрядов. В уста турецкого посла, представившего свою верительную грамоту польскому королю, он вкладывает следующие слова, обращенные в адрес Сигизмунда: «...если б те два царства (Германия и Испания.— *В. З.*) все же помощь оказали (Польше.— *В. З.*), за собою государство смог бы ты сдержать едва ли». Иными словами, если бы «союзные» державы решили осуществить акцию освобождения, то начали бы ее с того, что «освободили» бы и польский престол и по-

садили бы на него своего ставленника, какого-либо Альбрехта Валленштейна, или Эрнста Мансфельда, или Адама Шварценберга, как это уже планировалось однажды. Поэтому хитроумный посол Порты и говорит: «...едва ль войска чужие сберегут поляков славных! Сгинут ляхи боевые в битвах первых же, неравных». А далее следует открытый намек королю: «Человек разумный знает, что́ с державой приключится, если он в страну сзывает, ей на помощь, сильных биться».

Свобода, по мысли автора, необходима для мирной и счастливой жизни. Ему известно достоинство мира: «Счастью мирному все рады, мир в обилье утопает, королевства он и грады держит, множит и питает». Известно ему и то, насколько трудно сохранить мир: «...огонь зажечь решиться трудно ль? Чуть пожар займется — знать нельзя, доколь продлится он и как тушить придется. Бой начать нетрудно тоже. Но продлится он доколе, чем тот бой свершиться может — предсказать не в нашей воле». Показав привлекательные стороны мира, Гундулич подводит читателя к неоспоримому выводу: чтобы установить мир, нужно прежде освободить страну от иноземцев, турок, т. е. за мир необходимо сражаться, так как мир невозможен без свободы. В этом смысле Хотинская эпопея, по мнению поэта, является весьма поучительной как пример объединенных действий славян в борьбе за свободу и за мирную жизнь.

Поэма «Осман» пронизана от начала до конца идеей славянского патриотизма. Автор ее преисполнен гордости не только за свой родной город Дубровник, сумевший отстоять независимость и республиканские свободы; он испытывает то же чувство при размышлении о героическом прошлом всех южных славян. Поэт и его герои полны ответственности за судьбу своей родины. И это чувство определяет творческую позицию автора, взгляды и убеждения его самого и его героев. Патриотизм характеризует содержание всего произведения, его художественное своеобразие, нравственный портрет героев. Чувство родины в поэме проступает в описании народных героев, эпизодов истории, в художественном воспроизведении картин народного быта, родной природы, в ярком изображении славы отечества и позора турецкого царства. Особенно показа-

тельна VIII песня, пробуждающая в читателе, с одной стороны, гордость за славян, а с другой — чувство ненависти к туркам-поработителям.

Гундулич был проповедником идеи общественного долга и самопожертвования. Убедительно звучат его слова: «...кто родному граду мир несет и жаждет воли,— обретает честь в награду: он убьет, убьют его ли». Поэтому герои поэмы — люди, готовые принести себя в жертву за отечество, за справедливое дело. Воительница Крупослава, отстаивая честь своего войска, выходит на поединок с Соколицей, представительницей враждебного лагеря; Владислав, бросаясь в губительную сечу, своим войскам являет образец беззаветного служения общему делу; Милош жертвует собственной жизнью, чтобы убить турецкого султана; сыновья Юрия Любдрага — Вук, Джурадж, Гойко, Урош и Янко — пали смертью храбрых в борьбе против общих врагов и т. д.

Контрастом славянскому миру в поэме изображается мир турецкий. Не жалея темных красок, поэт показывает признаки внутреннего разложения Оттоманской империи, предрекая неизбежность и близость ее распада, конец владычества над порабощенными народами. Не следует думать, что в своих пророчествах поэт руководствовался только благими пожеланиями, принимая желаемое за действительность. Превосходный знаток истории и современности, Гундулич видел реальные основания для своих выводов. В его эпоху Турция действительно клонилась к упадку, миновав зенит своего развития. Открытие Америки и морского пути в Индию нанесло удар по ее торговле и уменьшило ее значение в международной торговле и роль посредника в европейско-азиатской коммерции. Феодальная система стала тормозящим фактором в дальнейшем ее развитии, а экономика из десятилетия в десятилетие приобретала все более и более застойный характер. Военное дело и финансы приходили в упадок. Феодальная конница, главная военная сила страны, уменьшалась численно и постепенно теряла свою боеспособность. Крестьянские восстания, феодальные смуты, междоусобные распри раздирали страну и ослабляли мощь империи. Опора султанского трона — янычары — расшатывалась и выходила из-под контроля. Верхушка

янычарского войска, разнузданная, обленившаяся, испорченная подачками и привилегиями, была главной движущей силой всех дворцовых интриг, заговоров, переворотов. Перед янычарами трепетали султаны, визири и все окружение трона. Гундулич отразил в поэме разложение феодальной системы в Турции, признаки которого явственно проступали в перерождении янычарского войска, в усилении террора против «низов» общества, в неустойчивости султанского престола, в недовольстве даже привилегированных классов государственной политикой, в продажности властей, в росте протеста и сопротивления народных масс завоевательным стремлениям правительства.

Южные славяне, порабощенные османлисами, естественно, веками питали жгучую ненависть к своим притеснителям. Поэтому вполне объяснимо, что Гундулич, патриот-славянин, рисует турецкое царство во всех проявлениях таким, каким его мог видеть любой балканский славянин, т. е. беспощадно-мрачным, отрицательным. Эта отрицательная характеристика в общих чертах совпадала с истинным положением вещей.

Характеризуя упадок нравов в турецком войске, поэт в I песне говорит: «Злато — наши (турок.— *В. З.*) все святыни. Было так: герой ликует, заслужив награду; ныне — царь наградами торгует». «Мы (султаны.— *В. З.*) наложниц чтим греховных, но не витязей сражений». Подчеркивая жестокость, характерную для приближенных султана, поэт пишет, как советник предлагает Осману перед восточным походом убить в Стамбуле всех возможных претендентов на престол, а главное — Мустафу, бывшего султана: «...царю второму здесь в живых нельзя остаться». В IV песне, описывая привычки турецких воинов, Гундулич говорит: «Им (делиям.— *В. З.*) динар за бога служит; в лжи, обмане неизменны. С самопалом каждый дружит, тьмы оружьем и измены». Турок Ризван-паша из окружения Османа, по характеристике поэта, вероломен, коварен и хитер: «Мыслит — так, сулит — другое, но иначе исполняет». «Изворотливый и ловкий заговорщик, он умеет строить козни и уловки, опыт хитрости имеет». В XIII песне, написанной в фантастических тонах, на совете нечистой силы, олицетворяющей двор султана, сатана говорит, что против поляков надо применять

любые средства: «В ста обличьях лицедействуй, разрушай все уговоры, лги, хитри, обманом действуй, предавай и сей раздоры». И далее: «Злобу сей и омерзенье, гнев и ярость возбуждая, путай, ссорь, вноси смятенье, лживых с правыми мешая». Аналогичные средства рекомендует мать Мустафы, уговаривая своего зятя Даута свергнуть Османа и самому стать у власти: «Ссорь, бунтуй всех неустанно, ...в силу верь, во власть обмана!» Подобные оценки положения дел в турецком царстве можно найти во всех песнях поэмы.

Читатель поэмы неизбежно приходил к выводу: чтобы ускорить приход желанной свободы, нужно ускорить течение событий; для этого славянам необходимо объединиться и начать войну с врагом, который утратил былую мощь. Но война не может быть легкой, так как враг еще достаточно силен. Сознавая трудность борьбы, поэт в конечном счете убежден в превосходстве славянских сил. Борьбу южных славян за освобождение Гундулич изображает как общенародную войну, в которой участвуют не только избранные личности и отряды, а весь народ.

Взгляды поэта на природу и характер султанской власти однозначны. В государстве всегда есть силы, которые, по мысли Гундулича, обладают достаточной возможностью, чтобы свергать царей: «Тот, пред кем весь люд трепещет, страх и сам претерпевает»; «Царь, пред коим люд теснимый преклонялся постоянно, ...свергнут был слугой неверным, попран был рабом безвестным». В назидание держателям тронов автор поэмы говорит: «Знайте ж, люди, кто в гордыне век живет, гордыню множит: — Нет на свете той твердыни, что однажды пасть не может!» Суждение о природе государственной власти у поэта связано с насилием: «Трон из крови возникает». Сила султанов призрачна, если она не опирается на мощь войска: «...не имя, а юнаки... сила» престола; «коль юнаки станут ныне непослушными приказу — все твое (Османа II.— *В. З.*) величье минет, власть свою утратишь сразу». Престолу угрожают «бедствия безмерные», если царь остается «без людей, престолу верных».

Значительно сложнее и противоречивее взгляды поэта на народ. Отношение Гундулича к турецкому народу проявляется в эпизоде убийства султана.

В XVI песне поэмы при описании буита янычаров, к которым примкнула чернь, деклассированные элементы Царьграда, дана исчерпывающая ее характеристика: «Чернь слепа и своевольна, свет от тьмы не различает, ложь за истину невольно без разбора принимает; не поймет своих желаний: что хотеть, любить сердечно? Люд пуглив, ленив, восстаний, смут и буитов жаждет вечно. То войны, то мира чает, жаждет вечно перемены, то тирана возвышает, то благому ждет замены... Ждать от черни одобренья в сложном деле — труд напрасный». У Гундулича есть основания для отрицательного отношения к константинопольской черни, которая в силу своего деклассированного положения всегда была продажной и занимала сторону того, кто ей больше сулил, кто дороже платил за участие в бунтах. В свое время К. Маркс характеризовал ее так: «...при любом важном coup d'état [1] эту чернь необходимо привлечь на свою сторону посредством подкупа и лести» [2]. Но в данном случае Маркс имеет в виду именно константинопольскую чернь, а не турецкий народ в целом. Гундулич же не проводит разграничительной черты и отождествляет чернь с народом. Подобный взгляд можно объяснить тем, что в эпоху турецкого владычества любой турок в глазах любого славянина на Балканах был угнетателем, врагом. Исторически такой взгляд был оправданным, так как славяне при турках были низведены до положения «райи», быдла, рабочего скота, а турки независимо от их социального положения считались господами, господствующей нацией. Славяне при этом могли не видеть, что и турецкий народ является жертвой феодальной эксплуатации. Взгляды Гундулича в этом отношении совпадают со взглядами века.

С другой стороны, поэт и в славянах не видел никакой классовой дифференциации. Для него понятие «славянский народ» отражало нечто целостное, единое. Он говорил о свободе для всех славян, подразумевая под ней свободу в первую очередь национальную, свободу от иноземцев. Для своего времени задача освобождения славян от турок была актуальной, первосте-

[1] Государственном перевороте (фр.).
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 7.

ценной, поэтому поэт и думал о ней, и проповедовал ее в первую очередь. Но восхваляя Дубровник и его вольности, он пел гимн буржуазной свободе в духе новых для того времени воззрений на понятие братства и равенства.

Гундулич как идеолог дубровницкой торговой буржуазии в поэме «Осман» выступает более объективным, чем некоторые его современники. Он возвысился над узкими задачами своего класса. Современники его тоже говорили о народе, но часто сводили дело к его религиозно-нравственному усовершенствованию в духе задач контрреформации, а народность их произведений сводилась к подражанию языку торговой площади, где они этот народ наблюдали и изучали в часы досуга. Гундулич же глубоко проник в прошлое и настоящее народа и в его освободительные устремления. Он выразил вековые мечты южных славян о независимости.

Для своего времени поэма «Осман» была подлинной сокровищницей передовых идей века, живших в народных массах. История Балкан и современная поэту эпоха подсказали ему мысль о создании произведения, отражающего дух века, борьбу народов, чаяния и надежды южных славян.

* *
*

Поскольку поэма «Осман» не публиковалась, она распространялась в рукописных копиях, которых насчитывается сейчас около восьмидесяти. Многие из них вообще не дошли до нас. После смерти автора оригинал поэмы хранился у сына поэта Франа Гундулича и был переписан в 1654 г. другом Франа Николой Охмучевичем. Так как оригинал не сохранился, эта копия считается самой старой. Наряду с ней в XVII в. сделаны т. наз. Ватиканский список, список Валовича, Чингри, Адамовича и, возможно, другие. От XVIII в. остался список Ловры Цекинича (1731). Несколько списков хранится в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Осман» насчитывает несколько переводов. Первым считается утерянный перевод на итальянский язык, сделанный жителем г. Котор Венцеславом Смеча

(Смеккья) для польского короля Станислава Августа. В 1827 г. был сделан второй перевод на тот же язык Николой Якшичем. Перевод был опубликован в Дубровнике. Ф. Аппендини написал к нему биографию Гундулича. В 1838 г. в Дубровнике вышел в свет третий итальянский перевод, М. Видовича, с дополнениями текста П. Соркочевича.

В Польше внимание к «Осману» было огромным. Уже в 1826 г., в год выхода первого дубровницкого издания «Османа», в польской прессе появляется сообщение, что поэму переводит на польский язык Т. Лубеньский. Судьба перевода нам не известна. В 40-е гг. XIX в. поляк Карол Бжозовский перевел на свой язык весь текст поэмы, имея в качестве редактора перевода А. Мицкевича, жившего в то время в Париже. Но в 1847 г. перевод погиб в Дрездене во время революционных событий. Третья попытка перевода «Османа» на польский оказалась более счастливой. В 1934 г. в Варшаве Ч. Ястшебец-Козловский в серии «Югославянской библиотеки» Бенешича издал полный объем «Османа» на польском языке.

На французский язык в 1838 г. был сделан перевод двух песен А. Соркочевичем. В 1865 г. в Венеции был опубликован перевод «Османа» Влахо Гетальдичем на латинский язык. На немецком языке поэма издана в Берлине в 1918 г. в переводе Катарины фон Поммер-Эше. Чехи смогли ознакомиться с содержанием «Османа» в 1920 г. в переводе Йозефа Вичаржа.

В предлагаемой читателю поэме 20 песен, из которых 14 и 15-я по не выясненным наукой причинам во всех копиях текста отсутствует. В XIX веке появилось два варианта дополнений, принадлежащих перу П. Соркочевича и И. Мажуранича. Для данного перевода избраны дополнения И. Мажуранича.

Поэма «Осман» впервые публикуется на русском языке в полном объеме. Переводчик предлагает самому читателю судить, удался ли перевод. Можно думать, что все те места, которые, возможно, не удались переводчику, не смогут бросить тени на сам памятник, значение которого и высокие поэтические качества непреходящи и несомненны.

В качестве языка перевода избран русский литературный язык ранней пушкинской поры, понятный

нашему читателю и в то же время позволяющий передать архаику оригинала.

Переводчик считает своим непреложным долгом выразить сердечную благодарность и чувство глубокой признательности ряду лиц, много сделавших для того, чтобы облегчить задачу переводчика и чтобы книга увидела свет: М. П. Алексееву, П. Н. Беркову, М. А. Гуковскому, Д. С. Лихачеву, Н. С. Рашбе, М. Р. Суднику и ныне покойному И. П. Еремину, а также югославским коллегам М. Ратковичу, А. и Е. Шаулич, Ф. Швелцу.

В. К. Зайцев

Иван Гундулич

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

тщета людской гордыни,
Чем себя ты утешаешь?
Ввысь стремишь полет свой ныне,—
Завтра долу ниспадаешь.

Перед тленом все повинны,
Все конец свой обретают.
А высоких гор вершины
Громы прежде поражают.

Если небо безучастно,
Все творенья быстротечны:
Без него и власть безвластна,
Царства сильные не вечны.

А фортуна беспрестанно
Колесо свое вращает:
Свергнет этого нежданно,
А другого возвышает.

Днесь над саблею корона,
Завтра — сабля на короне,
Ныне царь лишился трона,
Завтра — раб сидит на троне.

Сквозь несчастья — счастье блещет;
Трон из крови возникает;
Тот, пред кем весь люд трепещет,
Страх и сам претерпевает.

От главы царя отводит
Все измены трона сила,
Но нежданно происходит
То, что память позабыла...

Музы, всеблагие девы
На холмах горы священной [1],
Властью чьей звучат напевы,
Стих поэтов вдохновенный! —

Вдохновите и меня вы
Петь, как войска злою силой
Средь Царьграда царь державы
Предан смерти был немилой.

Воля муз — чтоб я не сбился,
Чтобы было мной пропето,
Как счастливо народился
Первый сын царя Ахмета [2];

А когда Ахмет скончался,
Удалился в мир загробный,
Мустафа [3] на трон взобрался,
Брат его одноутробный;

Срок его недолго длился,
Он утратил трон державный,
На престоле воцарился
Царь Осман [4], правитель славный;

Как затем Осман, взыскуя
Славы предков, в бой отправил
Против Польши рать большую
И на поле честь оставил.

Чтобы песен этих длинных
Строки вас не утомили,
Лишь скажу о тех причинах,
Почему царя убили...

Владислав [5], потомок славный
Королей преславных Польши,
Дел своих величьем равный
Всему миру, царствуй дольше!

Этих песен стих обычный
Удостой своим вниманьем,
Он поет твой подвиг личный,
Посвящен твоим деяньям.

Королевич достославиый!
О судьбе Османа грустной
И твоей победе славной
Все ведут рассказ изустный.

Пусть трубы моей звучанье
И тебя восславить сможет.
Ты верши свои деянья,
Стих мой славу их умножит...

Только горечь сожаленья
Грудь Османову терзала:
Рать его в пылу сраженья
От руки поляков пала;

И летит молва худая,
Мчится миром невозбранно,
Владислава называя
Победителем Османа.

Всадник сушей поспешает
Иль моряк блуждает в море —
Владислава воспевают:
Он принес Осману горе!

И друзья, пируя в селах,
Или пастырь, стад хранитель,
В песнях чтут его веселых:
Честь тебе, врагов гонитель!

На крылах летит безмерных
По земле молва людская:
Владислав побил неверных,
Их оружье сокрушая!

В синеве над облаками,
Чрез восток и запад пишет
Солнце светлыми лучами
Имя то, что славой дышит,

Пишет: бита сила злая
На Днестре — дракон восточный [6].
За врагами до Дуная
Гнался сокол полуночный [7].

Гордый отрок снова, снова
Опечален, сна не знает,
Мнит, что мир, хваля другого,
Стыд его усугубляет.

Восклицает: «Победитель!
То не зависти смущенье,
Ты сегодня повелитель,
Вижу в том судьбы решенье;

И меня не жребий мучит,
Тяжкий мне, тебе — счастливый
(Нас судьба смиренью учит,
Суд судьбы есть суд правдивый);

Но все муки, сожалеиья,
Скорбь моя и сердца рана —
Из-за неповиновеиья,
От предательств и обмана [8].

Не такими турок знали
В старину чужие страны!
С ними мир завоевали
Мои деды, их султаны.

Где те славные деянья,
Где старинный опыт ратный,
Образец для подражанья
И пример вам благодатный?..

Дни в сраженьях проводили,
Каждый храбр и сердцем молод,
И легко переносили
Летний жар и зимний холод.

В убеждении глубоком
Смерть покорно принимали;
Поле бе́гом, горы скоком,
Реки вплавь отважно брали.

Были смерть принять готовы
И любые испытанья,
Чем царя нарушить слово,
Чем позор непослушанья.

Из страстей и дел приятных
Им была одна наука,
Чтоб скакать на конях ратных
И пускать стрелу из лука.

Каждый брал для утешенья
Скакуна, на плечи — лукн,
Добрый меч, а в довершенье
Брал копье прямое в рукн.

Чтобы хлеб испечь в дорогу,
Было им и жито мило,
А воды простой немиого
Им питьем угодным было.

Кони все при них стояли
Ночью в хижинах зеленых,
Тех, что воины сплетали
Из ветвей дубов спилениых.

Воинам и воеводе
На земле, над моря бездиой —
Шкура зверя в обиходе
И постель и стол трапезный.

И не раз среди метели
В придунайской хладной дали
Расстилал им снег постели;
В изголовье камень клали.

Отличаясь простотою,
Их кафтаны легки былн;
Вместо панциря герою
Сердце, грудь его служили.

А отличья, званья, блага
Презирали, исключая
Те, что им несла отвага,
Сила, сабля боевая.

Рассуждали: жить без бою,
Что в лихой беде остаться,
Лучше жертвовать собою,
Чем без дела оказаться.

Говорили: женам дело —
Прясть кудель в потемках дома,
Нам — в сраженьях биться смело:
Не избегнет враг разгрома!

Если голову теряли
В сече грозной и жестокой,—
Гибель славой почитали,
Честью, гордостью глубокой.

Восклицали: не пристало
Лютой смерти нам бояться,
Лишь бы царство процветало,
С жизнью можно не считаться!

Ах, пора блаженной славы!
Как легко с людьми такими
Для своей стяжать державы
Мировой престол и имя!..

Все сменилось в наши годы,
Все их доблести пропали,
Воины и воеводы
Все предателями стали.

В бой нейдут. Зима и лето,
Хлад и зной — найдут причины.
В шелк и злато разодеты,
Словно жены, не мужчины;

В украшениях сияют,
Каждый хочет поживиться,
К неприятелю взывают:
Пусть без боя в плен стремится!

На земле, на водном лоне
И тягóт не знают даже:
Впереди — к параду кони,
Сзади — кони для поклажи.

Все на злате восседают,
Шелк в шатрах, а за обедом
В море птицу поедают,
В горы рыбу возят следом;

На трапезы время тратят,
Пир обильный совершая,
Пьют, покуда силы хватит,
Пьют, сознание теряя;

На перинах утопают
Средь покоев благовонных,
Блудом ночи заполняют,
О святых забыв законах.

Тот — пред челядью согбенной
На своем коне гарцует,
В злате весь, глядит, надменный,
И от гордости ликует,

И рисуется, кичится,
Славным хочет быть юнаком [9];
Весь в словах! Напрасно тщится:
Он ничтожен в деле всяком.

Видел я не раз в тревоге:
Славянин один — их много,
Но бегут, спасая ноги,
Как овца,— в глазах тревога.

На коня вскочив лихого
(Сам и воин и властитель [10]),
Не стерпев стыда такого,
Я кричал, их повелитель,

И не мог остановиться
Перед тем, чтоб, не карая,
Видеть срам и не грозиться,
Вспять бегущих возвращая.

Ах, вы, трусы, лиходеи,
Я кричал, что вас пугает?
Христиане вас сильнее?
Иль двух рук вам не хватает?

Иль они не те же люди?
Что ж вы робкие такие?
Есть ли сердце в вашей груди?
Где все доблести былые?

Лучше пасть вам всем средь бою
Со своим оружьем вместе,
Чем со славою дурною
Примирясь, пропасть без чести.

Но напрасно я трудился,
Бил, взывая со стараньем:
Страх у них усугубился
Яиычар непослушаньем.

Спахоляне [11] смело дрались
В том бою, но всем на горе
Янычары [12] вспять подались,
Потеклн и эти вскоре...

Бегство стало зла причиной:
Ляшский меч гулял со славой,
И Днестровскою долиной
Побежал поток кровавый.

Тот поток забит телами
Был от польской силы павшнх;
Сколь лежало тел пред нами,
В этой крови утопавших!..

Впредь могучею десницей
Я хочу всем миром править,
Воздавать за все сторицей,
И наказывать, и славить;

В нас, царях, ищи виновных,
В нас причина поражений:
Мы наложниц чтим греховных,
Но не витязей сражений.

Говорим тому, кто с нами
Служит, в блуде дни проводит,
Пусть-де бой ведет с врагами
И над всеми верховодит!

Злато — наши все святынн.
Было так: герой ликует,
Заслужив награду; ныне —
Царь наградами торгует.

А торговлю продолжает
И наместник: в деле всяком
Пастухов на рать сгоняет,
Деньги ж платит как юнакам.

Разве пастыри от стада
И такие воеводы
Могут драться? Им ли надо
Бой вести, сносить невзгоды?

Дале так не может длиться!
Велики мои дерзанья,
В этой сабле и деснице
Миру, всем предначертанья!

Александр [13], могучий воин,
В незапамятные лета,
В мои годы был достоин
Стать царем, владыкой света;

Сулейман [14], властитель славный,
Моему был прадед деду;
Мне тогда годами равный,
Нес в руке своей победу.

Ставлю славу их большую
В образец моим желаньям;
Мир пока не завоюю,
Буду верен их деяньям.

Замысл мой исполнен силой;
Предо мною цель большая...»
Царь умолк с мечтою милой,
Славу в мыслях умножая.

Думал: с царскою казною
На Восток пойдет; захватит
Списки воинов с собою
Тех, кому за службу платит;

Там казну своей рукою
Будет сыпать он бессчетно,
Чтоб к нему, спеша толпою,
В войско люди шли охотно;

Янычарам, в плоть отряда,
Он вольет живого сока
И добавит сколько надо
Новых воинов с Востока;

Спахолян порядком срочным
Рать удвоит и спаяет,
С войском избранным восточным
Съединит и побратает.

Пусть под той уздой смирятся
Все (отныне строгим буду!),
Не щадя главы пусть мчатся
По цареву слову всюду!..

Дал себе он обещанье:
По делам отныне судит!
Обретет лишь тот признанье,
Кто в бою героем будет;

Только тех на пост державный
Он возвысит в одночасье,
Кто с врагами в битве славной
Вынет жребий свой и счастье.

И не блудом, не деньгами —
Только крепостью духовной
Пусть заслужат люди сами
Честь пред властию верховной...

Царь надеется глубоко:
Эта щедрость не обманет,
Всемогущим от востока
И до запада он станет.

Твердые свои решенья
И под клятву и на веру
Рассказал без промедленья
Царь визирю Дилаверу [15]

(Этот, год назад, без слова,
Рать бойцов восточных взявши,
Прикрывал царя младого,
Бой с поляком завязавши;

И пришлося Хусеину [16]
Со своей проститься славой;
Днлавер обрел причину
Стать царю рукою правой).

О решенье том узнали
От царя ходжа [17] надворный
И хадум [18], в своем серале [19]
Белых вил [20] начальник черный.

Царь велел, чтоб все хранили
Тайну этого решеиья,
Боголюбием прикрыли
От людского окруженья:

Пусть молва распространится,
Утолив пытливость света,
Царь пойдет-де поклониться
В Мекку [21], гробу Магомета.

А оттуда мимо Тнра
В край, где море прилегает,
Там сидонского эмира
За измену покарает [22].

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Юность! В дерзком устремленье
Ты не ведаешь боязни,
Даже смерть в лихом боренье
Видишь ты без неприязни.

И смела ты, и свободна,
Мысль тебя не утруждает,
Сложность дел тебе угодна,
Трудность жизни не пугает.

Если очень возгордишься —
Море синее утопит,
Если к солнцу устремишься —
Солнце в крыльях воск растопит [1].

А иной юнец в гордыне
Средь воды огнем пылает:
Пав с небес, в морской пучине
С колесницею сгорает [2].

Александр в лета младые,
В полноте великой славы,
Плакал, что еще иные
Есть и земли и державы [3].

Ныне младостью томится
Чадо буйное Османов [4]:
Бедствий чадо не страшится,
Все в плену самообманов.

Ах, Осман! В предел восточный
Не спешн! Царю пристало
Верных слуг — совет урочный —
Всех заслушать для начала.

Мудры слуги в их сужденьях
О чертах, тебе присущих:
Своеволен ты в стремленьях
И не знаешь дней грядущих.

Где в твоих решеньях сила?
Мысль твоя еще незрела,
Опыт — жизнь не подарила,
Молод ты еще для дела.

За своей весной незрелой
Осень жди, ее урока,
Славы плод, еще неспелый,
Не губи ты раньше срока.

Победить врага в сраженье,
Покорить непокоренных —
Благородное стремленье
Славой всех мужей вспоенных;

Но кто бед не бережется,
И коварства не страшится,
Безрассудным назовется,
В мненье общем умалится.

Так и лес в горах: для глазу
Он зеленый и прекрасный,
Но войди, увидишь сразу —
В нем и гад, и зверь опасный...

Дилавер же, затаенный
План узнав царя младого,—
Скрытой думой отягченный,
Мыслит: быть несчастьям снова.

Этот страх его тревожит,
Каждый шаг царя им взвешен,
И сейчас сказать он может:
План царя, увы, поспешен.

Ныне, прежде чем оставит
Царь младой Царьград любимый,
Мысль свою визирь объявит,
Опасеньями томимый.

Он с хадумом и ходжою
Перед троном появился;
Знал: под клятвою святою
Царь уже и им открылся.

Подошли, склонивши главы;
Всяк прижал к груди десницу,
Край одежд царя державы
Поднести к устам стремится.

Средь чертога голубого,
Златоцветьем расписного,
В виде одра золотого
Трон царя стоит честного.

На коврах, затканных златом,
Здесь подушка перед взором,
В мишуре златой, богатым
Изотканная узором.

В одеяниях зеленых
(Златом, жемчугом сверкает!)
На ногах своих скрещенных
Славный царь тут восседает.

Белоснежная святая
Вкруг главы чалма повита.
Над челом горит, сверкая,
Солнце, в камень перелито.

А над светлым камнем вьются
Перья серые султаном,
Что под тонким шнуром гнутся,
Чистым золотом затканным.

Юный царь, лицом прекрасный,
Отличается от свиты:
Черноокий, златовласый
И румяные ланиты.

Он десницы мановеньем
Сесть дозволил приближенным.
Начал речь вполнь с волненьем,
Полный смыслом затаенным.

Говорил паша степенный:
«Там, где царь повелевает,
Не по праву раб смиренный
Первым слово получает.

Честь же, коей наделила
Милость царская визиря,
Смелым быть мне мысль вселила,
Славу дел царевых ширя...

Войск твоих непослушанье
(В нем причина пораженья!)
Учит: в том живет желанье
Зла, кто знает зла значенье.

Коль чреда мне наступила,
Я скажу, мой повелитель:
В небе есть одно светило,
В мире — лишь один властитель;

Мустафа ж исполнен рвенья,
И другие мысль лелеют,
Что при первом же смятенье
Снова троном овладеют.

Живы братья твои ныне [5];
Мустафы же мать [6] мечтает
О себе лишь и о сыне
И возвыситься дерзает.

Будь у ней престол и сила
(Не дай бог тому случиться!) —
Много б дел худых свершила,
Чтоб царицей утвердиться.

Братьев всех злодейка эта
Удавила бы без слова,
Чтоб самой во тьму из света
Не попасть однажды снова.

Много знает, много смеет;
Слухи в людях есть такие,
Будто словом вил владеет,
Знает речи колдовские.

В темноте одна блуждает,
Ночь когда падет глухая,
Злые козни расставляет,
Ад на помощь призывая.

Ногу левую разует,
Распояшет свое платье,
Распустив власы, рисует
Прутом черным круг заклятья.

Фурий, чудищ безобразных
Поименно вызывает,
Непослушных духов разных
Заклинаньями скликает.

Плоть детей, коль верить слухам,
Претворяет в мазь живую
И на овне к врагодухам [7]
Вылетает в ночь глухую.

И на нем без страха мчится
В горы, в стойло вилозмая [8]:
Ведьмовской там круг кружится,
Под орехом пир свершая.

Слышал: адскими речами
Глад на войско напустила,
Гладом больше, чем мечами
Ляхи, воинов сгубила.

Колдовской семьи исчадье
(Мать колдуньею звалася),
На границах Семиградья
В угровлахах родилася [9].

И в своей семье умелой
Злые чары изучила:
Окровавить месяц белый
Или свет затмить светила.

Омрачает блеск лазури,
Звезды с неба низвергает,
В море шлет, злодейка, бури,
Ветер в вихри обращает.

Жжет дома и нивы тщится
Истребить грозой иль градом;
Обернуться может птицей,
Зверем, дубом или гадом.

Вероломная гяурка [10],
В чуждой вере зачатая,
Лжет она, что дочь-де турка,
Лжет, законы попирая.

Божьей истины не знает,
Ни с какой не дружит верой,
На себя лишь уповает,
Мерит все своею мерой.

Сына любит не напрасно:
Сын на трон — она царица!
Ради этого согласна
Злу любому подчиниться.

Дабы сиова править троном,
У нее в те дни отнятым [11],
Всем пожертвует: законом,
Силой, верой, честью, златом.

Не красавица, но знает,
Чем понравиться мужчине:
В неге томной пребывает,
Краской мажется поныне.

Угровлашский [12] воевода,
Красоты ценя примету,
В дар царю красотку отдал
Деду твоему Мехмету [13].

Вот о ней что говорится!
Все ли так — того не знаю.
В этом есть и небылица,
Есть и правда, полагаю...

Мой совет тебе: три дела
Для державы сделать надо,
А тогда иди уж смело
Из старинного Царьграда.

Так скажу: царю второму
Здесь в живых нельзя остаться,
Ибо дереву сухому
Враз огнем легко заняться;

Мать убей и зятя дяди
Мустафы [14] — не знай пощады;
На пути своем, не глядя
Ни на что, разрушь преграды.

И еще — о братьях слово.
Мудрый муж об этом знает,
Что река, усохнув, снова
Полноводной не бывает...»

Тут визирь, царя хранитель,
Смолк, закончив речь благую.
Поднялся ходжа, учитель,
И поведал мысль такую:

«Раб, тебя учивший знанью
(Знаньем царство процветает),
Молвит: царства процветанью
Слово божье помогает.

Так послушай же совета,
Внемли, волю неба слыша;
Я монах, а ты царь света,
Бог всевышний — всех превыше.

Царь царей! Ужель желанье
И не вызовет печали,
Чтобы старый дом Османа
И его величье пали?

Вместе с ним погибнуть можешь
Ты, венец красы и славы,
Прежде чем свой род умножишь
И упрочишь трон державы.

Государь, прости, открыться
Твой слуга тебе желает:
Ведь не будет тот таиться,
Кто предать не замышляет.

Пусть же правда, торжествуя,
Царь младой, тебе поможет,
Пусть твой раб главу седую
Здесь у ног покорно сложит.

Я хвалю твои решенья
И визиревы советы;
Но коль цениы поученья,
То прими слуги заветы.

Я напомню: выступая
На Восток, куда стремится
Царь, походы замышляя [15],—
Пусть он браком укрепится

Не с безвестною рабою,
Взятой прямо из народа,—
Нет, но с девою-красою
Из прославленного рода!

Ты ль возьмешь жену-рабыню
Неизвестного рожденья?
На челе, как благостыню,
Носишь ты красы знаменье.

Посуди, какие муки
Род твой царский испытает,
Сыновья твои и внуки,
Вспомнив, что их ожидает!

Ах, размысли, царь, со мною:
Чтоб они тебе сказали!..»
Полн смятеньем и тоскою,
Он излил свои печали:

«Мне ли отпрыском считаться
От Османова колена,
Если мой отец, признаться,
В жены взял рабу из плена!

Мои деды, ветвь отцова,
Как цари Востока слыли,
А по матери — простого
Порожденья горцы были.

Деды первые держали
Под мечом сей град старинный,
А вторые — понукали
В поле быдло хворостиной.

Царь, мой дед, дворец построил,
Ярким солнцем озареиный;
Горец-дед свой век покоил
В горной хижине плетеной.

Тем — в дворцах всегда служили
Люди знатные, все в злате,
Сим — хлевы дворцами были,
Скот домашний вместо знати.

Те — восточные драконы [16] —
Облетели мир со славой;
Этим — всякий вор законы
Пишет, чинит суд неправый.

Всем различны люди эти
И во всем несовместимы,
Знает всяк на этом свете,
Что они не побратимы.

Муравью со львом, орлу же
С комаром — не свесть знакомства.
Разве брак с пастушкой нужен,
Чтоб царю давать потомство!

Скорбиый лях и царь германский,
Фраик и царственный испанец,
И геройский меч британский,
Полуверный персиянец,

Князь Москвы и крымский данник,—
Люди с властию большою,
Все, кто в мире сем избранник,—
Все роднятся меж собою.

Ты, король над королями,
Царь царей, возьмешь ли в жены
Дочь пастушью, чтобы в сраме
Чад родить, поправ законы?

И не чудо, что великий
Род Османов увядает:
Дикость в род приносит дикий
Всем, кто род жены не знает.

Ты б в груди не слышал юной
Глас воинственного рвенья,
Мать твоя не будь кадуной [17]
Благородного рожденья:

От царей Руси исходит,
Могилевского дочь бана [18];
Взором белый день наводит,
Словно солнцем осиянна.

За красу ее татарин
Отнял для царя Ахмата,
Твоему отцу подарен
Дар сей был в сверканье злата.

Жены царские, что сами
Неземной красой сияли,
Рашских деспотов [19] отцами
И царей эллинских звали.

Твои деды — ветвь избранна —
Внуки (племя не простое!)
Иль Палкошича Ивана [20],
Джурджа ль, Лазаря героя [21].

Чрез родство Дракон пробрался
И проник в гнездо с Орлами [22]:
Прежде чем поход начался,
Породнился он с врагами.

Посему и ты отныне
Жен ищи средь благородных.
Госпожи, а не рабыни
Быть должны в числе угодных.

Две возьми и три, четыре
Райских девы солнцеликих.
Избери в подлунном мире
Жен, красой своей великих.

Будешь ты в походах биться,
А жена твой труд покоить.
Тестя ты оставь в столице —
Козни всех врагов расстроить;

Ждут тебя потомство, слава,
Грады новые и счастье.
Тесть же, в чьих руках держава,
Не допустит братьев к власти;

Верь, не стерпит он разлада,
Коли здесь владыкой станет,
Средь старинного Царьграда,—
Не изменит, не обманет.

Лишь Османович владеет
Саблей царскою и властью;
Тесть же внуков возымеет
И султанов станет частью.

Все приняв меры эти,
Ты пойдешь спокойно драться,
Будешь всех сильней на свете
И царем счастливым зваться...»

Смолк ходжа и вслед стремится
Черный евнух речь добавить:
«Славный царь, нельзя решиться
Без потомства род оставить!

Ты жену возьми в надежде,
Что детей родит царица.
Род губить не надо прежде,
Чем наследник-сын родится.

Смысл сих слов рабу понятен,
И ужель не разумеет
Тот, кто в мире этом знатен,
Много может, много смеет!

А затем, коль царь желает
На Восток идти войною,
Пусть от Польши охраняет
Трон свой силою большою:

Враз владеть двумя мечами
Сможет ли одна десница?
Мчаться в земли за морями,
Бросив царство, не годится.

Мудрость так вещает: прежде
Надлежит свое поконть,
После — вдаль спешить в надежде
Блага новые присвоить.

Посему напомнить смею
Я тебе, о царь великий:
Нужно в мир вступить скорее
С польским царственным владыкой.

Ты познал и убедился
Средь кровавого сраженья,
Где ты сам с поляком бился,
Сколь в нем ратного умеиья.

Хуже, горше не представишь
(Бог избавь от той неволи!):
Ты к востоку путь направишь,
Он — один на бранном поле!

Где страна, народ, правитель,
Что сильнее Владислава?
Он в походах победитель,
И его лелеет слава.

А Ходкевич [23], храбрый витязь,—
Кто его побить сумеет?
Радзивилл [24],— вы с ним сразитесь!
Бранной славой он владеет!

Разве есть такие грады,
Что Зборовский [25] взять не сможет?
Иль Замойскому [26] преграды,
Кои ои не уничтожит?

Где оружье, чтоб державы
Охраиять от злой десницы
Храброй девы Крунославы [27],
Боевой степей царицы?

На коне в неоднократном
Нас бою она теснила,
Удалым набегом ратным
К нам к палаткам подходила

(Вся живым огнем искрится,
В латах кованых старинных,
Нас звала она сразиться
На мечах иль копьях длинных).

Царь, прости, что я так смело
Злых поляков восхваляю:
Вражий меч и битвы дело
Подтвердят слова, я знаю.

И не чудо: силы бранной
Против ляхов не найдется;
Воеводы — люд избранный,
Шляхтич польский храбро бьется.

Им нельзя сопротивляться!
В их оружье мощь большая,
Всяк из них привык сражаться,
Имя славное стяжая;

Средь мечей и копий биться,
Через лед и через воду,
Сквозь огонь живой стремится
Сыи свободы за свободу.

Если с ними непреложно
Мира власть твоя желает,—
Пусть Корецкого [28] надежно
Царь в темнице охраняет.

И хотя в ней прочны стены,
Им не быть помехой бану.
Ты назначь нашу без смены
И вручи ему охрану;

Ибо славен этот воин,
Знают все его поляки.
Он любой цены достоин,
И его откупит всякий...»

Смолкли все паши в совете.
На совет умолкший глядя,
Царь воскликнул: «Пусть на свете
Братья здравствуют и дядя!

Не допустит бог, я знаю,
Чтобы тот, кто здесь до срока
Восседал, где восседаю,
Мною был убит жестоко.

Я одной с ним жизнью связан,
И не наши ль судьбы схожи?
Днесь он жизнью мне обязан,
Раньше я ему был тоже.

Но усилю я охрану
Братьям, дяде в дни похода,
Чтоб для козней и обману
Не прельщала их свобода.

Для меня не удивленье,
Коли мачеха отцова
Дарит пасынку [29] презренье —
То из нас удел любого.

Пусть в горах она колдует,
Пусть во тьме ночной летает —
То мне душу не волнует,
Чародейство не пугает!

Ныне я повелеваю:
Из моих держав великих
Дев собрать,— я так желаю,—
Благородных, ясноликих.

А как солнце круг свой явит,
Наш посланец, в путь избранный,
Едет пусть и там объявит
Мир полякам, всем желанный.

А Корецкому назначу
Стражей верных, недреманных:
Не надейся на удачу
В побуждениях обманных!..»

Встал хадум. Из стран далеких
Вил собрать он обещает
Златовласых, светлооких,
В коих солнца свет сияет.

Послан был Али [30] к полякам,
Из Герцеговины родом;
У него в ученье всяком
Слово, смешанное с медом.

Он всегда с улыбкой сладкой
Всем дарит поклон смиренный,
Хитрость кажет речью гладкой —
Плод познаний сокровенный.

Всех чарует речью милой,
В коей мудрый опыт мнится.
Он силен скорее силой
Языка, а не десницы:

Чести тем достиг особой,
Царских милостей высоких.
Стал пастух-паша особой,
В землях признанной далеких...

А Корецкому к темнице
Встал Ризван-паша [31] в охрану,
Тот, что прежде (как случится!)
Был холопом сему бану.

Тут и ночка поспешила
Звезды стражею расставить,
Чтобы круг златой светила
На всю ночь во тьме оставить...

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Злой зиме конец приходит,
И весна младая мчится.
Снег с вершин высоких сходит,
В реки влага их струится.

Тихий голос ветра слыша,
Вот встает заря златая,
Свой венец из роз колыша,
На полях взращенных рая;

И когда лучей багрянец
Высь окрасил голубую,
Сел в седло царев посланец,
Саблю взяв свою златую.

Он со свитой выезжает
Из Царьграда в те державы,
Где достойно управляет
Сигизмунд [1], сын польской славы.

Царь послу к тому походу
Дал с дружиной янычаров
Молдавского воеводу,
Что наместник был Гашпаров [2];

Милостич Гашпар когда-то
Был рожден в хорватском крае.
Счастье ли, ума ль палата,—
Славно правил на Дунае!..

Мысль посла вперед спешила
Заручиться миром прочным,
Дружбой Севера светила [3]
С Полумесяцем восточным [4].

Он в пути коней меняет,
Видит новые картины,
Ои долины проезжает,
Скалы, горы и равнины.

Едет он румельским [5] полем,
После — сербской стороною,
Возле стен под Дренополем [6],
Над Марицею рекою [7],

Над Марицею рекою,
Что Орфея [8] песнь внимала
И, пленясь его игрою,
Быстрый бег свой замедляла.

Знают сербы и болгары
Семь потоков быстротечных,
Что, подпав под песен чары,
Вверх из недр поднялись вечиых;

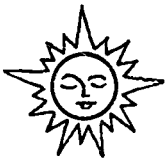
Даже вихорь своенравный,
Говорят, стихал мгновенно,
Где певец, болгарин славный [9],
Вторил струнам вдохновенно;

Говорят, что птичья стая
Здесь селилась кругом тесным,
Песням сладостным внимая,
Звукам струн его чудесным;

Песен звук лишь раздавался —
Вкруг него тогда толпою
Зверь влюбленный собирался,
Умилясь его игрою.

Со времен Орфея длится
Пенье песен тех прекрасных.
Слышал камень, зверь и птица
Звук бугаркинь [10] сладкогласных.

Тот болгарин их оставил
Всем славяиам в назиданье,
Чтобы всяк вовеки славил
В песнях славные деянья.



Посему, ни с кем не равный,
В песнях тех воспет певучих
Александр Сербля́нин [11] славный,
Сильный царь царей могучих,

И герои остальные,
С боя кем взята корона:
Степан, Урош и иные
От Неманичева [12] трона.

Слава в них живет большая
Дел Кобилича безмерных;
Он, Косово защищая,
Поразил царя неверных [13].

Имя Кралевича Марка,
Вилоевича Михая [14]
В песнях тех поется ярко,
Блеск светила затмевая.

В них доселе воспевался,
Славный битвами своими,
Лайош [15], что короновался
В Краков-граде и Будиме.

В них воспеты средь народа
От державы до державы
Вера, сила и свобода
Дубровника [16], града славы.

В них и Янка-воеводы
Имя пелось в годы оны:
Он защитником свободы
От угорской был короны [17].

Даже в землях самых дальних,
Славных песнями своими,
Слышно много слов похвальных
Про царя Матьяша [18] имя.

Сил турецких покоритель,
Слава, гордость всего света,
Джурдже Скендербег [19] воитель,—
Имя в них его воспето.

Сигизмунд воспет Баторий [20]
В них, за храбрость всеми чтимый:
Бил он турок в ратном споре
Строй числом неисчислимый.

В тех воспеты песнях славы
Ляхи, славный цвет короны:
Казимиры, Владиславы,
Сигизмунды, Ягеллоны.

Сигизмунд, царь ясноглавый!
Ты из Лехов и из Краков [21]
Третий счетом, первый славой
Среди царственных поляков;

В них и ты, владетель трона,
Был воспет, могуч, бесстрашен.
Пала Севера корона [22] —
Ныне ею ты украшен.

Под твоими же мечами
Меч сломали свой Османы.
Кони польские с ладьями
Покорят моря и страны.

Двух царей ты повелитель,
Ты над миром встал высоко;
Первый — Запада правитель [23],
Царь второй — султан Востока.

Первый, видя с изумленьем
Крепость сил неизмеримых,
Дал тебе с благоговеньем
В жены дщерей двух любимых [24].

Мнил другой, гордец надменный,
Всех царей затмить собою.
Ныне — шлет поклон смиренный,
Мира ищет он с тобою.

Но твоя и честь и слава
В том, пресветлая корона,
Что родил ты Владислава [25],
Славу мирового трона...

Королевич достославный!
Славен ты теперь повсюду.
Я, воспев твой труд державный,
Сам стихами славен буду.

Ах, от счастия сияя,
Я покой свой возымею,
Смерть Османа воспевая,
Славой буду жить твоею.

Я ведь власти не взыскую,
Не лиши меия защиты.
Кто воззвал к тебе, благую
Милость им свою явн ты.

Сизокрылый сокол ясный [26],
Ты летишь в небес раздолье,
Чтоб твой подвиг петь прекрасный,
Нужно взять перо соколье.

Если сам Орфей посмел бы
Стать певцом твоих деяний,—
Он бы умер, но не спел бы
Сотой доли всех сказаний.

Царь, рожденный ста царями,
Породил тебя на царство.
Он владеет городами
Северного государства [27].

Ты рожден был королевой,
Славной кесаря сестрою,
Дома северного девой,
Мир затмившего собою [28].

Небесами одаренный
Дщерью кесаря державы [29],
Ты, царями порожденный,
Сам рождай царей для славы.

Ты с короной христианской
Самой дальней близко сродный:
Франк-король, король испанский —
Каждый брат твой двоюродный [30].

В море Индийском их сила:
Царство им оно рождает,
Чье на западе светило
И в ночи не западает [31].

И московская держава
Пред тобой главу склонила.
В битве грозной и кровавой
Мощь твоя ее сломила [32].

Ветра севера быстрее
Пролетел ты, сокрушая
Злого огненного змея [33]
От Днестра и до Дуная.

Солнце, в даль гряди златую,
Озари лазурь востока,
Месяц в тьму гони ночную,
День твое приносит око!

Королевич, муж отменный,
Ты живи, непобедимый!
Пусть падет в борьбе священной
Недруг-швед, тобой разимый! [34]

Владислав, расти же, славный,
О тебе молва несется,
Для твоей главы державной
Сто корон златых куется [35].

Шествуй смелыми стопами
(Тесно жить под старым кровом),
Там, за льдистыми морями,
Новый царь будь в царстве новом!

Вижу я, пределов света
Твоему величью мало!..
Но посла проведать где-то
На пути пора настала.

Видит он в дали безбрежной
Семь с горы потоков бьющих.
К югу — Витош белоснежный [36],
Весь в дубах, из льда растущих.

Как верига обвивает
Куновица [37] горло света.
Снова лик паше являет
Старая планина эта [38].

Где ее разверзлись кряжи,
Хлад царит там. Старый житель
Здешних мест всегда покажет
Бога грозного обитель.

Здесь чертог железный бога
Марса был во веки оны.
Из железа свод чертога,
Стены, пол, врата, колоины [39].

Там, где бог войны над бездной
Обитал,— спроси любого,—
Виден след руды железной,
Месту имя — Самоково [40]...

Он Провадью [41] проезжает,
К морю бег коней ускоря.
Там, где день заря рождает,
Варна [42] белая у моря;

Видит Варну, град прибрежский,
Где погиб, не знавший равных,
Владислав, король угорский
И король поляков славных [43].

Новый, более счастливый,
Владислав прославлен ныне:
Перед ним бежал строптивый
Царь до Варненской твердыни.

Он с героями своими
(Им Ходкевич был главою)
Владислава честь и имя
Отомстил своей рукою;

Казаки лихим ударом
Все утраты возместили,
Уничтожив град пожаром,
Варну белую пленили [44].

Старый град разрушен снова,
Оттого паше печально;
Он помимо воли слово
Казакам изрек похвально.

Край болгарский остается
Слева. Справа — дом угодиый.
Там, где море в берег бьется,—
Край Добруджи [45] плодородный.

Пахарь пашнею и лугом
Здесь обманут не бывает:
То, что за деиь вспашет плугом,
Хлебом всю семью питает.

Земли здесь настоль пространны,
Что, пред взором расступаясь,
Лишь поля на разны страны
С небом вдаль идут, сливаясь.

В крае том раздолье пчелам —
Дважды за лето роятся,
Столько ж раз в году по селам
Овцы белые ягиятся.

Из Добруджи ои в Загорье [46]
Подуиавьем проезжает,
Миого сел здесь на просторе,
Мест прекрасных он встречает.

На древах в благоуханной
Красоте плоды златые,
Тут ведут досуг желанный
Люди мирные, простые.

Всяк имеет житно поле,
Пчел роистых, скот разводит.
Там, на запад — Никополе [47],
Дерестер [48]— где солице всходит.

А вблизи от Никополя,
Где Дуиай стремится гордый,
Мост на водном был раздолье,
Римским цезарем простертый [49].

Время сумраком забвенья
Имена царей скрывает,
Лишь великие свершенья
Никогда не забывает...

И спешит, не отдыхая,
Все вперед, посол-вития,
Прямиком к брегам Дуная,
Там, где брод у стен Челия [50].

Град Челие в век старинный
Был известен в целом свете;
Ныне в заросли купинной
Только камни на примете.

Воевода здесь богданский
Степан бил царевы рати [51].
Где пасется скот крестьянский,
Там была обитель знати.

Даже грады исчезают
И гранитные творенья,
Люди ж смертные желают
Избежать исчезновенья!

Сколь гордыни в человеке!
Время даже камень точит,
Человек же долги веки
Жить на свете этом хочет...

Стены града объезжая,
Турок их оставил справа
И спешит к брегам Дуная,
Ищет, где здесь переправа;

Сохранились в месте этом
Знаки лишь. Рекою стерты
Все мосты, что прошлым летом
Были здесь царем простерты [52].

Не щадил Дунай их гордый,
Вод своих теченьем быстрый.
Терпит только мост он твердый,
Что воздвигнет север льдистый.

Так посол царя въезжает
На молдавские равнины.
Вздох в груди его рождают
Роковых тех мест картины [53].

От волнений пережитых
Грудь его печаль сжимает.
Видит: воинов убитых
Кости здесь он попирает.

Скорбь не выразить словами,
Весь немеет он от боли,
Видя скорбными очами,
Сколь легло на этом поле.

На просторе здесь долинном
Видит, где войска стояли.
Даже оком соколиным
Не окинешь эти дали.

Всюду грудами лежали
Кости турок. Счесть не в силу!
С полусвета рать согнали —
Лях ее послал в могилу.

Тяжкий путь свершает в страхе.
Ширь его предстала оку:
Там, на запад — угровлахи,
Волны черные [54] — к востоку.

Позабыв и о привале,
Турок, поле боя видя,
Так излил свои печали,
Дав исход своей обиде:

«Помнишь, милая дружина,
Как в проклятом месте этом
Наше войско (ах, година!)
Полегло минувшим летом?»

Тут молдавский воевода
Просит всех остановиться,
О превратностях похода
Просит словом поделиться:

«Расскажи, чтоб я услышал
(Друг в несчастье — утешенье!),
Как наш царь на ляха вышел,
Как царя бил лях в сраженье!»

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Смолк молдавский воевода,
Полон страстного желанья
О событиях похода
Услыхать посла сказанье.

И воскликнул тот в печали:
«Страшно слушать о сраженье!
Люди в страхе б замирали,
Звери стыли б в изумленье.

Моего ты ждешь ответа?—
То, что видел я воочью,
Всем печально поле это
Повествует днем и ночью.

Все, что здесь земля видала,
Ты теперь окинешь взором:
Честь и слава турок пала,
Детям будем мы укором.

Все, что видишь здесь очами,—
Всюду воины стояли,
Было все полно войсками,
Их число сочтешь едва ли.

Здесь костей лишь груды белых.
Посуди, вокруг взирая:
Сколь людей погибло смелых!
Пролилась здесь кровь какая!

Сто народов, сто языков
Привели сюда с полсвета;
Пали все средь ратных кликов,
Всем могилой поле это...

Люди трудно верят чуду,
Если сами не видали.
Слушай, сказывать я буду,
Где тогда войска стояли.

Видишь Прут перед собою,
Дале Днестр, где переправил
Царь войска свои для бою
И на поле здесь поставил.

Там — Хотина в отдаленье
Стены града видеть можно,
Где поляки укрепленья
Возвели свои надежно.

Был войскам поляков прочной
Днестр на севере защитой,
А со стороны восточной
Град холмами был прикрытый.

Вкруговую (сколь уменья!)
Ров на западе прорыли,
Ну а с юга укрепленья
Не нужны им вовсе были:

Там природою самою
Устаиовлены преграды.
Сверх того, живой стеною
Встали вряд стрелков отряды.

Если пали б укреплепья,
Все преграды эти пали,
Владислава грудь и рвенье
Их надежно б защищали,

Ибо там, где он, не надо
Гор высоких, рвов и вала:
Он один врагу преграда
Там, где мощь его вставала.

Нас он бил один,— горою
Груда мертвых громоздилась.
Шире вод Днестра рекою
Кровь турецкая пролилась...

На холме, на возвышенье,
Виден был шатер Османа [1].
Близ него, как окруженье,
Встала царская охрана.

Там ее шесть тысяч было
При железных буздованах [2],
А врата царя хранила
Стража витязей избранных.

Стан визиря Хусеина
Десять тысяч окружало.
Рать его стояла чинно,
Белизною лат сияла.

У шатров высоких царских,
Вставших здесь державным градом,
Войск начальник янычарских,
Станом встал Алия [3] рядом.

Тридцать тысяч с ним героев
Царский лагерь охраняло.
Всех оружье огиевое
И десница прославляла.

Сила польская лишила
Этой силы нас и славы.
Хоть героев много было,
Чуть не сгинул царь державы.

Тот ага, Алия верный,
Тщетно их корил, карая.
Он с отвагою примерной
Бился, царство защищая.

Ах, когда б твой воин всякий
Воевал, как ты,— едва ли
Турки здесь, а не поляки,
В поле б мертвыми лежали!..

Там, вдали, сумев укрыться,
Войско спахолян стояло.
Их железная десница
Все в пути уничтожала.

Их пятнадцать тысяч было,
Всяк с конем, в посадке строен.
Был у них глава и сила
Храбрый Дервиш [4], смелый воин.

Воин смелый, но повинный
В том, что гибель нес с собою,
Ибо он и был причиной
Бедствий всех на поле боя:

Во главе своих юнаков
Первым он царя оставил,
Кровью турок меч поляков
Обагрил он и прославил...

Рядом к западу — спахии [5]
Встали в ряд в полках-громадах
Хорватянина Мемии:
Тыщ двенадцать в ста отрядах

(Тянут пушки за собою,
Кои ядра извергают,
А под статью боевою
Страх они в очах скрывают).

Рядом делии [6] стояли
В три отряда. Эти воры
На больших дорогах крали,
Их таят измену взоры.

Шкура им покров в дорогу,
Плечи ею прикрывают.
Спор вести — не ищут слогу:
Саблей споры все решают.

Им динар за бога служит,
В лжи, обмане неизменны.
С самопалом каждый дружит,
Тьмы оружьем и измены.

И Омера за собою
Тянут, вора и громилу.
В войске выбран он главою
За свирепый нрав и силу...

Беглербег [7] румельский главный
К югу свой шатер раскинул.
Под своею властью славной
Пятьдесят он тысяч двинул.

Это был паша избранный
Юсуф Босняк из Маглая,
Что построил мост пространный,
Соединив брега Дуная [8].

На пути с людьми своими
Все обрек он на сожженье,
И не чудо, что пред ними
Сам Дунай смирил теченье...

Со своим Скендер-пашою [9]
Слева там албанцы встали.
Их, воспитанных войною,
Тыщ двенадцать мы считали.

Их паша со смелым жаром
Первым вышел, к славе жадный.
Прошлым летом он с Гашпаром
Бил поляков, беспощадный.

Но, гордясь в бою собою,
Тщетно ждал он лучшей доли,
Крови оплатив ценою
Ту победу в том же поле...

А паша боснийский, званный
Соколович [10],— справа бился.
Взяв шестнадцать тыщ избранной
Рати, к славе устремился;

Соколович, знатный родом,
Внук визиря Мухамета;
Он угорским чтим народом
За пленение Сегета.

Босняков в одеждах белых
Он привел в отрядах конных,
Копьеносцев самых смелых,
Храбрых, сильных, закаленных...

Позади боснийцев стана
Встала рать страны, где слава
Чтится герцога Степана,
Где святой в почете Савва: [11]

Та страна — Герцеговина;
Десять тысяч для похода
Рать была Чор-Хусанна
(В ней он бег и воевода).

Среди скал они взрастали,
Ловко зверя бить умеют,
Все в броне кольчужной стали,
Ружья при себе имеют...

Дальше, к западу, всех краше
Был шатер паши Будима,
Мухамета Каракаша [12],—
С чем его дела сравнимы!

Имя славное походы
Этому герою дали,
И великим все народы
Звать его визирем стали;

Ждали все: сам царь прославит,
Вознеся его высоко,
И на первый пост поставит,
Хусеин падет до срока.

И, Османом отличенный,
Он обрел благоволенье:
Царь сестру ему дал в жены
И Будим в его владенье.

Но худая зависть света,
Полна зла, ревнивой жажды,
Опорочить Мухамета
Обрела предлог однажды.

Ослепила и Османа
Злоба: он пашу направил
С малой силой в сердце стана,
Войско ляхов бить заставил.

И тогда судьба решилась:
Турок рать легла побитой,
Ибо тех она лишилась,
Кто бы мог служить защитой.

Мухамет с врагов толпою
Бился, гнал их неустанно,
Пред собой сложив горою
Трупы недругов Османа.

Если б в нашем войске было
Три еще таких юнака,
Сколько б слез тогда пролило
Войско грозное поляка!

Но ждала и честь и слава,
Смерть почетная героя:
Он рукою Владислава
Был убит на поле боя!

Выше птиц иных взмывает
Гордокрылый сокол-птица,
Выше сокола летает
Лишь орел, что ввысь стремится...

Роковое это поле
И мои воспоминанья
Принуждают поневоле
Восхвалять врагов дерзанья.

Ах, не недругов опасных
Я хвалю, а храбрость смелых,
Ту, что слов не ждет прекрасных,
Ярче дней блистая белых...

Мы не все еще сказали,
Посему места укажем,
Где войска царя стояли,
По порядку все расскажем.

Вон, смотри: под небесами
Третий холм с полями слился,—
С анатольскими войсками
Беглербег там укрепился.

Все, кто был под властью бега,
Из Амазии, Мараса —
Мест вблизи морского брега,
Бурсы, Эрзума, Сиваса [13];

Он над всеми воевода
Самый главный и известный.
Но у каждого народа
Есть в войсках паша свой местный.

Там — стрелки-анатолийцы.
Шестьдесят их тысяч было,
Мыслил всяк: царю сгодится
Жизнь моя, мой меч и сила...

Там — воздвиг, герой свирепый,
Ткани вязаной прекрасной
Свой шатер паша Алеппа
И Мингрелии ужасной [14].

С ним его герои были:
Избран всяк отборэм точным,
Всяк с конем, надежным в сече,
С острой саблей, луком прочным.

Он шесть тысяч скрыл пред боем
Караман [15]— ударить в спину
(Все они живут разбоем,
Носят саблю, лук, дубину)...

Столько ж конных лиходеев
В помощь царству поспешило;
Всех вскормил их край евреев,
А Йордан[16]-река вспоила;

Все в броске копья искусны,
Метко стрелы в цель пускают,
Без одежды, нравом гнусны:
Вора лик собой являют.

К ним арапы для соседства
Трижды по три тыщи встали,
Что, кочуя с малолетства,
Много мест переменяли;

Люд без чести и без крова,—
Разоряют, убивают,
Красть способны у любого,
Взять открыто избегают...

Страшно оку: даль — полмира!
Небосвод с землею слился.
Там паша Диарбекира [17],
С войском в десять тысяч, бился.

Это люд вооруженный,
На конях скакать умеют,
Шлем на каждом оперенный,
Все геройский вид имеют.

Славу все они стяжали,
С северным орлом воюя.
Над собою признавали
Дилавера власть большую.

Он носил с собой незримый
(Потому и был он стойкий)
Лик златой своей любимой
Персиянки, той Славойки [18],

Что взята была им с бою:
За нее он с персом дрался,
И, пленен ее красою,
С ней вовек не разлучался.

Даже более: не зная,
Сколь его греховно мненье,
Видел в ней он счастье рая,
Божество для поклоненья [19].

В крови турок утопая,
Ляхов строй нарушив прочный,
Из когтей орлиной стаи
Вырвал Месяц он восточный.

Царь Осман его прославил.
Сделав первым в целом мире
(Хусеин был снят), поставил
Он его на пост визиря...

Рядом стан армян. В той рати
Их пятнадцать тысяч было.
Кони их поджарой стати
Отличала прыть и сила.

Их оружье — лук и стрелы,
С наконечником железным
Копья индийские. Смелы
Все они в бою наездном...

Там, где солнышко-отрада
Разлилось по светлым тучам,
Там стоял паша Багдада
С войском храбрым и могучим;

То Аббас [20]: в одежде белой
Святость он изображает.
Ликом кроткий, но умелый:
Честолюбие скрывает.

От хвалынских вод [21] и дале
Вплоть до града Белой Зори [22]
Люди власть его приняли,
Что живут на том просторе.

Сто пашей, сто бегов смелых
И бойцов число большое
Лили кровь под знаком белых
Стягов этого героя...

Взор теперь направь туда ты,
День рождается отколе:
Вон холма крутые скаты,
Все видно оттуда поле,—

Там стояла Соколица,
Дочь моголского владыки [23].
Солнце светит и денница
На ее прекрасном лике.

При себе двенадцать смелых
Дев-воительниц имеет,
Сильных, храбрых и умелых,—
С ними войско одолеет.

Носят копья боевые
И очами мечут стрелы.
Косы — узы золотые.
Словно снег, их кони белы.

Луки, сабли их для бою
Украшеньями сверкают,
Сами статью боевою
Горных вил напоминают.

Соколица всех в дружине
Красотою превосходит,
Скажешь: лик дубрав богини,
Что в охоте дни проводит.

Неги томной и не знает,
Нрава гордого не клонит,
Коней диких укрощает,
На коне и вихрь обгонит.

Средь оружья воспиталась
Чуждой страху, безмятежной;
В ней от женщины осталось
Имя лишь да облик нежный.

По горам, лесным полянам
Зверя ищет, поднимает,
И в движенье неустанном
Смело гонит, убивает.

Как венок цветов, венчает
Шлем ей волосы златые,
Щит — зерцало, украшают
Грудь доспехи боевые.

Прялку саблей заменила,
А иглу копьем; без страха,
Внемля зову, поспешила
Разорять владенья ляха.

Словно розу волей рока
Терн колючий окружает,—
Так ее краса жестока:
Кто полюбит, пусть страдает.

Хоть мила и так прекрасна,—
Гордость деве все затмила.
Красота ее опасна:
Ей царя она пленила.

И очей, что дня яснее,
Взором солнечным прекрасным
Ранен был Осман сильнее,
Чем в бою врагом опасным.

Жар, что в юноше пылает,
Вызван райской красотою.
Взор девичий увлекает
Жизнь и сердце за собою.

Став рабом любви, открыться
Не решается он милой,
Той, к кому душой стремится,
Покорен любовной силой.

Он огонь в груди скрывает,
Прогневить ее боится:
Вдруг нежданно пожелает
Навсегда из войска скрыться!

Но и пламя с той же силой
В Соколице возродилось,
Встретя взор Османа милый,
Сердце девичье открылось.

Вся любовью пламенеет,
Боль в душе претерпевая.
О любви сказать не смеет,
Пламя жаркое скрывая.

И в печали неизмерной
Молодая сохнет, вянет:
Не женой Осману верной,
А наложницею станет,—

Так предчувствует заране
И, покоя не имея,
Посрамив свое желанье,
Гонит прочь любовь скорее.

Говорят, среди сражевных
Лишь оиа живой осталась,
Средь героев побежденных
Победнтельницей звалась.

Будто даже и поиыне
По земле она блуждает,
Нарушает мир в краине,
В плен берет и убивает...

Дале вид закрыт холмами,
Показать смогу едва ли,
Где стоял паша с войсками,
Что в Египте набирали;

Край тот силой боевою
С королевствами сравнится:
Столь огромною стеною
Он сумел огородиться.

Дважды триста сотен ратной
Силы взял паша в дорогу.
Край Египта благодатный
Рать взрастил царю в подмогу.

Все они в златой одежде,
В серебре коней копыта,
И воюет всяк в надежде:
Не оружие, так мыто!

Эти воины,— считают,—
От мамлюков [24] народились.
Доблесть их сердца теряют,
Злато чтить не разучились...

Там — свой стан эмир раскинул
(Перекоп [25] — его владенья).
Тридцать тыщ татар он двинул
Поддержать царя в сраженье.

Где ночуют, деиь над ними
Не встает. Не отдыхая
Идут землями чужими,
Грабя все и разоряя.

Землю руссов и Подолье [26]
Сжег татарин, вверг в неволю.
Тесно стало в том раздолье;
Кто слабее, отдал долю:

Пан Замойский, воевода,
Стал тогда оружьем мести.
Отдал недруг дань похода,
Изрыгнувши с кровью вместе...

Негров как число измыслить?
Где их место мы укажем?
В темном небе звезды числить
Бесполезно, прямо скажем.

Рать восточного Дракона,
Неисчисленная сила,
Как пучина вод бездонна,
Весь бы мир она покрыла.

Сколь твое увидит око —
Всюду люди здесь живые
Были. Ныне волей рока
Кости их лежат сухие.

Была жизнь потоком лютым
Здесь, где ныне груды праха,
Меж Днестром-рекой и Прутом,
С черных вод до угровлаха...»

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Славный Ксеркс, когда-то с бою
Весь Восток завоевавшнй,
После западной стезею
Рать мнльонную пославший,

Поднялся один на гору,
Следом шедших озирая,
Чье чнсло не счесть и взору,
Радость в сердце ощущая;

Но при мысли: чрез столетье
Из его героев сильных
Никому не жить на свете,—
Пролил слез ручей обильных [1].

Ах, Осман младой, кичливый!
Коль и ты возвеселился
В час, когда с огромиой силой
В земли польские пустился,—

Мог бы большими слезами
Плакать вскоре после бою
Здесь над мертвыми телами
Тех, кого привел с собою...

Едет вдаль паша. Горами
Кости турок вкруг белеют,
Очи полнятся слезами,
На устах слова немеют.

Грудь его терзают муки,
Ибо видит он повсюду:
Видит там — сухие руки,
Здесь — голов засохших груду.

Попирает конь копытом
Трупы, трупы чередою,
А на каждом на убитом
Лед застыл и кровь корою.

Конь от страха беспокоен,
Ржет, храпит. Его пугает
Мертвый конь и мертвый воин,
Чрез которых он ступает.

На дыбы не раз вставая,
Он с трудом по трупам скачет.
Всадник, горе подавляя,
Закрывая очи, плачет.

Он печали полон скрытой.
Горек край ему постылый:
Родич здесь лежит убитый,
Там лежит приятель милый.

Тщетно хочет стороною
Он объехать. Поневоле
Топчет конскою стопою
Прах любимых в этом поле.

«Горе, горе!» — причитает;
Сердце горестью объято:
Тех коием он попирает,
Что живыми знал когда-то.

Минув этот край проклятый,
День и ночь не отдыхая,
Едет он, восход тридцатый
У Днестра уже встречая.

И, покинув воеводу
(Тот молдавцев здесь находит),
Он с другой дружиной воду,
Поспешая, переходит.

Но, вступивши в край Подолья,
Примечает в отдаленье:
На коне спешит чрез поле
Воин в ратном облаченье;

Он заковаи в панцирь белый
И под шлемом лик скрывает,
Щит златой в руке умелой,
А другой копье сжимает.

То ие воин, но младая
Дева гордой стати бранной,
Круиослава боевая,
Друг Корецкого избраиный [2].

С той поры, как он в неволе,
Многих турок поразила
И свое оружье боле
Ни на час не опустила;

То оружие, с которым
Дева подвигам навстречу
С детских лет со смелым взором
За отцом ходила в сечу.

Он владыкой назывался,
Где Дуиай, в краю обильном,
И всегда оборонялся
Против турок войском сильным.

Средь людей молва такая
Далеко распростраиилась:
В тот же час, как дорогая
Дочь его иа свет родилась,

Умерла жена в постели.
Он, скорбя от той утраты,
Дочке вместо колыбели
И пелён — дал щит и латы.

Убаюкивал трубою
Боевой, коль ей не спится.
И, внимая ветра вою,
Молоком вспоил от львицы.

Научил игре полезной —
Саблей действовать без ножен,
На главу ей шлем железный
Тяжкой ношей был возложен.

Укреплял ей стопы в беге
И в броске копья — десницу.
Полон взор ее ие неги,
В нем величие таится.

На коне она взрастала,
По горам, как ветер, мчалась,
Страха от роду не зиала,
Даже смерти не боялась.

А сейчас любовью страстной
Всех разит: движенья смелы,
Очи — лук ей, локон ясный —
Тетива, а взоры — стрелы.

Полонять она чредою
И сердца и жизнь стремятся
То оружьем, то красою:
Мощь во взоре и в деснице...

Боевая дочь взрослела,
Кончив игры. Ей без слова
Боевой отец умело
Выбрал друга боевого,

За того отдал, чья слава
Вызывает удивленье:
Пусть с Корецкнм Крунослава
Утвердят его владенья!..

Как молдавскнй воевода
Изменил царю средь брани
И дела худого рода
Начались во вражьем стане,

Протнв рати злой турецкой,
Чтоб помочь соседям, с воiйском
Поднялся и пан Корецкнй,
Славный в подвиге геройском.

Увидавши сборы друга,
Видя все, что совершнлось,
Бана верная подруга
Ехать вместе с ним решилась.

Непрестанно повторяет:
«Что ж один идешь ты биться?
Мое сердце — всякий знает —
Тоже смерти не боится.

Как и ты, чужда покоя,
К боевым трудам пристрастна,
Средь мечей и копий боя
Буду другом я всечасно».

Слушал он подруги слово,
Той, кого любил всей силой,
Придержав коня борзого.
После так ответил милой:

«Мог ли, верная подруга,
Я таить мечту иную,
Чем иметь средь боя друга,
Рядом душу дорогую!

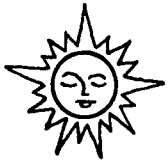
Но, любимая, когда ты,
Бросив дом, уйдешь со мною,
Наши земли супостаты
Предадут тотчас разбою.

Ты свой край блюди со славой
И борись с турецкой силой,
Я в борьбе своей кровавой
Буду бить их род постылый».

Просьбам витязя внимая,
Так она и поступает,
Воин-дева молодая,
Бан же путь свой продолжает.

Конь, готовый к бегу, взвился
Под ударом и навстречу
Битве грозной устремился
На поля к молдавцам, в сечу.

Словно небо грозным хором
Страшный грохот исторгает —
Баи перуны мечет взором,
Гром десницей извергает.



Рать поляков упреждая,
Он напал на силу злую,
Кровью вражьей обагряя
Землю черную, сырую.

И, противясь этой силе,
Победил бы, без сомненья,
Но молдавцы отступили
И покинули сраженье.

Их никто не гнал — удрали,
Как предатели и воры,
И спасения искали
Средь пещер, бежавши в горы.

В ту же горную кранну
Славный воин поспешает
И предателей дружину
Снова в бой собрать решает.

Но в лесах, куда прибыли
Эти орды, дубы срочно
На пути они свалили,
Сделав тут завалы прочно.

Путь проделавши немалый,
Чрез завалы бан пробился,
Но споткнулся конь усталый,
И боец с него свалился.

Из засад своих вскочили
Тут предатели-злодеи.
Он узнал по кликам: были
То молдавцы-лиходеи.

И один, не зная страха,
Их разит и бьет Корецкий,
Вдруг от сильного замаха
Меч сломался молодецкий.

Он не медлит, бьет эфесом
И в крови злодеев тонет,
А злодеи частым лесом
Вкруг растут, но он их гонит

И ряды врагов ломает,
Сокрушая копья, лукн.
Сзади враг его хватает
В двести рук и вяжет руки.

Так вот славный воевода
В плеи попал, так это было;
Тяжкая его невзгода,
А не вражья мощь сломила.

И быстрей, чем птица с юга,
Эта весть летнт в те страны,
Где стонт его подруга
Во главе границ охраны;

Весть о том, как был в угоду
Туркам выдан ее мнлый
Теми, коим он свободу
Нес, чтоб снять ярем постылый.

Слышит злую весть н дева,
Сердце протнв бед скрепляя,
Вся горит порывом гнева,
Месть врагам уготовляя.

Словно яростная львица,
Если львят ее встревожить,
За ловцом с рычаньем мчится,
Чтоб настичь и уничтожить,—

Так же, бег коня ускоря,
Сжав копье, по полю мчнтся,
Скрыв своей разлукн горе,
Дева с войском турок биться.

Но, увидя: ее снла
Недостаточна для бою,—
У молдавцев разорила
Села все, пройдя грозою.

Может, случай благодатный
Друга ей спасти поможет,
Если с польской силой ратной
Дева силы свои сложит?

Про себя она решила:
Чтоб спасти скорее бана,
Сколько ей позволит сила,
Мстить Осману неустанно.

Кровью турок путь геройский
Круносла́ва отмечала,
Средь героев в царском войске
Стан царя она искала.

И с величьем горделивым
Вызывала с ней сразиться,
В поединке справедливом
На мечах иль копьях биться,

С кличем: «Если ты достоин
Царства, ждать тебе не гоже:
Выходи сюда как воин,
Пусть Корецкий выйдет тоже!

А не то, когда открою
Всем, сколь жалок ты, постылый,
Друга я похищу с бою,
Прямо средь Царьграда силой.

Буду биться неустанно;
Плен твой будет мне награда,—
Я тебя отдам за бана:
Мне иных даров не надо.

Ты побьешь меня — проверю
На весах свой вес и друга,
Столь же злата я отмерю
Для тебя, его подруга...»

Как восточный царь услышал
Придунайскую царицу,
На коне средь поля вышел,
Взяв копье в свою десницу,

На борзом коне; стрелою
Быстрый конь его летает,
Будто крылья за спиною,
В бег готовясь, напрягает.

Вкруг царя пашей двенадцать
На конях теснятся, споря,
Заменить его стремятся,
Избежать большого горя.

Но царю в защиту смело
Поднялася Соколица,
Крылья сокола надела
И на них в полет стремится.

Вмиг она движеньем птицы
Всех пашей перегоняет,
«От моей умрешь десницы,
Кто б ты ни был!» — восклицает.

«Нет нужды, чтоб царь наш милый
Выходил с тобою биться;
Знаю я, твоею силой
И со мной-то не сразиться!»

Так друг другу угрожают
Девы, скрыв свою обиду.
Их войска не различают,
Спутав женщин двух по виду.

Рать поляков полна славы
Храброй девы Соколицы,
Ну а турки — Крунославы
Прославляют мощь десницы.

Крунослава видом статным
Ели царственной стройнее,
Вся блестит в оружье ратном,
Конь под ней стрелы быстрее;

Он с боками и спиною
Смог в броне злагой укрыться,
На челе его звездою
Знак горит и серебрится.

На щите изображенье
Птицы, что в огне сгорает,
Письмена: «Свершив сожженье,
Вновь из пепла воскресает» [3].

Видом, статью Соколица
Всем на сокола походит,
Ростом гордая девица
Всех в дружине превосходит.

Конь под ней, как снзый сокол,
Он на крыльях соколиных,
В сердце пламя, блещет око,
Шерсть бела, как снег в долинах;

Щит со зверем, преклоненным
Перед месяцем, со взглядом,
Кротко к небу обращенным,
«Лишь тебе» [4] — с ним надпись рядом.

Царь с одной страны уныло
За своей следит любимой,
Мыслит: «Лишь бы победила!»
Полн тоскою нестерпимой.

Молвит: «Ты стремишься к бою,
Жаждешь подвига и мести,
Знай же, милая, с тобою
Мое сердце будет вместе.

Кто с тобою будет биться
И в сраженье преуспеет —
О души моей царица! —
Тот меня сразить сумеет».

А с другой страны счастливый
Владислав, в красе державной,
Взоры дарит горделивой
Подунавке [5], деве славной.

Ждет ее увидеть силу
И великие свершенья,
Зная: другу тем решила
Принести освобожденье.

Обе девы в бой стремятся,
Обе храбры, обе смелы,
Обе жаждут показаться,
Сколь в бою они умелы.

В поле встретились широком,
Что меж ратей пролегало.
Даже солнце светлым оком
Мощь соперниц подтверждало.

Кони их, как вихрь, навстречу
Тут друг другу поскакали,
Но, едва начавшн сечу,
Девы копья поломали.

С двух сторон тогда взлетают
Сабли молнией летучей.
Руки ловко направляют
Быстрый взмах, удар могучнй.

Обе девы ловки драться,
Шлют удар в ответ ударам.
Их щиты огнем искрятся,
Латы их горят пожаром.

Кони быстры, словно стрелы,
Вьются, шеи изгибают,
Управляемы умело,
Справа, слева налетают.

Девы в битве равноправны:
Равны ловкостью десницы,
Их сердца отвагой равны,
Всем одна с другой сравнится.

Прочен щит, доспехи целы,
Нету ран от острой стали,
Ни мечи еще, ни стрелы
Дань кровавую не взяли.

Полны ярости и гнева,
Бьются, спорят меж собою
И ярятся эти девы,
Словно в вихрь дубы зимою.

В стременах привстали обе,
Стали силой похваляться
И одним ударом, в злобе,
Завершить тот бой грозятся.

Но замах лишь угрожает,
А удар — залог свершенья.
Вдруг у каждой шлем слетает,
Лик открыв их, как виденье.

Россыпь кос златых открыла
Блеск очей на лицах страстных:
Два героя скрыто было,
Девы две младых, прекрасных.

Словно на небе светило
Из-за туч блеснуло жарко,
Так красы девичьей милой
Солнца два сверкнули ярко.

Кто их смотрит хладнокровно,
Тот гореть уж не умеет.
Изо льда он, безусловно,
Или сердца не имеет.

И когда, красой блистая,
Смелый облик дев открылся,
Оба войска осыпая,
Стрел поток немедля взвился,

Новых слуг, рабов сбирая,
Толпы новых восхищениых,
Будто в войске рать вторая,
Из любовников плененных;

Ввысь стремительно взлетают
Облака от вздохов тайных,
Все сердца от страха тают:
Дев щадят от зол случайных.

Каждый столь стремится к бою,
Что на конях слева, справа
Сами выросли собою
Острых копий две дубравы.

Кони ржут, труба завыла,
Сабель блеск, все небо в стрелах:
Закипает полной силой
Бой воительниц умелых.

Бой вскипает, бой пылает
И бурлит кипящей лавой.
Щит — копье и меч встречает
В той сумятице кровавой.

Лес и поле грохотали,
Боя грозный шум был долог.
Вот и сумерки настали,
Мир укутав в темный полог.

Ночь поляков возвратила
В стан и их врагов опасных,
Но средь них зарей светила
Красота двух дев прекрасных.

Крунослава в стан привычный
Возвращалась удрученной,
Без своей добычи личной,
Без соперницы плененной.

А не то б (всерьез мечтала)
На нее обмен свершила:
Дорогого б обменяла,
Без кого ей жизнь постыла...

И теперь в стремленье этом
Скачет всюду неустанно
С той поры, как прошлым летом
Владислав побил Османа.

Ей покоя нет, доколе
Соколица не сыскалась.
Слух прошел: вчера в Подолье
Та с подругами промчалась.

Скачет дева неустанно,
Бег коня все ускоряет,
Не узнав посла Османа,
Что в дали к ней подъезжает.

Все кричит с угрозой дева:
«Подожди же, Соколица!
Моего избегнуть гнева
Не помогут крылья птицы!»

Вдруг, ошибку обнаружив,
На врагов своих взглянула,
Конь застыл, бока напружив,
А она копье взметнула,—

Поняла: идут в надежде
Мир снискать, а не с войною.
Свита вся в простой одежде,
Белый стяг несет с собою.

По оружью боевому
Свита деву враз узнала:
То она царю младому
Вызов к бою посылала.

Храбрость девы, смелость в сече
Сам посланец вспоминает
И быстрейшего для встречи
На коне к ней посылает.

Тот паши сказал ей имя,
Объявив затем и больше:
С порученьями какими
К королю он едет Польши.

И тогда она пустилась
Встречь тем людям чужестранным:
Мысль благая в ней родилась
О своем спросить желанном.

Вмиг коня остановила,
Увидав посла чужого,
Розу уст златых открыла,
Чтоб ему промолвить слово.

Тот ей низко поклонился,
Получил поклон ответный
И любезно с ней пустился
В разговор живой, приветный.

Глубоко она вздыхает
И смущенье скрыть не в силах;
Рай лица ее сияет,
Солнце глаз сверкает милых;

Молвит: «Имя боевое
Ты мое, возможно, знаешь,
Дело рук моих средь боя
Сам, наверное, встречаешь.

Но слыхал ли ты о боли,
Что мне душу иссушила?
Милый мой давно в неволе.
Я покой свой позабыла.

Он, на рабство обреченный,
Раньше жил свободой славной;
Господином быть рожденный,
Связан узами, бесправный.

Кто свободы недостоин,
Пусть несет ярмо-недолю;
А ведь каждый ляшский воин
Пуще злата ценит волю.

Посему твою я милость
Дать прошу ответ правдивый:
Что с Корецким приключилось?
Жив ли мой суженый милый?

Отвечал паша известный:
«О ты, дева боевая!
О твоей о славе лестной
Всюду молвь идет людская.

Знают имя твое всюду,
Там, где солнца луч сияет.
А делам твоим, как чуду,
Все дивятся, мир их знает.

Я б хотел иные вести
Принести тебе о бане:
Жив он, но в надежном месте
Вверен бдительной охране.

Госпожа, сберися с силой,
Буду искренен с тобою:
Солнце светлое — твой милый,
Средь темницы скрыто тьмою;

И туда, где скрыт он ямой,
Где обрел свои мученья,
Не придет и сильный самый
Принести освобожденье...»

Тяжко ей, иссякла сила,
Эта весть ее тревожит,
Грудь ее тоска сдавила,
И дышать-вздохнуть не может.

И, невластна над собою,
Слезы горькие роняет,
В путь она иной тропою
От посланца отъезжает.

Стыд воинственной девицы
Еще боле углубился:
Тот, кто видел меч в деснице,
Слез свидетелем явился.

Так и едет одиноко,
Беспокойствами томима;
Опечалена глубоко,
Слезы льет неудержимо.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

В тишине густой дубравы,
Где ручей журча струился,
Напонв цветы и травы,
Девы конь остановнлся.

Соскочив с коня, неясных
Дум тоской она томнлась,
Из ручья очей прекрасных
Горькнх слез река пролнлась;

Из груди, тоской стесненной,
Вздох горячнй исторгала,
Боль души обремененной
Крунослава излнвала:

«Горько мне, душа томится!
Здесь, в глухой пустыне мертвой,
Я хочу в тени укрыться,
От густых дубов простертой.

Где ты, о мой друг бесценный,
Где ты, дней моих светило?
Жив ли ты, иль прах твой бренный
Скрыла темная могила?

Без тебя я неживая,
О единственный мой, милый,
Ведь моя душа, страдая,
Там, с тобой, во тьме постылой.

Не от страха смертн плачу:
Я ношу в душе невзгоду,—
Дни досель напрасно трачу,
Чтоб увндел ты свободу.

Ах, зачем каменья, злато,
Мне зачем тот дар достался,
Если клад, чем я богата,
Весь в чужих руках остался!

Что богатство мне иное,
Что мне злато и каменья,
Коли благо дорогое
Под землею в заточенье!

Что мне в том, что я царица
Над народами в отчизне,
Коль в ярме душа томится —
Повелитель моей жизни!

Солнце мне зачем всходило,
Белый день зачем сияет,
Коль очей моих светило
Вечной ночи тьма скрывает!

Разум мой, увы, слабеет,
Речь слаба в борьбе с бедою.
В небе день не заалеет,
Если солнце скрыто тьмою.

День сияет, но за тучей
Хладных стен, камней темницы
Луч укрыт живой, горючий —
Солнце там мое томится.

Стены, каменные плиты,
Вам ли дано счастья мало?
Ведь средь вас светило скрыто
То, что мне б сейчас сияло!

Ах, смогла б крылатой стать я!
Если б птицей стать сумела!
К вам в холодные объятья
Я б на крыльях прилетела.

Но, увы, ведь я не птица,
Не увидеть мне очами
Солнце, что во тьме томится
За высокими стенами.

Стены светлые, где стонет
Верный друг, объятый тьмою! —
К вам на крыльях вздохов гонит
Ту, что страждет всей душою.

Кто же внемлет этим пеням?
Чье меня увидит око?
Я молюсь глухим каменьям,
Но и те, увы, далеко...»

От любви своей сгорая,
Излила она печали.
Вкруг, мольбам ее внимая,
Ветры тихие витали...

Так в печали непритворной
Плачет юная подруга.
Под напев волынки горной
Голос слышится средь луга.

То пастух в лесу пустынном
Вилу звал в лесной повети,
Вторя песням соловьиным,
Внлу, всех милей на свете.

«О Руменко,— восклицает,—
Для меня ты всех милее!
Глянь, дубрава расцветает,
Дуб проснулся, зеленея.

Так зачем, зачем ты, злая,
Слова доброго не скажешь,
Красоту свою скрывая,
Сердце каменное кажешь?

Со своей овечкой рядом
По траве барашек бродит,
И голубку голубь взглядом
Близ себя в ветвях находит;

Ты же скрылась вдаль от друга,
У ручья с водою чистой
Не танцуешь с ним средь луга
И венок не вьешь душистый.

Ты, младая, избегаешь
К другу вериому стремленья
И красой своей сияешь
От Миленка в отдаленье.

Если б ты огонь видала,
Что в душе моей таится,
Знала б то, что знают скалы,
Дубы, люди, зверь и птица!

Ах, подружка дорогая,
Сколь твой взор восторгов прочит!
Посмотри — душа, страдая,
Лишь тебе предаться хочет.

О Руменко, ты румяней
Для меня зари румяной!
Соловьем, певцом страданий,
Я стремлюсь к тебе, желанной.

Всяк смотрел с любовью страстной
На красу твою и знает:
Белый день, всегда прекрасный,
На лице твоем сияет.

Надо мной листву спроси ты,
Пусть ответит ветвь любая,
Как, моим огнем облита,
Загоралася, пылая.

Держит птицу клей, которым
Та себе гнездо скрепляла.
Так своим небесным взором
Ты меня с собой связала.

Но младая не взирает
На того, кто так томится.
Глянь, все стадо поспешает
На красу твою дивиться,

И веселый мой барашек
Молвит мне: печаль напрасна,—
Вила, всех милей и краше,
Здесь с тобою ежечасно».

Пастырь смолк, а дева, слезы
Вновь обильно проливая
На ланит прекрасных розы,
Загрустила, причитая:

«Сколь тот пастырь счастлив! Краткой
У него печаль бывает,
И надежде долгой, сладкой
Свое место уступает.

Дни мои полны страданья,
Мне печаль смежает вежды,
Даже долгие стенанья
Краткой не несут надежды.

Рядом он с желанной вилой,
Весь любовью истомился,—
От меня же друг мой милый [1]
Вдалеке надолго скрылся.

Вила слышит из дубравы,
Как любви он страстно просит,—
Голос бедной Крунеславы
Ветер лишь в дубах разносит.

Он с зарею дружен даже,
Я лишь тьму ночную знаю,
Он живет надеждой, я же
Без надежды умираю.

Обретет он вскоре счастье,
Быть в любви счастливым сможет,
А меня одни напасти
Бесконечные тревожат...»

Так и дальше Крунеслава
Изливала б те печали,
Но любовь ее и слава
Мысль ей новую внушали.

Шепчет слава боевая,
Мысль одна и та же вьется:
Подунавка пусть младая
За оружье вновь возьмется.

Ах, тебе ль, тебе ль стремиться
Обрести в слезах спасенье,
Если меч в твоей деснице
Так и просится в сраженье!

Да, тебе ли! Ты часами
Ждать не стала бы, а смело
В бой с драконами и львами
Ради б славы полетела.

Милый твой в тюремной стуже,
Скован тяжкими цепями,
Ты ж простой пастушки хуже
Заливаешься слезами;

Иль найти себе стремишься
Ты иное назначенье,
Если жизнь отдать боишься
За его освобожденье?

Пробудись же, пробудися!
Где твоя былая сила?
На нее ты обоприся,
Пусть послужит, как служила.

И, за слезы отомщая,
Турок кровь пролей рекою,
Жги, секи, врагов сражая,
Бей и в плен бери их с бою.

Есть ли стены, есть ли стража,
Что твоей страшны деснице?
Пред твоею силой даже
Сила адская склонится...

Но любовь тут мысль иную
Неотступно ей внушает,
Кровь и силу боевую
Беспрестанно отвергает,

Говоря: очей отрада,
Дева юная, хлопочешь
И с оружьем средь Царьграда
Друга вызволить ты хочешь?

Страстью боя ты пылаешь,
Но хоть будь огнем горючим —
Ты одна не совладаешь
С сонмом вражеским могучим.

Быть неслышной ты не сможешь
И невидимой тем более,
Коль оружие приложишь,
Чтоб жених твой был на воле.

Ты не сломишь стен темницы,
Тех, что друга ограждают,
А на крыльях только птицы
Через них перелетают.

Коли вызволить лишь силой
Ты любимого стремишься,—
Со своей свободой милой
Да и с жизнью ты простишься.

Жизнь свою не сберегаешь —
Но храни ее ты строже:
Жениху она, ты знаешь,
Жизни собственной дороже;

Он о всем узнал бы вскоре,
Смерть его б не миновала,
От руки своей иль горя,
От тоски ль,— его б не стало.

Жизнь свою храни младую,
Дней счастливых ты дождешься
И опять в страну родную
Вместе с избранным вернешься.

Лучше мирно отправляйся,
И не кровь, а злато тратя,
Друга вызволить старайся
Мирно, без кровавой рати.

То, что турок по природе
Жаден к золоту,— ты знаешь.
О тебе ж молва в народе:
Златом ты располагаешь.

Собери златое бремя
И в Царьград с ним отправляйся;
Случай выждав, выждав время,
Друга выкупить старайся...

Мысль такая осенила
Деву, мудрой показалась.
На коня она вскочила,
Мирно в мирный путь пускалась.

Другу милому в угоду
Драгоценное каменье,
Злато, чтоб купить свободу,
Собрала в одио мгновенье.

Под венгерца облеклася,
Венгра именем назвалась,
Шапкою обзавелася,—
Венгром молодым казалась.

Так оиа преобразилась,
В путь пустилась шагом смелым
И в кратчайший срок явилась
В славном Цареграде белом.

Проявив с прибытьем рвенье,
В дом посла [2] попасть сумела:
Все снискать освобожденье
Другу милому хотела.

В скрытных поисках хлопочет,
Чтоб скорей узнать про бана.
Своего добиться хочет
Или златом иль обманно...

Царь могучий [3] в это время
Тоже ждать не может больше:
На душе желанья бремя —
Знать скорей о мире в Польше.

Мыслит он, нетерпеливый,
Что его посланец верный,
Знать, не в меру нерадивый,
Медлит в лености безмерной.

Царь ночами нарушает
Сон другим, ему не спится.
«Что с ним сталось? — вопрошает,—
И когда он возвратится?»

Беспричинную тревогу
Не имеет сил оставить,
Ибо сам спешит в дорогу,
На восток стопы направить.

Веком каждый час считает,
В путь готов без промедленья,
И всечасно измышляет
Планы новые, свершенья.

Мало замыслов начальных
(В путь идти порядком срочным,
Чтоб из ближних мест и дальних
Рать в краю набрать восточном;

Дать урок без промедленья
Спахолянам, янычарам,
Всем, кто в прошлом был сраженье,
Всех вернуть к законам старым) —

Ныне в мыслях беспокойных
Облететь весь мир мечтает,
И в измышленных им войнах
Все народы покоряет;

В мыслях сушей и водою
Победителем проходит,
И покорных за собою
Он Восток и Запад водит.

Мыслит так: сперва важнее
Победить мне персов царство;
Я тогда сломить сумею
Все иные государства.

И испанская корона
Мне поддастся,— он мечтает,
С ней падут владенья трона,
Что два света обнимает.

В битве с кесарем немецким
Вскоре он себя прославит,
Покорив мечом турецким
Страны те, где кесарь правит.

С царством франков расторгает
Старой дружбы соглашенье [4],
Саблей франку угрожает,
Приводя христьян в смятенье.

После, избранных юнаков
Взяв, усилив оборону,
Он ударит на поляков,
Снимет с их царя корону...

Ах, юнец ты легкокрылый!
Позабыл ты битву с ляхом,
Где героев, полных силой,
Ты оставил мертвым прахом.

Иль не знаешь ты, что слава
Ныне всюду окружает
Молодого Владислава
И его лишь воспевает!

Вспомни, вспомни пораженье,
Не стыдись жестокой были,
Как твои войска в сраженье
При тебе им биты были.

Сколь пашей от рук поляков
И визирей в битве пало!
Сколь твоих простых юнаков
У Днестра тогда лежало!

От меча его спасаясь,
Ты в крови людской купался,
Чрез убитых пробираясь,
Сам в живых едва остался.

Сабля, щит, копье в деснице —
Королевича убранство.
В нем, прославленном, таится
Мощь и сила христианства.

Царь Осман, ну кто не знает
Этой правды несомненной:
Владислав обороняет
Христианство всей вселенной.

Одного его боишься,
Страх тебе лишь он вселяет;
Оттого все дни томишься —
Где посол твой пребывает?

Ты к его отцу отправил
Своего посла с дарами,
Ждешь, чтоб весть тебе доставил
Про желанный мир с врагами...

Чем сильнее царь мечтает,
Чем тревожнтся сильнее,
Тем сильнее он желает
Увидать посла скорее.

Возрастают в нем сомненья:
В срок посольство не явилось —
Нет иного объясненья,
Знать, с послом беда случилась.

Царь кричит: «Куда он скрылся?
Польша ведь не так далеко!
Илн с горя утопился,
Иль погиб он раньше срока?»

Эта мысль его пугает,
Днем и ночью он томится,
Беспрестанно вопрошает:
«Где он, скоро ль возвратится?»

Ждет в своих мечтаньях страстных
Весть, тревогой обуянный:
Где Кизлар-ага, прекрасных
Дев ведущий, дар желанный? —

Тот прошел уж на востоке
Земли многие, на юге,
Избирая яснооких,
Нежных дев ему в подруги.

Из чужого вывел края
Много дев он, дар прекрасный;
Красотой своей любая
Стать могла б царицей властной.

Он привел их всех с собою
К берегам морской пустыни,
Где была когда-то Троя [5].
Да, была... Здесь пусто ныне.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Там, где море бушевало,
Против сербских страи [1], навеки
Погребениою лежала
Троя, что спалили греки.

Троя славная! Царила
Прежде ты над всем Востоком.
Что еще ты сохранила,
Кроме имени, пред роком?!

Где дворцы, где стены? — Пали.
Всюду знаки разрушенья.
Что огонь оставил, взяли
Время, тлен и мрак забвенья.

Только видны недалеко
Симоенте [2] мелкой воды;
Иссушил ее жестоко
Бог огнем в былые годы.

Дале — Ида [3]. Снова, снова
Кто на эту гору взглянет —
Лик Париса [4] молодого,
Трою сжегшего, вспомянет.

Ах, юнец ты своенравный!
Ты мечтал в те дни недаром:
Жаждал Трою, город славный,
Сжечь любви своей пожаром!

Юность, вот к чему приводит
Своеволье! Вот работа
Тех, кто в этом мире ходит
Без ума и без расчета!..

Уж денница озарила
Небосвод. Ее встречая,
В небе лик заря явила,
Роз венцом чело венчая;

В этот час с Кизлар-агою
На корабль, стоявший в море,
Девы подялись чредою
Плыть туда, где всходят зори.

К островам в различных странах
Здесь ага послал с приказом
Негров верных и избранных,
Сам же в море вышел разом.

Взор его прикован страстный
К морю Геллы [5]. Это имя —
Фриксовой сестры несчастной,
Взятой волнами морскими.

Быть послушным это море
Ксеркс [6] учил когда-то смелый:
Он воздвиг в морском просторе
Мост над бурной пеной белой.

Ах, куда в своих желаньях
Ты, гордыня, достигаешь?
Ибо только лишь в мечтаньях
Моря гнев ты укрощаешь,

Моря славного, что грады
И державы поглощает,
Если волн своих громады
Из пучины извергает.

Некогда Леандр [7] влюбленный,
Что прекраснейшим считался,
Взором милой увлеченный,
Переплыть его старался;

Волны яростною силой
Очи юноше закрыли,
Средь пути его постылой
Смертью в море погубили.

Море, ветр неумолимый
Ои молил, не умолкая:
Пусть снесут его к любимой,
А потопят возвращая.

Умолял он непрестанно
Ветер буйный, волны моря,
Слезы лил он неустанно,
Изливал во вздохах горе,—

Но от вздохов ветер злился,
Моря вал от слез вздымался:
Смерти он бежать стремился,
Сам же к ней и приближался...

Корабли аги проплыли
У Тенеда [8] в синей дали,
Где армаду греки скрыли,
Чтоб троянцы не видали.

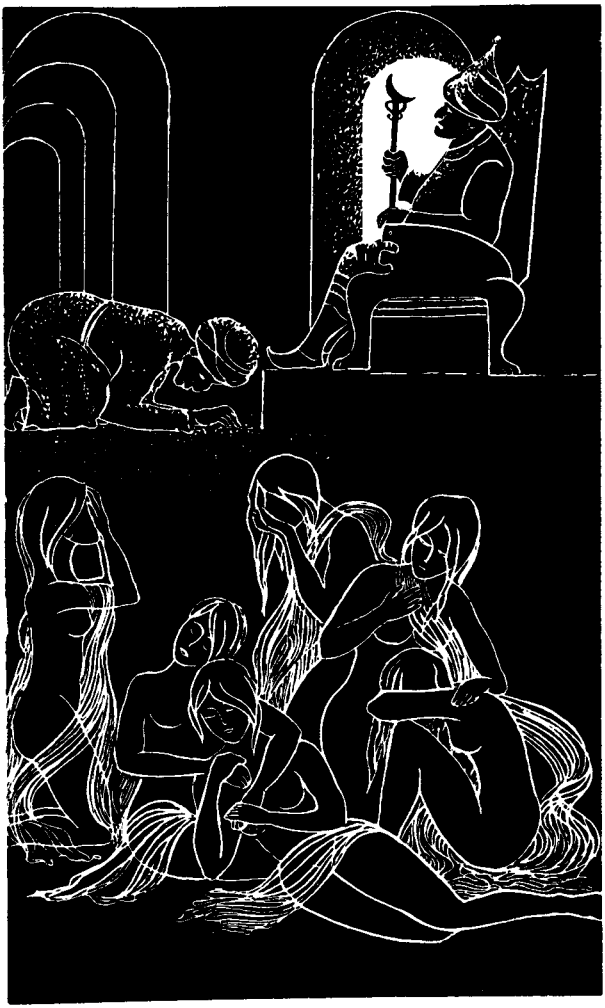
Лесбос и Лемиос минуя,
Путь на Хиос [9] он направил
(Сам собой, свобод взыскуя,
До недавна Хиос правил) [10].

Здесь он негров шлет ладьями
К островам в дали туманной,
Чтобы дев искали сами,
Сам же в край плывет желанный.

Встав у острова, поспешно
В град идет. Отцы бледнеют;
Плачут горько, неутешно
Матери: детей жалеют.

Без свободы, в злой неволе
Плачут все: «За что страдаем!
И ужель для тяжкой доли,
Для царя рабынь рождаем?

Отдаем мы благ обилье
Во владение чужое,
Есть ли большее насилье,
Чем отнять дитя родное!



Сколько бед, тоски, печали,
Сколько тяжкой, злой неволи!
Мы ль детей своих рождали
Для жестокой рабской доли!

И всегда в слезах, смятенье,
Видя вечно их рабами,
Их оплакивать рожденье,
А не смерть должны мы сами.

Есть ли худшие невзгоды,
Хуже зла и смерти боле,
Чем остаться без свободы
И душою жить в неволе!

О свобода дорогая!
Дорогой ценой заплатит
И оценит, всеблагая,
Кто тебя навек утратит».

Турки силой в плен ужасный
Много юных дев собрали.
Девы все, как цвет прекрасный,
В светлом доме вырастали.

Их родные провожают,
Грусти полные и горя,
Рвут власы и причитают,
С ними следуя до моря.

И бегут по брегу, муки
Одолеть своей не в силах,
К кораблю простерши руки,
Что детей увозит милых.

Их сердца от дум нестройных
Подсказать не могут в горе:
То ль желать им воли спокойных
И попутных ветров в море,

То ли бури? — Ум мутится
И теряется сознанье,
А ответ, на что решиться,—
Дать они не в состоянье.

Не женой, рабой покорной
Дочь их будет для султана.
Сердце, полно мыслью черной,
Зло вещает непрестанно.

И желают, горя полны,
Чтобы ветер горный взвился,
Чтобы поднял в море волны,
Чтоб корабль в пучине скрылся.

Но сердца их избегают
Столь ужасного желанья,
И любовь не допускает
Мысли злой преобладанья...

Из Хиоса отправлялся
Негр-ага все дальше в море.
Слева Самос показался,
Икария, Андрос вскоре [11],—

Острова — их повсеместно
В старых книгах прославляют.
Ныне имя их безвестно,
Лишь стада по ним гуляют.

Светлый Делос [12], где родится
Свет дневной и тьма ночная,
Славой ныне не гордится:
Остров пуст, земля пустая;

Даже знаков не осталось
Здесь от храма Аполлона [13].
Сколь людей сюда стекалось
Бога чтить во время оно!

Пустота пещер безмерных
Звуки странные рождает;
Им в глубинах ям пещерных
Эхо гулко отвечает.

Слева, в том же направленье,
Видны малого размера,
Друг от друга в отдаленье
Парос, Наксос и Кифера [14].

Наксос, где свой храм когда-то
Бахус-бог имел беспечный;
Парос, царские палаты
Украшавший в мрамор вечный;

И Кифера. Прежде звали
Греки так любви богиню.
Ныне здесь средь водной дали
Видишь голую пустыню.

Пафос, Книдос посвященны
Красоты богине были [15];
Ныне, зноем опаленны,
Лишь каменья в тучах пыли.

Там, где был очаг и ложе,
Пастырь ходит со стадами.
Ах, что время сделать может! —
Все меняется с годами.

Парус негра показался
Возле Скироса; Ахилла
(В женском платье он скрывался)
Хитрость грека здесь открыла [16].

Славой прежде окружали
Здесь Ахилла все народы,
Ныне ж внуки его стали
Земледельцы, скотоводы.

Вечно смена происходит,
А судьба людьми играет:
То царя в рабы низводит,
То раба на трон сажает...

Плыл хадум, свой путь свершая.
И направо оставалась
От него Гора Святая,
Что Афоном прежде звалась [17].

Видел он отроги Оссы,
Пелионские стремнины [18].
По рассказам те утесы
Прямо в небо шлют вершины.

Не велики эти горы
И до неба им далеко.
Лишь поэтов древних хоры
Вознесли их столь высоко.

Так вот в книгах разрастались
Вещи малого значенья,
А великие терялись,
Не записаны, в забвенье.

Говорят, что люди были
Исполины. С Зевсом [19] биться
Пожелав, свой взор стремили
В небеса, чтоб там сразиться.

И ища себе опоры
(Власть над небом взять мечтали),
Исполины эти горы
Друг на друга взгромождали.

Но Юпитер всемогущий,
Замысел дерзостный карая,
Истреблял стрелой их жгущей,
Гром на них ниспосылая.

И досель тот сказ уроком
Служит людям, полным риска:
В небе кто парит высоком,
Обречен и падать низко...

Но меж тем как разрезает
Негр волну морской пучины,
Корабли его встречает
Остальная часть дружины,

Что без счета посетила
Острова в водах Эгея [20]
И в Афины поспешила
С негром встретиться скорее.

Съединившись вместе с ними,
Так Кизлар-ага вплывает
В гавань города, чье имя
Слава древняя венчает.

Здесь он дев на берег сводит,
Сам же, устали не зная,
За короткий срок обходит
Земли греческого края;

Видит он следы нетленны
Градов славных и старинных:
Аргос, Спарта и Микены,
Коринф, Фивы и Афины [21].

Породили грады эти
Семь мужей, в науке славных [22].
Людям, сколь живут на свете,
Не найти им в знаньях равных.

Грады те, к тому ж, родили
Воевод для славы вящей,
Тех, что символом служили
Доблести непреходящей.

Что величием блистало —
Потеряло даже званье.
Слава старая пропала,
Пали грады, пали знанья.

О, как время быстро мчится!
Сколь изменчив рок немилый!
Что не может измениться,
Повстречавшись с этой силой?..

Твой ли это облик ясный,
О Эллада, мать родная!
Ты ли плод наук прекрасный
Даришь всем, не уставая!?

И не ты ль родила оных
Мудрых, что преуспевали
И в науках, и в законах,
Славу миру завещали?

Не твои ль сыны, что слыли
Храбростью в бою геройском,
Покорить способны были
Весь Восток и с малым войском?

И ие ты ли та держава,
Что питалась убежденьем,
Будто в знаньях — твое право
Всех иных дарить презреньем? [23]

Посмотри: что век — утрата;
Жизнь твоя — лишь рабство злое.
Беды нынешние — плата
За неверие былое [24].

Твоего нигде уж боле
Не осталось достоянья.
Одинока твоя доля —
Без оружья и без знанья.

Ты в плену и запустенье
Распростерлась, позабыта,
И в тебе — судьбы отмщенье! —
Сила рук и уст убита.

Турок взял твою свободу,
Отнял все твое богатство,
И свободному народу
Навязал, проклятый, рабство.

Но неволя и плененье,
И несчастие страданий —
Высшей правдой осужденье
Всех твоих худых деяний.

Ты в неверии повинна,
В нем твой стыд и униженье.
Небо мстит не беспричинно:
Легче взлет — трудней паденье...

Негр равнину проезжает,
Перед ним Ливадьи дали [25];
Слева море оставляет,
Что Коринфом [26] прежде звали.

А за ним, в краю далеком,
Есть Превезы море [27] злое,
То, что Запада с Востоком
Было дважды местом боя.

С Марк-Антонием сражался
Август здесь во время оно:
Как и тот, он добивался
Мирового царства трона;

Марк-Антоний с кораблями
Побежал обратно вскоре,
Как со всех сторон огнями
Загорелось сразу море.

Не бежал ты, воевода,
А за пламенем манящим
Ты стремился через воды,
Впереди тебя летящим.

Побежден ты был не силой
Флота римского опасной,
А своей беглянкой милой,
Клеопатрою прекрасной:

Ей, что сердцу всех милее,
Мировой престол оставил
И в любви себя скорее,
Чем в сражениях, прославил.

Здесь же, с турок силой споря,
Витязь избранный испаиский
Обагрил их кровью море,
Мир спасая христианский [28];

Турок в море бил воитель,
Вечной славы удостоен;
Ты ж на суше победитель,
Владислав, преславный воин.

Но дела твои покрыты
Боевою славой боле:
Воеводы им побиты,
Ты ж разбил царя на поле...

Негр, свершивши путь свой длинный
В землях греческих, въезжает
В край Фарсалии [29] равнинной,
Едет скоро, поспешает.

Здесь когда-то состоялся
Бой великий. Битва эта,
Где с Помпеем Цезарь дрался,
Стала пагубной для света.

С вечем Рима голос слили
Здесь Востока государства,
С ним совместно утвердили
Мировое это царство,

Чтобы Цезарь все свободы
Удушил без промедленья,
Вызвав Запада народы
На гражданское сраженье.

Римлян здесь побиты были
И разгромлены отряды,
Те, что мир весь победили
И побили без пощады [30].

В несогласье зла причина.
Им за то пришла расплата,
Что отец восстал на сына,
Зять — на тестя, брат — на брата.

Безуспешно стран не мало
Взять над ними верх старалось.
А паденья их начало
В них самих же заключалось.

Так и дуб, что утвердится
На горе крутой корнями,
Непогоды не страшится
И не дрогнет пред ветрами.

Но проникает в ствол грызущий
Червь, подобный лиходею,—
И падет в красе цветущей
Дуб под тяжестью своею.

Будь же проклят, кто отнимет
У родных покой, согласье,
В граде собственном поднимет
Споры, ссоры, разногласья!..

Негр Кизлар в молве случайной
Весть услышал о прекрасной,
Красоты необычайной,
Сунчанице [31], деве ясной;

Слышал: в светлом Смедерове [32]
Дева милая родилась,
Благородная по крови,
В знатном доме появилась.

Отдохнуть с дороги длинной
Он ни часа не желает,
Путь горами и долиной
К рашским [33] землям направляет,

А своей велит дружине,
Чтобы время не теряла,
В Босне и Герцеговине
Новых дев царю искала;

Говорит, чтоб и Албанью,
Близкий край, не позабыла,
Проявив свое старанье,
Все места в ней посетила.

Сам с дружиною проворно
Он спешит к брегам Дуная,
Чрез поля, леса упорно
Путь кратчайший выбирая.

Грады, села проезжает
Македонские. Направо
Пелла [34]. Слева оставляет
Он поля Филиппа [35], слава

Чья в одном: ярмо неволи
Грекам дал он побежденным.
Но прославился он боле
Александром, им рожденным,

Чье оружье и десница
Так простерлися далеко
Через Греции границы
И плененного Востока!

Негр с дружиной остальною
Шел к Косову, где когда-то
Милош собственною рукою
Поразил царя Мурата [36];

Без задержки на Косове
Спешно едет чрез Топлицу [37],
Чтоб скорей быть в Смедерове:
Ищет деву Сунчаницу.

Знал ага, повсюду слыша
Лишь одно о ней суждение,
Что краса ее — дар свыше —
Людям всем на удивленье.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Красота — благой природы
Дар счастливейший и сила;
Почитают все народы
В ней все то, что сердцу мило;

Луч, сравнимый с божьим взором,
Райский цвет красы прекрасный,
Благо, все дары в котором,
Образ неба вечно ясный;

В ней пред миром рай открыло
Бога славное деянье,
Где чело — восток; светило —
Локон; лик — зари сиянье;

Радость в ней и наслажденье
И сердец согласья мера,
Душ сладчайшее томленье,
Для очей предмет примера;

Сладкий мед, что грустью сладкой,
Раз вкушеиный, отзывает;
Мир желанный жизни краткой
Душам всем она вещает.

Если мощь красы сумеет
С кровью знатной съединиться,
Вдвое в силе преуспеет,
И пред нею всяк склонится;

И тогда в великой славе
Та краса распространяет
Власть свою в любой державе,
Мир, чаруя, облетает...

О дочь кесаря [1], избранный
Ясный перл в венце державном!
Ты как солнце первозданной
Красотой и родом славным.

Красота твоя — как сила,
Что не выразишь словами:
Владислава покорила
Прежде славой, чем очами.

Милость он твою желает
Обрести себе скорее,
Королевой нарекает
И невестою своею.

Близок друг, краса младая!
Как судьбу, его встречая,
Глянь, к тебе спешит, вставая,
Солнце северного края.

Ты прости меня, пичугу,
Что в дубраве [2] здесь летает
И тебя, его подругу,
Неумолчно воспевает.

Ты слывешь такой краснвой,
Что Осман ревнует боле
К жениха судьбе счастливой,
Чем к его победе в поле:

Ибо славу боевую
Он в бою всегда умножит,
Но подобную вторую
Красоту найти не сможет.

Ты красою всех затмила,
Мир подзвездный озаряя;
В небе есть одно светило,
Лишь одна краса такая.

Посему велел напрасно
Царь Османи искать, чтоб дева
В жены столь была прекрасна,
Как и ты, о королева.

Мнит во всем он состязаться
С твоим милым. Но удачней,
Чем в сраженье, оказаться
Он не сможет в жизни брачной.

Пусть вверяется надежде,
Но во всем он проиграет:
Как в бою терял он прежде,
Так в любви теперь теряет...

Уж Кизлар-ага явился
В Смедерово: Сунчаницу,
Дочь Любдрага [3], он стремился
Отыскать, красу-девицу.

Эта девушка прекрасна.
В доме деспотов [4] родилась
И слепым отцом всечасно,
Как сокровище, хранилась.

Внук он Джурджа и Еринн [5],
(«Виуком внуков» [6] называют).
Все славянские крайны
Имя их поныне знают.

Но хоть турки захватили
Старца земли и владенья,
Благородства не лишили,
Дел, высоких от рожденья.

Королевский жезл, который
Дедам некогда вручали,
Заменил другой опорой:
Посох руки старца взяли.

Не державами владеет,
Как когда-то деспот,— радо
Сердце тем, что луг имеет,
Где теперь пасется стадо.

Стражей псы покорно служат,
А подвластные народы —
Овцы кроткие. И дружат
С ним селяне многи годы.

Не дворец напоминает
Вид его простого дома,
Роскошь ложа заменяет
Лишь трава или солома.

Из ветвей жилье дубовых,—
Не чертог стоит злаченый.
В доме много яств медовых,
С молоком, водой студеной.

Нету чаш златых, в которых
Сладкое питье искрится,
Есть зато руки две скорых
Милой дочери-девицы.

Как теперь покоя днями
Старец добрый наслаждался,
Так двенадцатью сынами
Прежде в жизни утешался.

Только всех их смерть скосила,
Чтобы он, сынов теряя,
Как хотела злая сила,
Жил, лица не осушая.

Ныне он живет на свете,
Дубу старому подобный,
Ветви чьи могучий ветер
Сокрушил, в порыве злобный.

Вука с Джурджем, тех, о коих
Люди славу разносили,
Ружья грозные обоих
Возле Праги [7] поразили.

Гойко, Урош средь засады
От турецкой сабли пали:
Через лед, огня преграды
За кесаря воевали [8].

Миклеушу и Степану
Смерть пришла в морской пучине.
От руки разбойной рану
Владко принял на планине.

Заплатил Гыргур главою:
Зло друзья его предали.
В ходе Эрдельского [9] бою
Милош с Лазарем пропали.

Янко, Лайош — два, не боле,
Из сынов в живых остались
И отцу в печальной доле
Утешением казались.

Всю любовь в двоих влагая
Из двенадцати прекрасных,
Он растил их, сберегая
Как свои два ока ясных.

Но пришли ему на горе
Два несчастья волей рока:
Он сынов утратил вскоре
И ослеп на оба ока.

Отвратить не мог стремленья
К бою Янка молодого:
Тот в Молдавском пал сраженье
От удара турка злого.

Ну а Лайош той порою,
Хоть и дома оставался,
Был настигнут смертью злою,
На руках отца скончался.

Так двенадцать стрел пронзили
Старца бедного в несчастье.
Слезы столь обильны были,
Что ослеп он в одночасье;

И свершилась бы в печали
Сроки жизни его длинной,
Если б рядом не звучали
Речи дочерн единой.

Молодая Сунчаница —
Добродетель без укора.
В ней отцу надежда мнится
И под старость лет опора:

Милых внуков с нетерпеньем
От нее ждет год от году,
Чтоб служили продолженьем
Угасающему роду.

Хоть и многих привлекала,
Красотой своей смущая,
Свое девство завещала
Только богу дочь младая.

Тщетно батюшка хлопочет,
Хоть ее решенье знает:
Выбрать мужа дочь не хочет,
И отец молчит, страдает.

Знает он: мечта такая
В детстве ей пришла беспечном.
Так живет она, мечтая
В одиночестве быть вечном.

Чтоб возжечь ее влеченья,
Разбудить ее желанья,
Поощрял он игры, пенье
И веселые собранья.

Из болгарских сел [10] спешила
Молодежь сюда собраться
Вечерами, чтобы мило
Веселиться и влюбляться.

Здесь бывали красны девы,
Парни сельские ходили,
Всяк слагал свои напевы,
На главах венки носили.

Танцы бойко танцевали,
Всей толпою песни пели,
В игры разные играли
О любви под звук свирели.

Так один подле другого
Сядут вечером средь лугу,
Подбирая к слову слово,
Шепчут на ухо друг другу.

Пастырь всякий, состязаясь,
Сам казал себя на деле:
Или слаще петь стараясь,
Иль играя на свирели.

И пастушки, не робея,
Состязалися по кругу:
Песню спеть повеселее
Иль сплести веночек другу.

Посиделки те сходились
У Любдрага. Он, несчастный,
Ждал, чтоб чувства пробудились
В сердце дочери бесстрастной.

Может, молодца какого
Приглядела б ненароком,
Может, дочь нашла б милого
Здесь, в кругу парней широком.

Вкруг прекрасной Суичаницы,
К посиделкам, беззаботны
Парни, красные девицы
Собиралися несчетны.

Все несло младой страданье,
В сердце мука снова, снова,
Хоть казала послушанье
Воле батюшки родного.

Пред красы ее красою
Все прекрасное бледнеет.
Так пред утренней зарею
Блеск небесных звезд тускнеет.

Ветерок играет чистый
Светлым локоном прекрасным,
Из цветов венок душистый
Над челом девичьим ясным.

Светлый взор ее сияет
Как прекрасная денница,
На ланитах расцветает
Розы цвет, цветов царица.

Как цветок, улыбка тает
На устах; в движеньях нега,
Белоснежный плат скрывает
Грудь ее, белее снега.

А идет спокойно, мило
В танце шествует прекрасном
И, затмив небес светило,
Светом вся искрится ясным.

Лишь свои откроет очи —
Будто свет зари, пленяют.
Так и розы после ночи
Лепестки свои вскрывают.

Лишь на луг подружки роем
За цветами с ней приходят,
Сразу парни дружным строем
Круг вокруг девиц заводят.

Чуть волынка заиграет,
Пустят танец вкруговую,
В похвалу утех слагает
Песнь младой Радмил такую:

«Ах, пастушек рой чудесных,
Милых, радостных, прекрасных,
С блеском зорь в очах прелестных,
Блеском солнца в лицах ясных,

Голоса пусть дружно ваши
Вместе с нашими сольются,
Пусть, чтоб жизнь прославить, краше
Песни сладкие поются!

Будем петь и веселиться!
Мчится время молодое,
За весной зима стремится,
Насладимся же весною!

Ждать ли, как придут седины,
И как скоро злато станет
Серебром? За миг единый
Без любви ваш взор увянет.

В ваши годы молодые
Вы, прекрасные, спешите
Утолить мечты живые,
Обнимайте и любите!

В этом счастие большое,
Наслажденье и блаженство,
Юность, чуждая покоя,
Видит в этом совершенство:

Чтоб желанье явью было,
А мечта всегда сбывалась,
Чтобы то, что взору мило,
Вечно к сердцу приближалось;

Чтоб одним желаньем жили
Двое, жизнью наслаждаясь,
И в веселье проводили
Время, душами сливаясь».

Смолк Радмил. И тем же часом
Все на танцы поспешают,
Пляшут двое, полным гласом
Им другие подпевают.

После этого почина
Завершают все игрою,
Тут четыре селянина
Начинают петь чредою.

Первый песнь поет такую,
Песнь о герцоге Степане [11],
Что жену увез младую,
Сыну отданную ране.

Как она, свой гнев скрывая,
О печали умолчала.
Муж забыт был, а младая
Старца мерзкого лобзала.

Как событья шли чредою:
К туркам сын тогда подался;
Герцог со своей семьею
Без владений всех остался.

А вторым певцом пропето,
Как в Белград главой похода
Шел на войско Мухамета
Угрин Яико-воевода [12];

Как под стенами Белграда
Ранен был султан жестоко,
Но ждала его пощада:
Чуть живой, бежал до срока.

Третий пел, как в Задар [13] белый
Чрез Дубровник направлялся
Джурадж-деспот, воин смелый,
К уграм: зятю мстить старался;

Бан Сибиня и вельможи
За него согласно встали,
На войну поднялись тоже,
Джурджу помощь оказали;

Из Будима к новой славе
Владислав пошел сразиться
И с Муратом на Мораве,
С неизмерной ратью, биться.

Пел четвертый, как по воле
Угров всех единогласной
Сел Матьяш на их престоле,
Из темницы царь злосчастной [14].

Как Матьяш, отважный вои,
Занятой, от дел уставший,
Счел, что турок бить достоин
Деспот Вук [15], сраженья знавший.

Смолк бугаркинь звук. Стихая,
Смолкли песни над долиной.
Вдруг пришел, игре мешая,
Негр Кизлар-ага с дружиной.

Он повсюду в Смедереве
Со старанием напрасным
Всех расспрашивал о деве
Сунчанице, солнце ясном;

Тут, стрелы быстрей, от главной
Он дружины отделился,
Услыхав: Любдраг де славный
С ней в село переселился.

Средь забав, в веселом хоре
Он увидел деву эту
И в ее отмегил взоре
Неземной красы примету.

Лик ночной аги стал светел,
Словно день: красы великой
Райский цвет ага заметил
Сунчаницы солнцеликой [16],

И отвсюду устремленный
Взор парней на деву. Даже
Ей подсолнечник влюбленный,
Словно солицу, лик свой кажет.

Лишь арапа замечают —
Замирают все в тревоге
И куда бежать не знают,
Ибо в страхе стынут ноги.

Сунчаница и подруги
От стыда и страха стали,
Бросив все цветы в испуге,
Что для кос своих собрали.

Вилы все в одно мгновенье
Сникли, в мрамор обратились,
Видно думали: спасенье
В том, что в тень свою укрылись.

И по лицам распускают
Россыпь прядей золотистых,
Средь златых кудрей скрывают
Яркий блеск очей лучистых.

Хитрый негр хадум явился
Добрым, милым. Откровенно
С добрым словом обратился,
Длань к груди прижав смиренно:

«Юность милая! Забвенья
Сколько в счастье средь дубравы,
Сколь несут вам наслажденья
Эти игры и забавы!

Вам не след меня бояться:
Мой приход не помешает,
Пусть же танцы ваши длятся,
Каждый пусть поет, играет.

Чтоб найти покой, участье
Я хочу принять, игрою
Насладиться,— столь в ней счастья,
Столько мира и покою.

И уж вы не откажите,
Рядом с вашим хороводом
Вы мне место уступите
Посидеть с младым народом».

И, сказав такое слово,
Средь селян один, без стражи,
Выбрав дуба тень большого,
Турок сел, став милым даже.

И к Любдрагу слово ласки
Он с участьем обращает.
Чтоб старик не знал опаски,
С клятвой страшною пытает:

«Мой хозяин, заклинаю
Богом, что дарит нам зренье:
Чем был род твой, знать желаю,
Расскажи, имей терпенье!

Я клянусь царя главою,
Саблей я своей клянуся —
Откровенен будь со мною,
Правдой я не оскорблюся.

Кто же предки твои были?
Говори без страха, сетуй!
Власть имели? Были в силе?
Кто лишил их власти этой?»

И на это с сожаленьем
Старец грустно отвечает:
«Счастье прошлое с мученьем
Подневольный вспоминает.

Ибо славный род едва ли
Помогает в горькой доле
Тем, кого навек сковали
Цепи тяжкие неволи.

Но коль муж такой достойный
Обращается с речами,
Столь учтивый и спокойный,
И клянется мне очами,

Ничего не убоюся,
Все скажу, хотя, тоскуя,
Весь слезами я зальюся,
О недоле повествуя...

Как искал среди придворных
Деспот Лазарь славой равных
Двух юнаков, двух отборных
Дочерям супругов славных.

Вукосаву отдал в пару
Он Милошу Кобиличу:
Выдал гордую он Мару
В жены Вуку Брянковичу [17].

Джурадж-деспот славен родом:
Вука с Марою был сыном.
Он над рашским стал народом
После тестя господином.

А у Джурджа и Еримы
Тоже Мара дочь родилась;
За красу (не без причины!)
Та султану [18] полюбилась.

Но, иному чувству внемля,
Тут султан свой взор направил
К городам, в чужие земли,
Где с Ериной деспот правил.

В град, отколь жена младая,
Царь решил коней направить,
Сыновей сманить желая,
Чтоб в заложниках оставить.

Он с оружием поднялся,
Чтоб сразиться с их державой,
Деспот жив едва остался
Перед саблею кровавой;

А изгнанница Ирина
Смедерево оставляла,
Мужа Джурджа, господина,
В землях Угрии искала.

И когда в Будиме-граде
Мужа встретила, скорбила:
Старец, рви власы в досаде,
Нас несчастье посетило!

Рать побита, в землях града
Всюду турок власть суровых;
Гыргур, Степан — наши чада —
Лишены очей, в оковах.

Слушай вести эти злые,
Их чрез вестника прислали
Сыновья мои младые
Мне, несчастной, в знак печали:

У тебя де от кручины
Сердце может, мать, разбиться:
Два орла, твои два сына —
Два слепца; их дом — темница.

Огляди земные дали,
Мать, на белый день взгляни ты:
Ведь у нас, младых, отняли
Свет, а очи тьмой закрыты.

Оба мы должны бы были
Быть тебе с отцом опорой.
А теперь — чтоб нас водили
Вы с отцом до смерти скорой.

Ты услышь про всю невзгоду,
Наши тяжкие печали:
Мы с очами и свободу
Дорогую потеряли.

А жена Мурата злая —
Дочь тебе, а нам сестрица —
Все ярится, не желая
Пред царем за нас вступиться.

Ах, увы, злодейка эта
Род свой с корнем истребляла:
Вняв словам царя совета,
Тоже братьев ослепляла.

Сердце в ней глухим осталось
К братцам двум и их любови,
Пред злодейством не сдержалось,
Захотело братской крови.

Если в путь ты устремишься,
Чтоб средь зятиных дев в Будиме
Выбрать жен, назвать решишься
Их невестками своими;

Если будешь там, родная,
Средь угорских дев,— едва ли
Скажешь правду, восхваляя
Нас, предмет своей печали.

Скажешь ты едва ль: «Имею
Двух сынов я, двух юнаков,
Коих в сердце я лелею,
Каждый сердцу одинаков».

Сможешь ты сказать: «Два сына,
Двух слепцов, рабов имею.
Злая их ждала судьбина:
В плен попали к лиходею».

Старец деспот, слыша вести,
Что жена ему, рыдая,
Принесла, застыл на месте,
Побледнев и речь теряя.

Полон боли и печали,
Так стоял он, камеиея,
Возвращаться мысли стали —
Молвил тихо и слабея:

«Нас с тобой всего лишили:
Благ, детей и лучшей доли.
Ждать ли, что б в плеиу мы были
И под старость лет в неволе!

Нам ли быть, жеиа, без крова!
Мы пойдем в Дубровиик славныi:
Там держать умеют слово,
Гость у них со всеми равныi».

Но к Мурату новость мчится:
Джурадж, де, ушел с казною
В град Дубровник, оградиться
В нем свободой, как стеною.

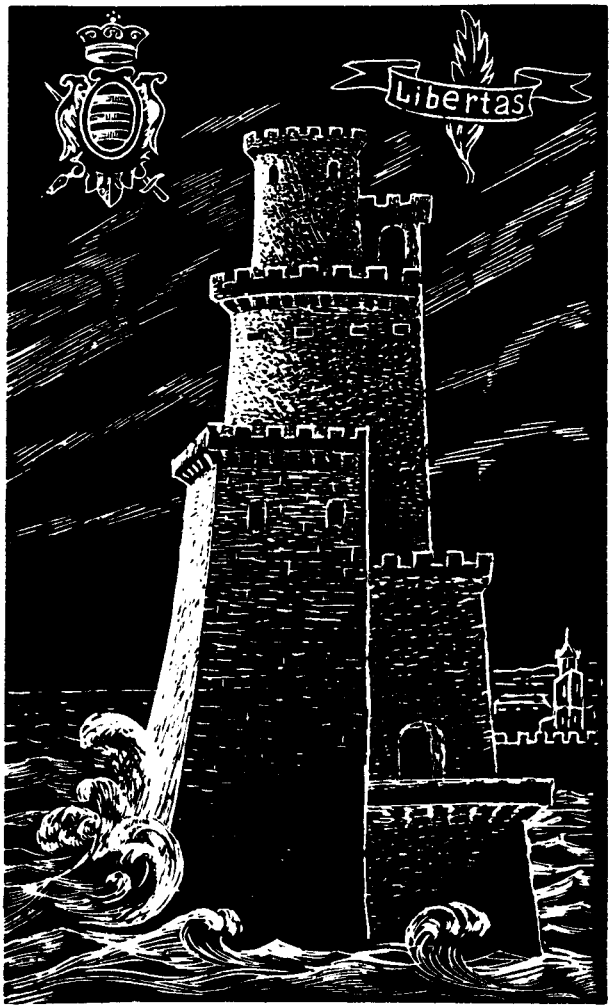
Царь посланцев иаправляет
В град Дубровник и дарами
Вече, киязя наделяет [19],
Чтоб отдали Джурджа сами;

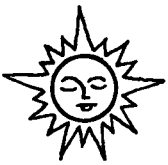
А иначе,— он грозится,—
Я пойду на вас воiиою,
Отомстит моя десница
Царской саблей огневою.

Но Дубровник, миром славный,
Подтвердил свободу снова:
Дар отверг и гнев державный,
Не нарушив свое слово.

Гордый царь, узнав про это,
Восклицает, удивленный:
«Будешь жить ты многи лета,
О Дубровник, силой оноi!»

Так Дубровник и поныне
Между Львом и злым Дракоиом [20].
Верность, мир — его святыни,
Огражден свобод законом.


Libertas



Так живи и благо делай
В жизни миpиой и свободной,
О Дубровник, город белый,
Людям, небу — всем угодный!

Стран угорских часть большая,
Босна, герцога именья [21] —
Всюду правит силая злая,
Всюду турки, их владеиья;

Там, меж пастью злоii Дракоиа
И когтями Льва, без славы,
В рабстве чуждого закона
Все славянские державы.

Все соседние народы
В рабстве. Зло там процветаег.
На престоле же свободы
Власть твоя лишь пребывает.

Так, придя в сеii град свободный,
От зятевых рук [22] спасался
Джурадж-деспот, дед моii родныii.
Я же «внука виук» назвался.

И в роду теперь уж нету
Никого другого, кроме
Дочки. Видишь дочку эту,
Мие она утеха в доме».

Тут арап при слове этом
Плат златой своii вынимает
И Сунчаницу с приветом
Платом этим одаряет,

Говоря: «Тебе судьбою
Радость послана большая:
Будешь ты царя жеиою,
О красавица младая!»

А Сунчаница, поникнув
Взором, прячет стыд-кручину.
Черный евнух, громко крикиув,
Звал уж чериую дружину.

Дева в плеи идти постылый,
Дом покинув, ие желает.
Негр ее со всею силой
Из отцовых рук хватает.

И она рукой несмелой
Мнит от иегра защититься;
Не отвесть голубке белой
Когти черной сокол-птицы!

А слепой Любдраг иесчастиый,
Слыша: клад его единый
Отнимает негр ужасный,—
Лишь схватился за седины.

Не надеясь дочь младую
Защитить, старик в печали
Закричал: «За что такую
Старость боги мне послали?

Злому року было надо,
Чтоб меня земель лишили,
Чтобы пастырями стада
Внуки деспотовы были.

Были мие сыны дороже,
Чем очей моих зеиицы,
А пришлось мне делать — боже! —
Колыбели и гробницы.

А теперь, судьба, ты снова
Старика-слепца терзаешь:
Дочку, счастие отцово,
Клад последний, отнимаешь.

Дочка! — Нету дочки, нету!
Дочь младая, Сунчаница!
Где твой образ, ярче свету?
Ты куда успела скрыться?

Отзовися, дорогая,
Видишь, я страдаю снова!
На кого отца, родная,
Покидаешь ты слепого?

Не затем ли, смерть, всечасно
Ты ко мне была глухою,
Чтобы я страдал ужасно,
Вечно мучим был судьбою?

Мне под старость лет достался
Смерти злой удел жесточе:
Без владений я остался,
Без сынов, утратил очи

И тебя, моя ограда.
Все в тебе: мои владенья,
Сыновья — родные чада —
И утрачеиное зренье!»

Так тужил Любдраг несчастный,
Хоть в слезах и иету прока:
С дочерью его прекрасной
Отъезжал ага далеко.

А Суичаница младая
Вся от страха каменела:
Бездыханна, чуть живая,
Холодела и бледнела.

Локон выбился на волю,
Обвевая ей ланиты.
Не ведут — несут в неволю,
Не жива она — убита.

Как придет в себя, с испугом
Оглядится, побледнеет:
Видит негров страшиым кругом,
Снова вянет, холодеет;

Боль томит ей сердце снова,
Страх ей душу обнимает.
Не промолвит даже слова,
Лишь слабеет и страдает.

Накоиец, когда вериется
К ней душа, слова находит.
Виовь рыдает, в страхе бьется,
В причитаниях исходит:

«Где я, бедная? Какая
Вдаль меня уносит сила?
Для чего, о мать родная,
Дочь свою ты породила?

Кто ведет меня далеко?
Я невольницею стала,
В плен захвачена жестоко,
Дом отцовский потеряла.

Спать я вечером ложилась
В доме у отца родного,
А проснувшись, очутилась
Поутру у иегра злого.

На кого, ах, на кого ты
Брошеи мной, отец родимый?
Ведь за дочкой без заботы
Жил ты, ласкою храиимый.

Кто тебя в тоске тревожной
Успокоит и рассудит?
Кто опорою надежной
Для тебя под старость будет?

Ах, ведут меня в добычу,
На позор царю Востока.
Я боюсь за честь девичью,
Что хранила пуще ока.

Завещала честь и руку
Я всевышнему, младая.
А за честь не только муку,—
Даже смерть бы приняла я.

Коль назад вернуть не в силах
Ты меня, отец мой милый,
Коль побить врагов постылых
Ты не можешь слабой силой,—

Так приди сюда скорее,
Может быть, твои рыданья
В гордом стражнике-злодее
Вызвать смогут состраданье.

Может, выкупишь младую,
Может, турки, люд суровый,
Не приявши дань златую,
Примут дань слезы отцовой;

На твои седины взглянут,
На слепых очей зеницы —
Может, турки мягче станут,
Милость в их сердцах родится?

Никого нигде. Так кто же
Мне б помог и не отринул?
Где же мой отец, о боже?
Иль и он меня покинул?»

Так бы плач свой бесконечный
Сунчаница продолжала,
Если б иегр ей бессердечный
Не велел, чтоб замолчала.

Он кричит ей: «Не пора ли
Прекратить тебе рыданья!
Слез довольно мы слыхали,
Пусть придет черед молчанья».

Но меж тем, как он свершает
Путь в Царьград, к своей столице,
Видит: всадник поспешает,
Прямиком навстречу мчится.

Подскакав, принять он просит
От царя письмо, гарцует;
Негр письмо к челу подносит
И с почтением целует.

Дел восточных замедленье
Царь позволить не желает.
Он аге свое велеиье
В том посланье открывает.

Пишет, чтоб ага к Царьграду
Скорой шествовал стопою,
Чтобы дев, царю в усладу,
Он быстрее вел с собою;

И еще приказ дал срочный,
Чтоб искали Соколицу:
Мол, с собой в поход восточный
Царь мечтает взять девицу.

Лик девический прекрасный
Поразил царя красою,
Царь Осман, младой и страстный,
Был сражен очей стрелою.

Он хотел бы насладиться
Неземной красой, мечтает
Блеском тех очей упиться,
В коих солнца свет играет.

На Восток пути затмило:
Ждет, пока девичьи очи,
Как восточное светило,
Не разгонят сумрак ночи.

Что замыслил — не желает
Никому открыть. В стремленье
На Восток Осман скрывает
Лишь любви своей томленье.

Но хадум смекнул лукавый:
Выбрав негра, в путь опасный,
В Польшу, шлет не за забавой —
Шлет за девою прекрасной;

Знает он: с дружиной вместе
Дева, отдыха не зная,
В отомщенье царской чести
Рыщет в Польше, все сжигая.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

любовь! Все люди знают
Силу стрел твоих опасных;
Их таят в себе, скрывают
Взоры милых глаз прекрасных.

Но сильнее жажда славы,
Что в сердцах царей таится;
Ведь она твоей отравы —
Стрел любовных — не боится.

Соколица знает это.
Потому, нисколь не странно,
Что она в любви ответа
Ждать не стала от Османа.

Трудно было ей решиться,
Грудь томилась горьким ядом:
С тем, к кому душой стремится,
Не могла она быть рядом.

По ночам сильней страдала
Дева́ в муках нестерпимых:
Темной ночью не сияло
Солнце ею глаз любимых.

Было также неприятно
То, что вражья рать видала,
Как в бою она обратно
Вместе с турками бежала.

Год назад в земле равнинной
Владислав разбил Османа,
С той поры она с дружиной
Рыщет в Польше неустанно.

От Днепра, с ветрами споря,
До Диестра она летает,
До Немецкого до моря
И до Одера ширяет.

Стонам, жалобам не внемля,
Много раз она, младая,
Разоряла ляхов земли,
Грабя веси и сжигая.

Наконец, она решилась
Подойти к самой Варшаве.
Дева дерзкая явилась
Здесь в одной густой дубраве...

Август теплый уж кончался,
Сбор начался урожая.
Сок на лозах показался,
Словно дождь златой стекая.

Занимался день тот ясный,
Тот счастливый день, чья слава
Будет вечной и прекрасной —
День победы Владислава;

Войско без числа и края
Он разбил в бою неравном,
На дракона наступая
У Днестра тем летом славным.

В этот день среди Варшавы,
Вспомнить прошлые походы,
Все князья съезжались, главы
Городов и воеводы.

Здесь, полны благоговенья,
Стройно всеми голосами
Прежде вышнему моленье
Вознесли вельможи в храме;

После каждый, кто как может,
День победы прославляет,
И хвалы и радость множит,
День счастливый вспоминает.

Владислав младоїі избранных
Пригласил господ с собою,
Чтоб на лов в лесах пространных
Ехать за город с зарею.

Он, гоняясь за зверями,
Показать хотел при этом,
Как он гиал царя с воїісками
В день победы прошлым летом.

Он в роскошном одеянье
Из чудесной багряницы;
На богатом златотканье
Жемчуг светится-искрится;

Меч на поясе злаченый,
Над главоїі султан развился,
Под расшитою попоноїі,
Словно ветер, конь резвился.

Он оружием и статью
Бога солнца [1] вид являет,
Что на бой с звериной ратью
В круг небесный выезжает.

Казимира рядом, брата,
Видно здесь в доспехе бранном,
На коне, в сиянье злата,
Под златым своим султаном.

Молод он еще собою,
Славы свет ему лишь снится,
Но отвагоїі и красою
Весь сияет и лучится.

Младший брат Степан здесь смелый,
Что прославился деламн,
Конь под ним играет белый,
Резвыїі, быстрыїі, словно пламя.

И другие скачут братья
С Владиславом, полны рвенья.
Их оружие и платье
Людям всем на удивленье.

Королевичи на брата
Смотрят зорко и дивятся:
Так младые соколята
В ясно солнышко глядятся.

Воеводы в ряд и паны,
И князья с ним выезжают,
Их оружье и жупаны
Ярким златом отливают.

Так скакал на лов звериный,
В бой веселый и забавный,
С благородною дружиной
Победитель турок славный...

А младые варшавянки
На лугу меж тем сошлися,
Цвет Варшавы, горожанки
По-над Вислой собралися.

Танец тихий, безмятежный
Начинается меж ними,
В сладких звуках песни нежной
Владислава славят имя:

«О счастливый победитель
Королевич Владиславе!
Все тобой горды, воитель,
Все твоей дивятся славе.

О наш сокол сизокрылый!
Пред тобой, младым, склонялся
Турок клятый, враг постылый,
Он, сражен тобою, скрылся.

Ведь тобою государство
Наше всем защитой стало,
Укрепилось наше царство
И желанный мир стяжало.

Пахарь на зиму тобою
Плод обильный собирает,
Молоко течет рекою,
Мед из дубов истекает.

Коль стада пастух веселым
Под свирель пасет средь луга,
Путник шествует по селам,
Веселясь,— твоя заслуга.

Конь, что в силе неизменной
Вихрем яростным казался:
Исходил огнем и пеной,
Ржал, храпел, на всех метался,—

Ныне кротко на леваде
Наслаждается травою,
Кобылиц питая в стаде
Силой, что копил для бою.

Паствы с тучными стадами,
Пчелы, пажити и нивы,
Веси, славные садами,
Люди мирны и счастливы.

Все живут с надеждой ясной,
Молвит всяк, мечту лелея:
Ты с невестою [2] прекрасной
В дом отцов гряди скорее!

Всяк уже об этом знает,
Пира ждет в веселых звуках.
Имя славное желает
Наш король продлить во внуках!

Пусть же новыми лучами
Наши грады озарятся;
Царь рождается царями,
Солнца солнцами родятся...»

Но покуда безмятежный
Девы танец свой свершают,
В тихих звуках песни нежной
Владислава воспевают,

Соколица молодая
Дерзкой поступью своею
Из дубравы вышла, злая,
И двенадцать дев за нею.

И как львица бегом скорым,
Если глад ее терзает,
Слухом чуткая и взором,
Путь короткий выбирает;

Слыша тонкий звук свирели,
Сердцем весела и рада,
Мыслит, что близка уж к цели,
Вон вблизи пасется стадо;

Вволю мясом, предвкушает,
В нем насытиться сумеет,
К стаду бег свой устремляет
И летит и вожделеет,—

Так воинственная дева,
Слыша, как привольно льется
Звук девичьего напева,
Что над лугом раздается,—

«О подруги! — восклицает.—
Всех нас подвиг ждет опасный,
Нас добыча ожидает,
Так вперед, на лов прекрасный!

Все за мной! Врагам отмщенье
За себя, царя и веру!
Вспомним наше пораженье,
Воздадим врагам их меру!»

До конца не докричала
Дочь Могола. Жаждой лова
Объята, в намет погнала
Своего коня борзого.

Как поток, со скал срываясь
Многоводною рекою,
В бездну шумно низвергаясь,
Все уносит за собою,

Так подружек быстрых стая
На конях несется, рея,
Быстрый ветер обгоняя,
Чтоб добычу взять скорее:

Ту, от страху чуть живую,
Спереди под грудь хватают,
Поперек седла другую
Вниз лицом рывком бросают;

Тащат ту, схватив в объятья,
Ту — за косы хваткой злою,
Ту — за шелковое платье
Иль за пояс рвут рукою...

Так в лесу овец, терзая
С беспощадностью жестокой,
Тащит злая волчья стая,
Тьмой укрытая глубокой.

Девы, помня свой обычай,
Словно стрелы полем мчали;
С драгоценною добычей
Далеко уже скакали;

Тут младые варшавянки
Вновь сознанье обретают,
Общим хором полонянки
Стонут, плачут, причитают.

Та зовет отца родного,
Милых братьев, та — рыдает
И дружочка дорогого
В помощь громко призывает.

Вопиют со всею силой,
Чтобы их в чужой неволе
Королевич слышал милый
И вернул к свободной доле.

Но, увы, слезами, стоном
Пособить себе не могут:
Их в том месте отдаленном
Не услышат, не помогут.

Их дубы в глухой той пуще
Плотным строем окружили,
А развесистые кущи
Небеса от них закрыли.

С краю леса открывает
Тихий свой приют опушка.
Ветерок листву ласкает,
Корни — быстрая речушка.

Ясень красный, вяз широкий,
Здесь сосна, ольха темнеет,
И орех, кизил жестокий,
Явор, елка зеленеет;

Дубы тут же коренятся
В землю древними корнями,
Что и бури не страшатся
И не дрогнут пред ветрами.

Звери стаями шныряют
В этих зарослях тенистых;
В ветвях звонко распевают
Хоры пташек голосистых.

Речка многими струями
В ту дубравушку втекает,
А дубравушка ветвями
От лучей ее скрывает.

Струи, вместе все стекаясь,
Озерко здесь образуют,
Вилы гор в нем, забавляясь,
Летом весело танцуют.

В ту дубраву устремляет
Бег дружина дев восточных;
Ветерок их призывает,
Шорох струй манит проточных.

Девы после скачки длинной,
Отерев от пота лица,
В чащу к озеру дружиной
Едут, чтоб от солнца скрыться.

Соколица — вся в движенье —
Едет, храбрая, пред ними,
Среди дубов ищет тени
Вместе с дружками своими;

Кличет: «Вон пастух со стадом
Завернул к ручью, под гору,
Средь деревьев по левадам
Тени ищет в эту пору.

Потому и мы, подруги,
Здесь от солнышка спасаясь,
Отдохнем же на досуге,
В тени дубов укрываясь.

Насладимся же в прохладе,
Где густые тени льются,
Наши кони на леваде
У ручья пускай пасутся.

Ну а ты,— тебя я кличу,—
О отважный Владиславе,
Отними у нас добычу,
Ждем тебя мы здесь в дубраве.

Я все войско вызываю,
Мне ль, младой, тебя бояться!
Я тебя здесь ожидаю
И подруг моих двенадцать.

Злая весть распространится
В целом мире (свет громаден):
Из-под стен твоей столицы
Знатных женщин цвет украден!

В руки он попал девичьи,
Как вернуть его — не знаешь,
Ты, кто в славе и величье
Выше всех теперь витаешь.

Но потерпишь ты едва ли,
Чтоб в твой дом пришли чужие
И день славы помешали
Славить девушки младые.

Против нас на поле брани
Выйти ты уже не смеешь:
Побеждал царей ты ране,
Ныне — женщин не сумеешь.

Посему, мои подруги,
Вороных вы расседлайте,
Без боязни на досуге
У воды здесь отдыхайте».

Так кричит и угрожает
Дева дерзкая, и местью
За царя она пылает
Со своей дружиной вместе.

Всем велит, чтобы спешили.
Пленниц тех с коней снимают;
По одной их всех скрутили,
Вместе все они стенают.

Их, младых, чтоб не сбежали,
Крепко жесткими жгутами
К черным дубам привязали
Прямо белыми телами.

Девы гордые Востока
Тут отряд свой ограждают
От случайности и рока,
После хором восклицают:

«Опасаться нам не нужно,
Что найдет нас сила злая,
Все оружье снимем дружно,
О дружина удалая!

Мы в воде прозрачной вскоре
Под сияющим светилом
Будем плавать на просторе,
Отдаваясь играм милым».

Охладить себя желают
Девы, кончив бой; у брега
Сняв одежды, открывают
Перси, что белее снега.

Были скрыты все святыни
Под одеждою ревниво,
В обнаженном виде ныне
Предстают, очам на диво.

Если б белый цвет отборный
Для урока взять пред око:
Серебро и снег нагорный
Вместе с жемчугом Востока,—

Рядом с женской белизною
Вещи белость потеряют:
Словно звезды, наготою
В водах девушки сияют.

И, приняв девичье тело,
Белизне его дивяся,
Мигом озеро вскипело,
Все живым огнем искряся;

А цветы вокруг и травы,
Восхищеиные, сникали,
Дерева густой дубравы
Ветви в озеро склоняли.

Воды радостио струями
Устремлялись, чтоб лобзать их;
Вместе с травушкой, цветами
И дубами обнимать их.

Эта — облаком златистым
Свои косы распускала,
А другая их лучистым
В воду с плеч дождем роняла.

Дочь Могола всех светлее
И прекрасней вид являет:
Грудь ее зари белее,
Солнцем лик ее сияет.

Вил белее дева эта
На воде средь игр иевинных
И белей пера поэта,
Белых перьев лебединых.

Тихий ветер над главою
Влажный локон ей ласкает,
А цветок лица росою
Жемчуг мелкий орошает.

Так охоты молодая
И богиня [3] всем являлась,
Если в озере нагая
Средь подруг своих купалась;

И любви богиня [4] нежной
Так же в виде сем открылась,
Как из пены белоснежной
Средь морских валов родилась.

Девы дерзкие с войною
И на миг не расстаются,
Даже в играх меж собою
Как воительницы бьются.

Шесть в одном ряду явились,
Шесть напротив них теснятся,
Все водой вооружились,
Чтоб друг с другом состязаться.

Те — к подругам подплывают,
Заняты игрой-войною,
Те — друг другу угрожают,
Мечут жемчугом-водою...

А пока в воде воюют
Девы милые, нагие,
Веселятся и ликуют,
Ищут хитрости простые,—

Зашумела голосами
Неожиданно дубрава,
Окруженная ловцами
Из дружины Владислава:

Эти с дротами, другие
Остры копья взяли в руки,
Третьи — ружья огневые
Иль натянутые луки.

Те — ведут борзых, стреляют,
Держат ястребов другие,
Выжлецы снуют и лают,
Кони ржут, напружив выи.

Владислав поля далеко
Обскакал со рвеньем страстным;
Вьется, кружит сизый сокол
Над челом его над ясным.

Сокол, по иебу летая,
Только крупных птиц гоияет,
А на мелкой птицы стаи
Даже крыл не утруждает:

Гонит тех, кто ие сдается,
А сдался — живи на славу.
Вся добыча им кладется
Под коня, ко Владиславу.

Словио молвит: «Столь немноги
Силы в мире сем найдутся,
Что вот так тебе под ноги
Не падут и не сдадутся».

И со всех сторон бежали
Звери, загнаниая стая:
Их ловцы усердно гнали,
В круг единый всех сбивая.

Тут метались в тесном круге
Вепрь, олень и рысь, куница,
Серна, заяц, лань в испуге,
Леопард, стараясь скрыться.

А охотиики младые
Лес тесиее окружали,
Звери кроткие и злые
Стаей все одной бежали.

Королевич же, заметя,
Что́ дубрава та скрывает,—
«Есть удачней лов на свете,
Бросьте зверя!» — восклицает.

Взор бросает Соколица
В чащу, страшный шум откуда,—
Видит, что беда случится,
Не избегнуть зла и худа.

И кричит подругам: «К бою!
Все к оружью! Защищаться!
Враг нас силою большою
Окружил, так будем драться!»

Из воды стрелою мчится
И одежды надевает,
Только с саблею в деснице
На мечи напасть дерзает.

Нет ей времени в том спехе:
Скрыть чело под шлемом снова,
И надеть на грудь доспехи,
На коня вскочить борзого.

Как она, покинуть воду
Не хотят ее подруги,
Чтоб не быть, врагу в угоду,
Им, нагим, во вражьем круге.

Как им быть с таким обличьем,
Побежденным наготою
И стыдом своим девичьим,
Но не вражьей силой злою?

Взять оружье и не смея,
Тешит дева мысль благую,
Как одеждою своею
Защитить себя, нагую.

Так ловец во время лова
Сам уловом оказался;
Иль пример корсара злого:
В плен, других пленя, попался.

Так же вот в воде и стая
Белых лебедей играет,
Игры быстро измышляя,
Песней их сопровождает;

Но орла среди забавы
Лишь заметит в небе ясном,
Сложит крылья, спрячет главы —
Тут конец и песням страстным.

Королевич милость кажет,
Плениых дев не убивает,
Как они, ои их не вяжет,
Лишь под стражу помещает.

И не страшно Соколице,
Что одна,— оиа не тужит:
Сабля острая в деснице
Против войска ей послужит.

И как только увидала,
Что подруги в плен попали,
Тотчас вихрем побежала,
Где враги стеною встали.

Как тигрица, зверь проворный,
На охотника взирает,
Что тигрят в пещере гориой
Дорогих ей забирает;

Полна яростью, тоскою,
За охотником стремится
И рычит, дрожит от вою,
Похитителю грозится,—

И воительница гневом
Так же пламенным пылает
И в плеиу плениениым девам
Волю дать скорей желает.

Средь оружья, коней ратных
Не бежит — летит стрелою,
Ляхам в криках многократных
Угрожает смертью злою.

И направо, и налево
Вкруг удары рассыпает,
Все вокруг младая дева
Ляшской кровью заливает.

Рушит, ломит, бьет и валит,
Колет, топчет их и рубит,
Сто мечей и рук едва ли
Столько душ зараз погубят.

Лех и Крак в мгиовенье ока
Пали враз, мечем произенны;
С горлом, взрезанным жестоко,
Витослав погиб без стона.

Джурджа с первого удара
На две части рассекает;
Смаху бьет и у Гашпара
Верх главы мечем снимает.

Рукояткой бьет Остою,
Мозг его иа землю льется,
В крови, смешаиной с землею,
Он, упав, пред смертью бьется.

Бисерко, дитя младое,—
Розой лик его сияет,
Око весело живое,
Весь красою расцветает,—

На нее в порыве гнева
Он оружие подъемлет,
Но быстра в движенье дева:
Он от сабли смерть приемлет.

Что одиой в сраженье оном
Сделать с тысячной толпою,
Будь хоть огиенным драконом
Иль крылатою змеею?

Вкруг нее объединились
Все поляки, чтобы биться,
Сто мечей тут разом взвились
Встречь одной ее деснице.

Дева смелая без страха
Бьет врагов и сокрушает,
Вдруг от сильного замаха
Саблю острую ломает;

Незамедля бьет эфесом,
В крови вражьей утопает,
Но отвсюду частым лесом
Враг все новый вырастает.

Владислав, готовый биться,
Видит деву удалую,
На коне вперед стремится,
Чтоб спасти ей жизнь младую;

От нее он оттесняет
Всех направо и налево,
Все мечи он отклоняет,
Чтоб живой осталась дева;

Владислав обеспокоен,
Что она погибнуть может,
Что главу прекрасный воин
Не в открытом поле сложит.

Помнит славные картины,
Как она отважно билась,
Как в молдавские равнины
Помогать царю явилась.

В гневе, ярости бывала
Столь прекрасна, что, младая,
Взором скалы сокрушала,
Вся живым огнем пылая.

Королевич бы не скрылся
От очей ее сиянья,
Если б только не стремился
Победить свои желанья.

Он, исполнен духа рвенья
Иисусов воин, знает,
Что к турчанкам вожделенье
Поощрять не подобает;

Да и всех ему милее
Образ солнечный, невеста.
Он хранит его, лелея,
В сердце нет иному места...

Понимает Соколица,
Что́ несет ей бой неравный:
Может горе приключиться;
Ждет ее конец бесславный.

Чтобы в битве этой к ляхам
Не попасть живою в руки,—
Все презрела, чужда страхам:
Копья, сабли, стрелы, луки.

За свободу на смерть бьется,
Отступает, нападает.
Владислав о ней печется,
Никого не подпускает.

Что с неи будет?— Бой неравный,
Рать пред ней, река за нею.
Владислав кричит ей славный,
Чтоб сдавалась в плен скорее.

Но она непримирима,
В гневе вся огнем пылает,
На слова, врагом теснима,
Лишь десницей отвечает.

Ляхи деву окружили,
Ни к чему сопротивленье:
Нужно в плен сдаваться или
Глупо жизнь отдать в сраженье.

Видя эти все невзгоды,
В реку бросилась с разбега,
Брызгами вскипели воды,
Загудело все у брега.

Из глубин наверх всплывает,
Руки — белые лилеи —
Пред собою простирает
И плывет вперед быстрее.

На воде легка, как рыба.
Видя брег реки, находит
У прибрежиого изгиба
Заводь. Дева здесь выходит.

Королевич в удивленье
Видел, храбро как дерется
Дочь Могола, сколь стремленья
В ней к свободе остается.

Он среди своих стократно
Хвалит деву, прославляет,
В дар ей всех подруг обратно,
Им пленеиных, посылает;

Копья шлет, щиты и стрелы,
Шлет коней, доспехи, луки —
Все, что отнял витязь смелый —
В честь ее красы ей в руки

С речью: «Знай мое сужденье:
Держит меч моя десница,
Чтоб нести освобожденье,
Не за краденое биться;

Сила наших войск и слава —
Туркам гибель предвещает;
Меч геройский Владислава
Вил прекрасных защищает...»

И когда подружек снова
Дева видит в изумленье,
Щедрость дара столь большого
Вызывает в ней смятенье [5].

Ходит, ждет в себе ответа:
Отплатить, а как — не знает —
Благодариостью за это?
И в смущенье восклицает:

«Королевич достославный!
Ты сразил меня без бою:
Не мечом в борьбе неравной,
Но своею добротою».

С шеи,— с этими словами,—
Ожерелие снимает
Дорогое, с жемчугами,
Златом все оно сияет,

Письмена видны, при чтенье
Смысл собой такой являя:
«Всяк держись на отдаленье! —
Дочь моголского царя я!»

Владиславу в дар сердечно
Ожерелье шлет и судит:
С ней везде и всюду вечно
В сердце имя его будет,

И что впредь подруги браться
За оружие не будут
В знак признательности, драться
С христианами забудут.

Тут доспехи надевает;
На коня вскочив борзого,
Путь с дружиной избирает
На восток, в края отцовы...

Как к востоку направлялась
Дева, гордая собою,
То с хадумом повстречалась,
Посланным Кизлар-агою.

Тот, обычай соблюдая,
Ей сначала поклонился,
После, время не теряя,
С ней вестями поделился;

Молвил: «Волею Османа,
Что войска готовит к бою,
Королевна, ты призвана
И дружина вся с тобою».

Вести эти Соколица
Слышит, весела и рада;
Повернув коня, стремится
В направлении Царьграда.

Деве, страстию томимой,
Ни минуты нет покою:
Лик царя, в мечтах любимый,
Жаждет видеть пред собою;

Не смогли ни путь, ни время
Деву страстных дум избавить,
Ни событий ратных бремя
Позабыть царя заставить.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Мчит с дружиной, словно птица,
К стенам белого Царьграда
Боевая Соколица,
Где живет Осман-отрада.

А поляки не скорбели:
Дев призвав освобожденных,
За обильный пир воссели
У реки, у вод студеных.

День счастливый отмечая
И во здравье Владиславу
Восклицала рать младая
Честь, и здравицы, и славу.

В честь короны все поляки
Песни громко распевали,
Чаши доверху юнаки
Виниой влагой наполняли.

А потом под клич заздравный
В честь невесты ясноокой
Королевич полнил славный
Кубок свой златой, глубокий.

Так ловцы в укромном месте
Дня остаток проводили,
А меж тем за вестью вести
Из Варшавы приходили.

Поначалу прибывали
Вести грустные: турчанки
Знатных дев в полон забрали,
Пленом стали варшавянки.

А потом: король державный
И народ ликуют, зиая:
Королевич отнял славный
Плен, что бита сила злая.

Третнй вестник подъезжает,
С ним приказ: прервав забаву,
Владислав да поспешает
С господами в град Варшаву;

Пусть до ночи он прибудет
В стены града; утром рано
Здесь посланец царский будет,
Что приедет от Осмаиа.

Победителю Востока
Тот приказ отца явили.
На коией в мгновенье ока
Сели все и в град спешили...

Юный шляхтич, чтобы время
Скоротать в пути тяжелом,
Выезжал вперед пред всеми,
Гласом пел своим веселым:

«Как походом собиралось
Чадо буйное [1] Царьграда,
Разорить намеревалось
В Польше пашии и левады

Чтобы ляшскую корону
Саблей снять без промедленья,
Подчиинть Царьграда троиу,
Отобрать ее владенья.

Но король ту весть услышал,—
Слух был истинным и верным,—
Что Осман иа Польшу вышел
С войском турок иеизмерным.

Лях велел: со всей державы
Воеводам собираться,
Шляхте быть; в стенах Варшавы
Будет сейм их совещаться,

Чтоб приинять решенье к бою,
Отвести грозу такую,
Встретить силою большою
Снлу страшную, большую.

Полетел по всей державе
Тот указ, повелевая,
Чтоб спешили все к Варшаве,
Всех к оружью призывая;

Без задержки собираться,
Рать сплотив в оплот едииый,
Раньше, чем прибудет драться
Царь в Подолье, край равнииный.

И когда страну призвали,
Все к оружию подиялись,
Всюду воины вставали
И к Варшаве устремлялись.

И в державах иноземных,
С кем поляки в дружбе жили,
Воевод послав отмениых,
Тоже в помощь поспешили [2].

Всюду стяги развевались,
Пели трубы войсковые,
К полю ровному стекались
Грозно рати боевые.

Жезл верховиый — королевич,
Королевский сыи, стяжает;
Воеводство Карл Ходкевич
Надо всеми получает.

Смотрит солнечное око,
Не иасмотрится часами! —
Скачут воины широко
В поле ровными рядами.

Полетел орел [3] полночиый,
Белы крылья простирая,
Там, где встал дракон восточиый,
Полетел к брегам Дуная.

Под орловы крылья встали
Рати избранных поляков,
Тех, что Польшу прославляли,
Украшали город Краков.

Чрез Мазовское ои поле [4]
Встал на русские границы,
Утвердившись, где Подолье,
Против крепкой Каменицы [5],

А оттоль летел краиной,
Там, где Днестр течет глубокий,
Вперив ясный взор орлиный
С высоты в предел далекий.

А навстречу от Дуная
Птица сизая спешила,
К Владиславу обращая
Свои речи, говорила:

«Заповедай, Владиславе:
Мие куда лететь сквозь тучи,
Чтоб направить к новой славе
В путь твои войска могучи?

Вот Осман уж в Дреисполе,
Граде старом, появился,
На широком ровиом поле
С войском он расположился;

И оттуда ои решает
На коие в поход собраться.
О орел! С твоей мечтает
Славой гордой он сравниться.

Что еще? Могу вестями
И такими поделиться:
Перейдя Дунай с войсками,
В наши земли он стремится.

Знай, мое соколье око
Самого его видало:
Поля, сколько ни широко,
Для его отрядов мало.

Прегради мосты войсками
Через Днестр и Прут широкий,
И лишь вид,— не рати сами,—
Страх вселит ему глубокий.

Чадо мыслит: очутиться
С войском средь боев опасных —
То же, что в серале биться
С хороводом дев прекрасных;

Мыслит: стрелы, что пускают
По врагу из луков прочных,
Не сильнее убивают,
Чем улыбки дев восточных;

Что холмы в полях безбрежиых —
Не места для битв ужасных,
А всего лишь белосиежны
Перси девушек прекрасных.

Знай, в чем скрыта его сила:
Ведь ему царица к бою
Локон свой златой вручила,
Чтоб служил он тетивою.

Милый мой! — она сказала,—
Луком тем стреляй прекрасным,
Я ж сама врагов немало
Уничтожу взором ясным.

Ты рукой, ударом смелым,
Я — очами смерть посею.
Оботру платочком белым
Я твой пот рукой своею.

Посему направь ты вскоре
Сагайдачного [6] на воду:
Корабли разбить на море
У врага, тебе в угоду.

С казаками побеждая,
Он, начальник их, пробьется
До Царьграда, все плеияя,
Что в пути ни попадется.

Он и дальше сможет даже
Силой воинов пробиться
И Корецкого у стражи
Вырвать сможет из темницы.

Радзивилла ты в другое
Место шли и на вершину
Витоша копье стальное
Водрузи, пройдя Плаиину.

Ты Неманича Степаиа [7]
Будь иаместник власти царской
В странах родственного стана:
Сербской, рашской и болгарской.

Шли Сенявского [8], чтоб были
С иим друзья, числом поболе;
И вели, чтоб водрузили
Стяг победиый в Никополе.

Здесь Михайла-воеводу,
Марка Кралевича знают,
Их геройство и свободу
В песнях чтут и воспевают.

Проскочи ты по Косову,
Милош где убил султана,
Вышли войско к Смедерову:
Пусть воюет неустаино.

Возликует пусть невиниый
Прах, в местах зарытый оиых,
Джурджа-деспота с Ериной,
Здесь Муратом оскорблениых.

На две части раздели ты
Рать свою; в строю геройском,
В поле встретившись открыто,
Бей по туркам с первым войском;

Со вторым же из засады
Окружи их, обреченных,
Посеки бойцов отряды
И плени вождей смятенных.

Взяв коия, вооружися
И, копье в руке сжимая,
С божьей помощью, сразися,
Рать неверных побеждая.

Вражья рать не испугала
Рать твою. Герои знали:
Если б небо вниз упало —
И его б на копья взяли.

Недруг в страхе: угрожает
Туркам севера дееница.
Их погибель ожидает
В год, как чадо воцарится [9].

Морем Черным всем на горе
Меч Осман принес христьянам;
Ныне встал чрез то же море
Меч христьянский над Османом».

Владислав счастливый, внемля,
Что ему вещала птица,
Рать повел к молдавским землям
Под орленым стягом биться.

Против вышел царь великий;
В войске сотии войск вмещались,
Счесть в нем можно б все языки,
Если б счету поддавались.

Рати с двух сторон сошлися,
Эхо звонкое раздалось;
Кровь, огонь дождем лилися,
День померк, и все смешалось.

Рядом с Днестр-рекой безмерный
Днестр из крови тек неверной;
В этой сече беспримериой
Царь бежал с дружиной верной.

А теперь, царя гонитель,
Наша храбрая десница,
Мы пойдем, наш повелитель,
На восток, на запад биться.

Не холоп, что в деле бранном
Ходит стадом в бой, в походы,—
В твоем войске, сплошь избранном,
Все дворяне, воеводы;

Клич их славный: «У Дуиая
Ты не стой, ие жди же срока,
Славу Польши простирая
От запада до востока!..»

Пел юнак свои напевы
Пред дружиной Владиславу,
Молодцы, а с ними девы
Возвращалися в Варшаву.

Здесь, у врат, его встречая,
Тьма сбежалася иароду,
Радость женщин разделяя,
Коим он вериул свободу.

В окнах всюду ясиы девы
Разместились величаво;
Дождь цветов, звучат напевы,
Люди славят Владислава.

Стар и млад под клич заздравиый
Честь и славу восклицает.
Сыиа лях-король преславиый
Обиимает и ласкает...

А посол (его царь сильный
С миром слал), пройдя Подолье,
Русский край миув обильный,
На Мазовском вышел поле.

Задержался в Камеиице,
Много дией пережидая:
Казаки в любой станице
Здесь снуют, ие преставая.

Вспомиив их набеги злые,
Ощутил он страх забытый,
Хоть и зиал права святые:
Путь послам — везде открытый.

Потому и сердце сжалось,
И застыл паша в тревоге,
Видя, как навстречу мчалась
Крунослава по дороге.

Страх в его теснился груди,
Опасения терзали,
Чтоб его она и люди
Все другие ие признали.

Потому и задержался,
Едет в Польшу с опоздаиьем.
Своего гонца дождался,
Что в Варшаве был с заданьем.

А подольский воевода,
Атаман казачьей силы,
Стражу дал для перехода,
Чтоб в пути спокойией было.

Страх теперь пашу оставил.
С храбрых вониов дружиной,
С казаками, он направил
Путь варшавскою равииной.

Здесь воздвиг он свод шатерный,
Расседлал коия борзого.
Вскоре ночь простерла чериый
Свой шатер, явясь без зова.

До утра почил, до срока
Спал, пока заря, алея,
Во врата вошла востока
Ясной поступью своею...

А король, готовясь к встрече,
Лях, избранник ратной славы,
Собирал на сейм, на вече
Благородный цвет державы;

Славный, в окруженье славном
Воевод и зиатных панов,
Он на троие ждал державном
На прием посла османов;

А посол тот полномочный
Ехал, мыслью вдохновленный,
Чтобы мир составить прочный
С польской славною короной.

Ах, ведь так и погибает
Безрассудный: до могилы
Он своих врагов не знает,
Их ценить не хочет силы.

Так и царь в своей гордыне,
Что в поход идти решился:
Он с дарами просит ныне,—
Раньше саблею грозился.

Но идти он не решится
(Помнит Прут досель со страхом),
Если не договорится
Прежде он о мире с ляхом...

Уж коней своих светило
В поле неба выгоняло,
Зорька алая светила,
Златом небо заливала,

Как с востока показался
Царский вестник с зорькой вместе;
Он к Варшаве приближался
Чрез прекрасное предместье.

Средь полей земли державной,
Словно сердце польской славы,
Мазовия [10] — самый главный
И прекрасный край державы.

Здесь над Вислою-рекою
Град столичный встал Варшава [11];
Королевский двор собою
Град украсил величаво;

Короли здесь пребывают,
Здесь престолы их достойны,
Сеймы здесь дела решают:
Мир принять, начать ли войны.

Пред Варшавой на леваде —
Много тут левад красивых! —
Стерегут поляки в стаде
Боевых коней игривых.

И при виде игр юнацких
Конь паши так разыгрался,
Что до самых врат до градских
Тот смирить его старался.

При паше сто янычаров
(Каждый в шапке о султане);
Пятьдесят рядов гусаров —
Это едут спахоляне;

Снова всадники за ними,
Все одеждой выдаются,
Все со стягами своими,
Что на тонких копьях вьются.

Строй за ними молодецкий,—
Слала с ним дары держава:
Царь приветствовал турецкий
Короля и Владислава.

Тут арабских тридцать коней —
Дар прекрасный и бесценный —
Пламя в беге, вихрь в погоне,
Над морской скакали б пеной.

Седла злато покрывает,
Чепраки — жемчужный пламень,
На челе коней сияет,
Словно солнце, яркий камень.

За конями — луков тридцать,
Изукрашенных богато.
Все сияет и искрится:
Яркий жемчуг, камни, злато.

Сабель тоже тридцать было;
На востоке их ковали,
У небесного светила
Блеск они свой переняли.

Полонянок также тридцать;
Златом косы их сияют,
На челе заря-денница,
День их очи обещают;

Взор чарующий, прелестный,
Госпожой глядит любая,
Красотой своей чудесной
Все подобны девам рая.

Молодому Владиславу
Царь младой препроводил их
Для бесед и на забаву
Средь его покоев милых.

Наконец — паша и свита.
Конь гарцует под пашою,
А глава паши обвита
Белоснежною чалмою.

Рысь посланца украшает,
На плечах кавад [12] златая,
И до пояса спадает
Борода его седая.

Повод взяв рукой своею,
У груди держа другую,
Он народу кажет ею
Грамоту царя златую.

Воевод шестерка рядом —
Лях встречать пашу велел им.
Отличаются нарядом,
Все просты, со взором смелым;

И у них такие кони,
Что не скачут, а летают,
Столь легки, быстры в погоне,—
К звездам скок свой устремляют.

Этим строем, в этом блеске
(Вкруг почетная охрана)
В двор въезжает королевский
Сам паша, посол Османа.

Королевские чертоги
Прямо в небо возвышались,
Изукрашены и строги,
К звездам гордо устремлялись.

А из мрамора колонны
Стройный ряд собой являли,
Ввысь палаты вознесенны,
Опершись на них, стояли.

Кто к палатам подъезжает —
Тот два ряда изваяний
Королей былых встречает,
Славных витязей преданий.

Человек их всех такими
Изваял рукой искусной,
Что вам кажутся живыми
И с живою речью устной.

Первым — Леха [13] изваянье.
Он с гнездом орла в деснице,
В левой град — его названье
От гнезда могучей птицы;

На челе же знак дубравы,
Ибо из дубрав собрался
Люд, что стал ядром державы,
Леха именем назвался.

Крак [14] изваян с Лехом рядом;
Тоже держит он державу,
Что зовется Крака градом,
Строившего град на славу.

Пшемыслав [15], щитом прикрытый,
В шлеме из коры дубовой,
Ибо, тем оружьем битый,
Угр им изгнан был суровый.

Лех Второй [16] с конем. Добился
Тем почета столь большого,
Что когда в забег пустился,
Обогнал коня борзого;

Держит лук в руках и стрелы;
Он с Великим Карлом [17] дрался,
За славян и угров смело
Тем оружием сражался.

Дальше Пяст [18]. Его десница
Силой славилась большою:
Заставлял волов смириться
И врагов своей рукою.

Дале тот, кто, мощь скрывая
В волосах до плеч, священный
Крест златой в руках сжимая,
В небо вперил взор смиренный,—

Мечислав [19]. Владевший славой,
Первый был, водой крещенный:
Осененный верой правой,
Пред крестом стоял склоненный.

Болеслав [20], наследник славный
Мечислава на престоле:
Он с короной трон державный
Взял по кесаревой воле.

Письмена под ним: «Пленил он
Поморавцев, бил и руссов,
И кашубов покорил он,
Сделал данниками пруссов».

Здесь в монашьем облаченье
Казимир изваян Первый [21].
Он крестом своим в сраженье
Бился с силою неверной.

Болеслав [22] в доспехе ратном
Кривоустый — витязь конный.
Он в руке с копьем булатным,
Щит сжимает оперенный;

Лик златой отца-юнака,
Владислава, взял в десницу;
На щите — орел поляка
Душит кесарскую птицу [23].

Под лавровыми венцами
Стяги здесь, щиты, доспехи,
Все, что отдали с боями
Руссы, угры, немцы, чехи.

Казимира [24] изваянье,—
Он орленый стяг прославил
И стяжал «Великий» званье
Тем, что смуту обезглавил.

Лайош [26] здесь, овеян славой,—
Две короны над главою.
На щите же Висла с Савой
Обнялись одна с другою.

Во втором ряду, в начале —
Ягеллон [26], за храбрость чтимый.
Сколь в нем силы,— вы б видали!
Вот король непобедимый!

Славой чтоб владеть в сраженье,
Нужной витязю любому,
Владислава при крещенье
Имя взял, свое дал дому.

На щите — в одежде ратной
Всадник, весь покрыт бронею;
Меч он огненный булатный
Над своей вознес главою [27].

Лик правителя младого
Видит всякий, кто взирает.
Конь под ним, к прыжку готовый,
Сам король копье вздымает;

«Владислав,— слова по трону,—
Третий». Турок бил он, дерзкий,
Третью обретя корону,
Кроме польской и венгерской [28].

Вкруг оружье — сабли, луки
И щиты, добыча славы,—
Все, что бек оставил в руки
И Мурат у вод Моравы [29].

Беломраморный поставлен
Столп и надпись: «Покоритель
Сил немецких. В битвах славлен,
Грозных турок победитель».

На щите — орел, несущий
В клюве мирной ветвь оливы.
«Казимир [30] я: мир рекущий,
Но войну всем тем, кто лживы».

Здесь же рядом лик вельможный:
Сам Альберт [31], из бронзы литый.
Плен разложен всевозможный,
Что татарин отдал битый.

Рядом лик другой белеет
Под коропой лучезарной.
Надпись златом пламенеет:
«Александр [32], краль благодарный».

И еще король: на троне
Он, могучий, восседает,
А главу его в короне
Лавр с маслиною венчает;

Он величественной стати:
Образ светлый, взор спокойный.
Письмена: «В миру и рати —
Сигизмунд [33], король достойный».

Велика земля, но больше
Слава имени и силе:
Бит татарин, недруг Польши,
Бит им князь Москвы Василий.

Сигизмунд Второй [34] за ними;
Златом лик его сияет,
Августов счастливых имя
Он на троне продолжает;

На щите же знак орленый,
Конь и всадник под бронею:
Август волей съединенной
Польшу слил в союз с Литвою.

Дальше снова изваянье:
С булавой король в деснице;
Он в венгерском одеянье,
Вызывает и грозится.

Письмена: «Стефан Баторий» [35].
Этим сказано немало.
Был он славен в ратном споре,
Вслед ему молва бежала.

Здесь оружье, что отбито
Было им в бою когда-то
При разгроме московита,
У неверных пруссов взято.

Образ этот замыкает
Оба ряда; непреложно
Всем он мысль одну внушает:
«Сделать больше — невозможно».

Много ликов шло и далее,
Все во всем неповторимы.
Мы бы их и увидали,
Но отсель они незримы;

Даль скрывает их напрасно:
Их стоит на камне имя,
Вечны их дела прекрасны,
Целый свет гордится ими...

Подъезжал посол Османа,
Сильного царя Востока,
Ко дворцу поутру рано,
Что вознесся ввысь высоко.

Челядинцы — люд проворный —
Здесь толпились и сновали;
Гайдуки — отряд придворный —
Ружья грозные держали.

Расседлав коня борзого,
Свиту брал паша с собою,
Через строй дворца большого
К сеймовому шел покою.

Во дворце, куда все званы,
Чередою три палаты,
И огромны, и пространны,
Украшеньями богаты.

В первой юноши теснятся
Благородные рожденьем,
Королю служить стремятся
С честолюбием и рвеньем.

Во второй сошлись дворяне
Зрелых лет, что служат дому.
Королю доклад заране
Шлют: кто ждет его приему.

Сейм же в третьей, самой большей.
Сам король здесь восседает,
Он отсюда правит Польшей,
Здесь послов он принимает.

А на сейме в это время
Каждый вносит предложенье,
Как паше ответить. Всеми
Обсуждается решенье.

Князь Зборовский был без слова
Избран мудрым всем собором,
Чтоб развлечь посла царева
Благородным разговором.

Уж давно посол восточный
Всюду весть распространяет,
Что явился как нарочный:
Мира с Польшей царь желает.

Пан вельможный поднимался,
Гордый славою большою,
На придворный лад встречался,
В средний шел покой с пашою.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

В среднем, сеймовом, покое
Всюду роскошь, все красиво.
Очарован той красою,
Смотришь всюду, как на диво,—

Столь украшен он богато.
Стены всюду покрывают
Шелк узорчатый и злато
И картины украшают:

Прошлогодние победы
Восстают в них величаво:
Туркам в них — позор и беды,
А полякам — честь и слава.

Те картины в каждой груди
Будят чувство удивленья:
Стяги, трубы, кони, люди,
Боя страшного кипенье.

Здесь и царь, шальное чадо.
Видно, как он отправлялся
В земли ляхов из Царьграда —
Разорить их край собрался.

За царем с оружьем встало
Столько войск — считать устанешь!
Поле облик потеряло:
Всюду рать, куда ни взглянешь.

На картине лик являет
Лях-король, любимец славы.
Тоже войско он сбирает
На врага своей державы.

Всюду мчат гонцы с указом,
Призывая к обороне,
Чтобы люди спешно, разом
Шли служить своей короне.

И летит по всей державе
Тот указ, чтобы спешили
Все с оружием к Варшаве,
Чтоб к войне готовы были.

Подчиняясь силе зова,
Вся держава поднималась,
Рать геройская без слова
Под оружье собиралась.

И в иных, далеких странах,
С кем поляки в дружбе жили,
Воевод послав избранных,
Тоже с помощью спешили.

Встала рать стеной сплочениой
В ширину полей широко,
Распростерся стяг орленый
Против Месяца Востока...[1]

Вот пришел посол османский
И стоит, туда взирая,
Где пред ратью христианской
Встали турки, угрожая.

Два великих в ожиданье
Войска видны среди поля,
Где обширный край Богданьи,
У границ земель Подолья.

Виды столь искусно тканы,
Что любой, на них смотрящий,
Мнит, что видит эти страны,
Как в природе настоящей.

По краям же поля, сбоку,
Прут и Днестр здесь катят волны,
Видишь, если веришь оку,
Струи вод, движенья полны.

Тут, в одном краю, в начале —
Войско без конца и края:
Рати турок грозных встали,
Луком строй свой изгибая.

А в другом конце поляки
На картине той же тканой:
Все здесь храбрые юнаки,
Цвет воинственный, избранный.

Столько сходства в лике всяком
Ткач искусный дал в картине
Воеводам и юнакам,—
Узнаешь в любом их чине.

Все здесь истинно, правдиво.
Видишь: стяги всюду вьются,
Кони ржут нетерпеливо,
Шум и крики раздаются.

И не чувствуют обмана
Человечий слух и зренье:
Слышат грохот барабана,
Труб воинственное пенье.

Тут на месте застывает,
Мастерством паша сраженный,
Мнит, что в войске пребывает,
А не пред картиной оной.

Ах, ужели смертный вышил
Это все с таким уменьем?..
И Зборовский князь услышал
Речи, полные сомненьем:

«Кто, о славный воевода,
Столь искусен между вами,
Что и мертвая природа
Под его живет руками?

Кто оружье ткал умело
И картины прошлой сечи?
Ах, ужель смогли то дело
Сделать руки человечьи?

Как на нашу рать взираешь,
Что видна на сей картине,
Всех пашей ты в ней узнаешь,
Лик любой — в любом турчине!

Ну а если б можно было
Мне полки узнать в том войске,
Что Османа победило,
В битве действуя геройски;

Знать бы имя тех, что в поле
Славу бранную стяжали,—
Весть, приятную мне боле,
Я б услышать мог едва ли».

На слова посланца эти,
На вопрос слуги царева,
Князь, известный в целом свете,
Отвечал такое слово:

«Я тебе без промедленья
Покажу, паша преславный,
Те народы, чье сплоченье
Служит крепостью державной;

Но герои где какие —
Не назвать мне поименно:
Всюду рати боевые,
Таборами огражденны.

Посмотри на эту силу:
Войско вышло все из стана,
Чтобы в чистом поле с тылу
Встретить рать царя Османа».

И посланец обращает
На картину взор спокойный,
Рать поляков созерцает,
Кою кажет князь достойный.

Да и солнечное око
Смотрит, радуясь все боле;
Видит: витязи широко
Строем скачут в чистом поле.

Но посланца удивляет
Чудо новое большое:
Не начальник возглавляет,
А пустынник рать для боя;

Весь обросший и обвитый
Волосами он густыми,
Бледной кожею покрытый,
Лик с морщинами сухими;

Ноги босы, пред собою
Держит он в руках распятье,
Бечевой стянул простою
Из посконной ткани платье.

И паша от удивленья
Отвести очей не может.
Не сдержав в груди волненья,
Князю свой вопрос предложит,

Тут же князя испытает:
«Господин, скажи мне прежде,
Кто здесь первым выступает,
Стар и слаб, в чудной одежде?

Как у старца у такого,
Что и слабый и несчастный,
Есть защита для другого,
Коль начнется бой ужасный?»

Но с улыбкою лукавой
Князь спокойно отвечает:
«Не боится тот, кто правой
Верой в бога обладает.

Господин достойный это,
Благородный по рожденью.
Он презрел всю славу света
И предал себя смиренью.

Блаж [2] он именем зовется,
С запада и в край восточный
Средь людей о нем несется
Слава жизни беспорочной.

Ибо кажет он всечасно,
Сколь дела его велики,
Как угоден непристрастио
Он небесиому владыке.

По пустыне босым шел он
За Исусом неустанно,
Предсказаниями полон
О делах царя Османа.

К Владиславу устремился,
Крест неся на помощь в битву,
Где иной оружьем бился,
Он творил свою молитву.

Чтоб не быть беседе длинной,
Видь и внемли благосклонно:
Назову я пред картиной
Всех поляков поименно.

Тот, что щит со львом имеет
(Лев, веригами обвитый),
На главе же зеленеет
Целый лес, из перьев свитый;

Что доспехи укрывает
Под одеждою зеленой;
Словно молния, играет
Серый конь, укрыт попоной,—

Радзивиллом он зовется.
С ним три рати из далеких
Тех держав, где вечно бьется
Вал немецких вод [3] глубоких.

Те, в доспехи облаченны,
С воеводой скачут рядом,
При мечах и копьях, конны,—
Прусским названы отрядом.

Вон дружиина огневая
Смело следует за ними,
Ружья длинные вздыман,—
Поморавцы [4] носит имя.

Дальше — роты боевые,—
Их ливонцы [5] называют.
С ними ружья огневые.
Словно молнии летают.

Видишь, строй продолжен дале
Из земель Литвы бойцами.
На конях с оружьем встали
Копьеносцы здесь рядами.

Пан-Степан [6] их предводитель
(Был он канцлером придворным),
На враном коне воитель,
Со щитом, султаном черным.

Дале тот, что ждет похода,
На коне своем играет,—
То Зенович [7]-воевода;
Он Полотьем [8] управляет.

Над челом его над ясным
Синих перьев пук развился,
Шелком синим и прекрасным
Он под веигра облачился.

А за ним идут отрядом
(Луки, копья блещут грозно)
Все в доспехах, строгим рядом —
Из Смоленска и Рогозна [9].

Равны им в оружье, силе,
Вон еще бойцы отряда,
Из Подляшья [10] что прибыли
Иль из Полоцкого града.

На того взглянн: вздымая,
Он трясет копье рукою,
На венгерке, ниспадая,
Перья желтые волною;

Все на нем златое; сбруя
На коне — коня дороже.
Конь под ним, его не чуя,
Скачет, в желтых перьях тоже,—

Это славный от рожденья
Паи Замойскнй. Витязь оный
Взял татарина в сраженье,
Сделав пленом плен плененный.

За собой бойцов три рода
Он привел и возглавляет.
Глянь же, это ль не порода?
Как оружье их сверкает!

Вон они, замостцы [11] смелы,
Над главой — крыла подняты,
Их оружье — лук и стрелы,
Кони тоже их крылаты.

Все они себя с конями
Облачают в волчьи шкуры:
Людн кажутся волками,
Кони — тоже волки буры.

А за этими рядами
В ряд волынцы [12] выступают,
Едут с длинными мечами,
Копья острые сжимают.

Дальше — киевские роты [13]
(Вон кольчуги их стальные),
У бойцов щиты и дроты
И секиры боевые.

А вон тот, чей шлем, чернея,
В белых перьях утопает,
Тот, чей конь, снегов белее,
Словно ввысь лететь желает...»

«Ах, Миклеуш? Не на пана
Я Сенявского взираю?—
Вопросил паша Османа,—
В бой вступил он первый, знаю;

На коне своем он белом,
Взором все испепеляет.
Столько сил в герое смелом,
Что картина страх вселяет».

«Это он,— ответил смелый
Князь,— и щит с изображеньем:
Над горой, от снега белой,
Встал огонь чудным виденьем.

В клобуках идут верблюжьих,
От границ, где земли руссов,
Роты с саблями, при ружьях,
Из подольцев, белорусов.

Воеводы скачут следом
В боевом строю согласном;
Не сочтешь, им счет неведом,
Как и звездам в небе ясном,

Ибо в польских землях славных
Грады, каждая крайна
Воевод имеют главных
И вельможу-властелина.

И, как требуют законы,
Лишь король в войну вступает,—
В интересах обороны
Он их в войско призывает.

Придал ткач на сей картине
Облик каждому угодный:
Люди эти в каждом чине —
Цвет дворянства благородный.

Вон идут мазовцев четы [14];
Их одежды украшают;
Сабли к поясу пристегнуты,
Самопалы с плеч свисают.

Верх свой шапки рысьи высят,
В серебре вся синь жупанов,
С левых плеч свисают рыси
Украшеньем стройных станов.

Вон видны поляки снова,—
Юность скачет бодрым махом.
Шлет их град гнезда орлова,
Град, Гнездом названный Ляхом.

И еще, смотри, дружинный
Строй идет младых поляков.
Их прислал тот град старинный,
Что от Крака назван Краков.

Трех коней ведет с собою
Каждый конник. Конь походный,
Что под ним, готовый к бою,
Ржет, храпит, со зверем сходный;

На венгерской шапке перья
У наездника, скрывает
Плечи шкура барса-зверя,
А рука копье сжимает;

Сабля, щит; с седла свисают
Самопала два кремневых;
Грудь доспехи укрывают;
До колен в портах шелковых...»

«О довольно, светлый княже!
Мне открылось чудо снова,—
Рек паша.— Я вижу даже
Владислава как живого.

Вон среди вельмож избранных
На коне сидит он белом.
Весь побед исполнен бранных,
Славы свет во взоре смелом».

Князь же: «Видит твое око
Лик, от солнца блеск принявший:
Победитель сил Востока,
Под защиту Север взявший.

И в картине даже мнится
Мощь великая! Сверкает
Меч на поясе, десница
Свой державный жезл сжимает.

Плащ пурпурный под собою
Скрыл доспехи дорогие,
Что сравнятся лишь с зарею,—
Столь блестят они, златые!

С ним два воина, охрана:
Первый с палицей злаченой,
У другого пук султана,
Шлем и щит с ним оперенный.

Перед ним коней двенадцать,
Как двенадцать вил, кружится.
И за ними не угнаться,
Будь хоть молния иль птица.

С ним же рядом старец грозный
В боевой одежде темной,
Седобрадый и серьезный,
Вид почтеннейший и скромный,—

Это Карл Ходкевич славный,
Воевода, послан Вильной [15].
Лях облек его державный
В войске польском властью сильной.

Столь искусно и правдиво
Выткан он на сей картине,
И настолько все здесь живо,—
Скажешь: мыслит он доныне.

Рядом дева боевая,
Чьи дела быстрей, чем слава,—
То Корецкого младая
Свет-невеста Крунослава;

Конь златой, что равен силой
Коням солнечным прекрасным,
На спине несет светило
Ярче солнца в небе ясном».

«Эту ратницу я знаю,—
Молвит турок с восхищеньем,—
На нее не раз взираю
Я с великим изумленьем.

Ну, а это,— продолжает,—
Лик не ваш ли, светлый княже,
Что любовь в сердца вселяет
И людей враждебных даже?

Перья алые, алеет
На оружье украшенье;
Сходство лик с тобой имеет,
Лик, достойный восхищенья».

«Лик, твои привлекший взоры,—
Князь с улыбкой отвечает,—
Твой вернейший друг, который
Всем тебе служить желает...»

«Ну, а эти кто, другие,
Возле вас?» — паша заметил.
«Воеводы боевые
Королевства,— князь ответил.

Сила, честь их отличают,
Все живут в свободе, вольны,
Уз иных они не знают,
Кроме тех, что добровольны.

Как горды они, взгляни ты!
Сколь одеты все богато!
На шелку одежд нашиты
Камни ценные и злато;

Вьются перья над главою;
Нож скрывая под кафтаном,
Сабли носят все с собою,
Кони спорят с ураганом.

Посмотри ты непременно
На того, с копьем в десинце,
Чье оружье драгоценно,
Все сверкает, серебрится;

В серебре и куст султана,
Шлем который украшает,
Меч серебряный у стана,
Конь сребром весь отливает,—

Князь Альтаннский [16] выткан это.
Он с героями своими.
Знают люди всего света,
Сколько славно его имя.

Он с отрядом в целой рати
Строй геройский заключает,
С ним избранцы сильной стати,
Франки, немцы выступают.

А вои там — казачье войско
Встало, сила боевая.
Сможет силе их геройской
Рать противиться какая?

Пятьдесят их тысяч счетом,
Все отборны, дело знают,
Страх вселяют вражьим ротам,
Словно вихрь и гром, летают.

Сагайдачный перед ними
С огневым ружьем опасным,
Шапка с перьями витыми,
Как у венгра, весь он в красном».

Князь умолк... А дале, с края,
На картине видно ясно,
Как отряды, выезжая,
Скачут стройно и прекрасно.

Но паша изображенье
В том краю смотреть принялся,
Где обоих войск сраженье
Ткач представить постарался.

Словно тучи две златые,
Источая свет лучистый,
Ясным солнцем залитые.
Звездам дарят блеск свой чистый;

И когда в свирепой злобе
Ветры хладные повеют
С громом, градом, тучи обе
Блеск утратят, потемнеют,—

Так и войска два, что ране
В полном блеске выступали,
Сняв красу на поле брани,
Страшный вид собой являли.

Разрушенья и смятенья
Вкруг ужасная картина:
Кони, всадники в сплетенье,
Мертвый и живой — едино.

Пушки все вокруг сжигают.
Сквозь туман над полем сечи
Стрелы тучами взлетают,
Ниспадает град картечи.

Вкруг сверкание оружья.
Попирают все и губят
Меч и сабля, копья, ружья,—
Колют, бьют, секут и рубят.

Средь безжалостного бою
Все идут за Владиславом.
Молниею огневою
Блещет он в бою кровавом.

Он проходы прорубает
Средь толпы. Героям ратным
Он копьем сердца пронзает,
Жизни жнет мечом булатным.

Сабли все за ним в погоне.
Встретив всех, со всеми бьется.
Ружья, стяги, люди, кони —
Все им рушится, сечется.

Он без устали, покою
Всюду виден в боя гуще.
Мертвецы за ним горою,
Впереди бойцы бегущи.

Видно, как Осман в сраженье
Вновь бегущих направляет,
Турок неповиновенье
Замыслам его мешает.

На картину, что пред ними,
Посмотреть посланцу стыдно,
Ибо в поле меж другими
И его бегущим видно.

Наконец, пришло известье:
Князю светлому явили,
Чтобы князь с посланцем вместе
К королю тотчас входили...

Лях на троне величаво
На златых коврах. Воссели
Все епископы направо,
Воеводы слева сели.

Владислав всех выше славный,
Ниже лишь отца родного;
Он на трон свой сел державный
Весь из золота литого.

Так в Завете ветхом было,
Мы читали изумленно,
Что светили два светила
В небесах одновременно [17].

И сейчас бывают встречи
Двух светил, приятных глазу:
Мы видали в польском вече
Короля и сына сразу...

Тут посланец появился
Перед королевским троном,
По-турецки преклонился,
Как предписано законом.

Полн величьем, вдохновеньем,
Лик к посланцу обращает
Лях-король и мановеньем
Сесть посланцу разрешает.

Сел паша, поднялся снова;
Царский лист к челу подносит
И к устам; затем, без слова,
Взять его с поклоном просит.

Лях же канцлеру вручает
Лист, и тот прочел у трона:
«Пусть король послу являет
Доверенье благосклонно».

Тут послаиец устремляет
Очи к ляху на престоле
И достойно изрекает
В исполненье царской воли:

«О король над королями!
Пусть с тобой успех пребудет!
Славен будь между царями,
Пусть иарод покорен будет!

Славь молитвой неустанной
Бога. В мире нет второго,
Кто б имел, как ты, избранный,
Столь щедрот от всеблагого.

Ведь тебе для славы вящей
Предназначен жребий славный:
Сам могучий царь, держащий
Оттоманов трон державный,

Царь царей, что всем обычно
Только войны возвещает,
Чрез посла впервые лично
Он о мире вопрошает.

То ль ие чудо! Во вселенной
Не видал никто вовеки:
Царь, у ног кого смиренно
Просят мира человеки,

Позабыв величье ноне,
Саблю снял, которой правил,
И посла к твоей короне
Дружбу, мир искать направил.

Рать твою в бою кипучем
Видя, слыша боя клики,
Он признал тебя могучим
И признал тебя великим.

Не желая новой ссоры,
О потерях сожалея,
Снова дружбы договоры
Обновить спешит скорее.

Клятвой нас связав былою,
Небеса уж так решили,
Чтобы с польскою страною
Турки в вечном мире жили [18].

Кто когда-либо пытался
Преступить заветы эти,
После тщетно сокрушался:
Сам за гибель был в ответе.

Правду б слов сих разиым странам
Кости ратей подтвердили,
Что с визирем Балабаном [19]
В эту землю приходили.

Подтвердил бы эти речи
Сулейман, владыка оный,
Чьи войска сразил без сечи
В польских землях хлад студеный.

Дав исход моим сужденьям,
Ах, смогу ли позабыть я:
Служат правды подтвержденьем
Боя прошлого событья.

Ведь царю [20] не трудно было
Подчинить края иные,
Побеждала его сила
Королевства все земные;

Но вступив на землю эту,
Он всегда отпор находит;
Царь, собравший рать с полсвету,
Рать свою назад отводит.

Так и Нил на том просторе,
Где семь устьев открывает
И в одно открыто море
Новых семь морей вливает,—

Лишь подует ветр превратный,
Волнам силу сообщая,
В путь река течет обратиый,
Все водою затопляя...

Стены вы не возводили,
Как иные, встреч злодею,
Вы державу оградили
Грудью мощною своею.

Рождены вы, чтобы править,
Вы, поляки, люд избранный,
Никогда не обесславить
Вас врагам победой бранной.

Вы с войсками прошлым летом
На полях царя встречали,
Власть его над целым светом
Из руки его отняли.

Умолчу ль дела достойны! —
Та победа, ваша сила
Отвела иные войны
И побед царя лишила.

Ибо прочие державы,
Те, что мы мечом не взяли,—
Дело вашей чести, славы,
Вашей силой устояли.

Посему, король великий
И другие все вельможи,
Просит мира ясноликий
Царь и дружбы просит тоже.

Я б не смог себе представить,
Чтобы вы могли решиться
Счастье вспять свое направить,
Что само вам в дом стремится.

Мудрость (молвя кратким слогом)
В том, чтоб миг избрать умело
Тот, что будет всем залогом
Блага общего и дела.

Рассудите же со мною
Вместе, мудро, без гордыни:
Что полезнее — войною
Или миром жить вам ныне?

Объяснимо и пристойно,
Чтоб герой к войне стремился,
А тем боле, если в войнах
Он с удачей подружился;

Но удача непрестанно
Быть на месте не желает,
Ведь она непостоянна:
То блеснет, то угасает.

Вы победу одержали
Над Османом прошлым летом;
Новый бой бы проиграли:
Все непрочно в мире этом.

Полагаю, что в сознанье
Вам не тешить мысль такую:
Будто царь не в состоянье
Снова рать собрать большую.

Рати воинов взращенных
Мир Осману посылает,
Много их, вооруженных,
Отовсюду прибывает.

Если б в прошлогодней рати
Тех потерь и больше было,
Царь бы власти не утратил,
Снова рать была б и сила.

Ну, а ты, король,— спрошу я,—
Если рать твою б сгубили,
Где б другую рать такую
Мог собрать, в такой же силе?

Неужели б ты с войсками
Из холопов Польшей правил,
И главою б над рабами
Королевича поставил?

Ты ведь мыслишь по-иному:
Ты б воззвал без промедленья,
Дал бы витязю чужому
Защищать твои владенья.

Можешь ты на две короны
Понадеяться в иесчастье,
На два христианских трона,
Что проявят к вам участье:

Кесарь [21] — первая; вторая —
То честиой король испанский; [22]
Но, порядок водворяя,
Бьется дома царь германский.

Он из чешской Праги ране
Всех отступников желает
Прочь изгнать; на поле брани
Гонит их и избивает [23].

А король испанский,— коли
Ждешь его,— так между вами
Через мир лежит не поле,
Он за бурными морями.

Ну, а если б те два царства
Все же помощь оказали,
За собою государство
Смог бы ты сдержать едва ли.

И едва ль войска чужие
Сберегут поляков славных!
Сгииут ляхи боевые
В битвах первых же, неравных.

И нужда ль чужим юнакам
Соблюдать твою державу?
Нужно ль им в сраженье всяком
За чужую гибнуть славу?

Знай, король: где вознесется
В небе месяц царский, чуда
В мире целом ие найдется,
Чтобы сиять его оттуда.

Говорят, что где копытом
Конь турецкий раз ступает,
В месте том, конем изрытом,
Век трава не вырастает.

Но допустим на мгновенье:
Лях, воюя неустанно,
С божьего благословенья
Победит стократ Османа;

Если б так случилось, право,
Что за польза в этом Польше?
И ужель твоя держава
Оттого бы стала больше?

Нет! Осталась бы такою,
Каковой была и ране.
Упивался б ты тщетою
Тех побед на поле брани.

Кроме этой тщетной славы
Всегубительной победы,
Для своей обрел державы
Ты б одни лишь только беды.

От такой победы браниой
Гибель жди, не жди пощады;
Бойся силы иностранной,
Что войдет в страну и грады.

Ах, ужель за чье-то мненье,
За одну пустую славу
Ты отдашь на разграбленье
Иноземцам всю державу?

Человек разумный знает,
Что с державой приключится,
Если он в страну сзывает,
Ей на помощь, сильных биться.

Господин большого царства,
Если царь в войну вступает,
Все подвластны государства
Данью мир свой откупают.

Если ж ты пойдешь войною,
Кто в твоей державе сможет
Мирно жить? И кто для бою
Дань к ногам твоим положит?

Счастью мирному все рады,
Мир в обилье утопает,
Королевства он и грады
Держит, множит и питает.

Ведь огонь зажечь решиться
Трудно ль? Чуть пожар займется,
Знать нельзя, доколь продлится
Он и как тушить придется.

Бой начать нетрудно тоже,
Но продлится он доколе,
Чем тот бой свершиться может,
Предсказать не в нашей воле.

Знает сам король прекрасно,
Что короне угрожает,
Чем война с царем опасна:
Царь силен, то всякий знает.

Но когда захочешь бою
И пресытишься покоем —
Худший враг есть пред тобою,
На него ты выйди боем.

Шведской венчан ты короной [24],
В дружбе ты с двумя другими [25].
Дядя, злобой ослепленный,
Отнял твой престол и имя.

Трон возьми ты у Густава,
У двоюродного брата:
На свое — имеешь право;
Не твое — другому свято.

Вон Москва в венце державном
Рядом высится с тобою,
Что тобой и сыном славным
Пройдена была войною;

Прикажи ты Владиславу
Снова двинуться с войсками,
Непослушную державу
До конца пройти с боями.

В царских званиях счастливых
Будешь славно править вскоре
От Немецких вод бурливых
До Хвалыиского до моря [26].

Посему, король державиый,
Чье господь величье множит,
Ты, наследник достославный,
Вы, почтениые вельможи,—

Коль война для всех несносна
(Всякий в ней лишь вред находит,
А особо вредоносна
Та, что в дом разлад приводит);

Коли верите заране,
Что вам счастие прибудет
И наступит процветаиье,
Если мир с Османом будет,—

Мир, что царь вам посылает,
В коем можно жить свободио
(Мир все блага превышает),—
Будет вам принять угодно...»

Тут паша закончил речи,
И в ответ на сказ прекрасный
Среди панов слышен в вече
Говор легкий и неясный.

Каждый паи воспринимает,
Веселясь, исход желанный,
Дар, что царь им посылает,
Мира, дружбы долгожданной.

Сигизмуид, исполнен славы,
Взор на сейм свой переводит,
И советников державы
Взором он своим обводит.

И любезными речами
Он посланцу отвечает:
«Дар приязни принят нами.
Польша мир вам посылает!

Посему объявит вскоре
Канцлер наш тебе, какие
Вам условья в договоре
Мирном выставить благие».

Тут король закончил речи.
А с пашой тотчас решили
Все дела о мире в вече,
Для царя письмо вручили.

Принял радостно, достойно
Лист паша, явив смиренье,
Поднеся к челу спокойно
И к устам, как знак почтенья.

Дело с честью завершая,
Поклонился величаво,
Сейм хвалил он, прославляя
Короля и Владислава.

И пашу хвалили тоже.
В руки был ему дарован
Шестопер, всех благ дороже:
Златом чистым весь окован;

Щедрый этот дар сияет
В драгоценных украшеньях,
Рукоять его сверкает,
В дорогих горит каменьях.

Был еще и дар султану,
Клад богатый и бесценный,
Что король послал Осману,
Красоты неизреченной:

Злато, жемчуг и каменья —
Не опишешь, что тут было,
Для его изображенья
Даже слов бы не хватило.

И тогда с дарами сими
В путь Али-паша сбирался,
И с отрядами своими
Он к Царьграду устремлялся.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Из Варшавы к Цареграду,
Беспокойством обуянный,
Мчит Али-паша, в награду
Мир царю везет желанный.

Не спешит, но мысль спешила
Объявить порядком срочным:
Солнце Севера вступило
В дружбу с Месяцем восточным.

Он в пути коней меняет.
Видит новые картины,
Он долины проезжает,
Горы, скалы и равнины.

Путь кратчайший выбирая,
Подъезжал к стенам Царьграда;
Все, на лик паши взирая,
Видят: сердце его радо.

И растет молва все больше,
Всяк с весельем принимает
Весть, что в Турцию из Польши
Мир желанный прибывает.

Рады все, кто слышит это,
Стар и млад везде ликуют,
Всюду речь слышна привета,
Все о том лишь и толкуют.

Больше всех в веселье оном
Эта новость доставляет
Радость всем турецким женам,
Взор их радостью сияет;

Им уж больше не бояться,
Что с любнмыми мужьями
Им придется разлучаться
Перед польскими боями...

Но в весе.лье общем место
Горю есть: его являет
Лишь Корецкого невеста,
Что тоскует и страдает.

Ибо средь вестей о мире
Нет ей вести в утешенье
О возлюбленном кумире,
О его освобожденье.

Не сидит н миг на месте,
Всюду ищет, ходит всюду,—
Не доходит к ней ни вести,
Ни малейшей ниоткуда.

Слышит все. Упоминанья
Нет о том, что сердце просит.
Это новое страданье
Красоту ее уносит.

И вздыхает и стенает,
Плачет, в горе изливаясь,
Словно горлинка рыдает,
В чаще с другом расставаясь.

Без надежды на спасенье
Так она и остается.
Нарастают в ней сомненья
И о жизни не печется.

Ради друга дорогого,
Что в темнице пребывает,
Платье венгра молодого
Крунослава надевает.

Так в турецком Цареграде
Деву ратную укрыла
В мирном облике-наряде
Той любви великой сила.

И ни злата не жалеет,
Ни богатства никакого,
Лишь бы милого скорее
Выкупить из рабства злого.

Села, грады и именья
На продажу все пустила,
К дару дар без промедленья,
К мыту мыто приложила.

Но она напрасно тщилась,
Тратить блага зря старалась:
Благо прахом обратилось,
Всем обманутой осталась;

Не смогла она, младая,
Победить за эти сроки,
Чистым златом подкупая,
Нрав Ризван-паши [1] жестокий.

Турок стражу умножает
У темницы той, где милый,
И запоры укрепляет
С новым рвением и силой.

У того Ризвана жили
В доме девы две младые;
Обе добры нравом были,
Обе милые, простые;

У обеих косы — злато,
Очи светятся, сияя;
Дочь его — одна; от брата
Дочь приемная — вторая.

Лет одних, одно дается
Дело, чтоб им не томиться.
Дочка Любицей зовется
И Калинкою сестрица.

Днем и ночью, в зиму, лето —
Вместе милые подружки.
С малых лет ведется это,
Девы преданы друг дружке.

Есть ли тайна, весть такая,
Чтоб одна подружка скрыла?
Дружат, словно бы родная
Мать одна их породила.

Стражем девам тем прекрасным
Был, подобие мужчины,
Негр Бечир [2] с лицом бесстрастным,
Лоб, лицо — одни морщины.

Губы бледные, сухие
Под румянами сокрыты,
Он чернил власы седые,
Красил старые ланиты.

На губах и под ушами —
Жемчуг нитями витыми,
Пальцы он свои перстнями
Украшал всегда златыми.

Ожерелье дорогое
Шею старую скрывало,
Все сияло, золотое,
И каменьями сверкало.

Первой юная Калинка
Старца как-то увидала.
Заиграла в ней смешинка —
Еле смех свой удержала,

Видя это несуразье.
Очень ей смешным казалось,
Что такое безобразье
Украшать себя старалось.

То, что гадко от рожденья,
Тщетно краситься берется,
Ибо мерзость в украшенье
Гаже в тыщу раз сдается.

Позже девушке прелестной
Злато блеском ослепило
Взор очей ее небесный,
Сердце девичье прельстило.

Между тем она пытает
Старца-негра непрестанно:
«Кто тебя так одаряет,
Столь щедро и неустанно?»

Кажет негр на Круносдаву,
Что одета под венгерца:
«Это он мне на забаву
Дал, чтоб тешить мое сердце,

Тот вон юный иностраиец.
Чрез него, его руками
Часто кесарский [3] посланец
Награждал пашу дарами».

То Калинка услыхала,
И возникло в ней желанье
Говорить, во что б ни стало,
С Круносдавой при свиданье.

Ищет способ и находит,
Как устроить встречу эту.
А любовь ее приводит
К новой страсти, ждет ответу.

Чтобы злато, дар чудесный,
Получить, ждала, страдая;
Ныне, встретив взор прелестный,
Снова сохнет, ждет младая.

Ах, воистину, знал много
Тот, кто выдумал когда-то
Знак любовной власти бога [4]:
Стрелы, лук, колчан из злата.

Ибо в мире места нету,
Тайной скрытого такою,
Чтоб любовь златую мету
Не нашла стрелой златою.

Ведь любовь — крыла златые,
Пламя жгучее златое,
Жжет она сердца живые,
Настигает все живое.

Ключ златой к ее палатам,
На вратах оно сверкает;
Путь любви блистает златом,
Очи плат златой скрывает.

С каждым может так случиться;
И Калинке ум смутило
Злато (стоит ли дивиться!)
И любовь главу вскружила.

Крунослава ей казалась
Юным отроком красивым.
Робко, молча любовалась
Красотой ее, как дивом.

Злата ждет в мечте несмелой,
Но сильней ее прельщает
Злато кос и жемчуг белый,
Что в устах у той сверкает;

И, тоскуя и страдая,
Вся горит она надеждой,
И не видя, и не зная,
Что таится под одеждой.

Ах, младая б рассказала,
Как сильно ее страданье,
Но уста свои смиряла,
Застывая в ожиданье.

Только взором поясняет
И толкует лишь очами
То, что стыд сказать мешает,
То, что скрыто за мечтами.

Крунослава, видя это,
Деву юную жалеет,
Но не может дать ответа
И помочь ей не умеет.

Но она и хитрость знает:
Ищет пользы в ней ответной,
Взором нежным одаряет
И дарит надеждой тщетной.

Ну а девушка стыдливо
Только очи опускает,
От огия, в душе счастлива,
Милых взоров вся сгорает.

И желанием тесиима,
Все вздыхает, розовея,
Силой властиою томима,
Молвит, вся от страсти млея:

«Не дарами ли твоими
Старый евнух наш кичится?
Если негр украшеи ими,
Что ж ты мне принес, девице?

Дай мне, юноша пригожий,
Злато, что принес с собою,
Или то, что сна дороже
Для усталых пред зарею».

Кончив эти излиянья,
От стыда зардев, сникает.
На любовные признанья
Крунослава отвечает:

«Для тебя, с твоей красою,
Милой девушки прелестиой,
Я, слуга твой, взял с собою
Дар прекрасный и чудесный:

Тут кораллы, жемчуг, злато,
Драгоценные каменья,
Что имею — без возврата
В дар прими ты без стесненья.

А взамен прошу тебя я:
О Корецком мне, что знаешь
(Он в тюрьме сидит, страдая),
Расскажи, коль пожелаешь».

Дева, рада всей душою,
Вдруг надежду ощутила,
Видя счастье пред собою,
Так в ответ заговорила:

«Если просит твоя милость,
Господин венгерец, живо,
Что с героем тем случилось,
Расскажу тебе правдиво.

Я его в былые годы
Много видела, слыхала,
Про дела его, невзгоды
Я б могла сказать немало.

Как мой дядя был пашою
В Аккерманский [5] край назначен,
Казаками, силой злою,
Он в ту пору в плен был схвачен,—

С ним и Любицу забрали,
Дочь-отраду, в плен ужасный;
Розы щек ее сияли,
А уста — цветок прекрасный.

Но Корецкий, что над всеми
Был отрядами главою,
Щедр был с пленниками теми,
К ним отнесся с добротою.

Множил милостями милость,
Умножал дары дарами,
Был хозяином, и мнилось,
Что считал он их гостями.

Дочь отцу без промедленья
Возвратил, а ей — все злато,
Жемчуг белый и каменья
И шелка, что было взято.

Блага ей вернул, несчастной,
Все, что рать его забрала,
Чтоб краса, цветок прекрасный
Юной девы, не увяла.

Понял всю ее невзгоду,
Пожалел младу девицу,
Отпустивши на свободу
Дядю и мою сестрицу.

Так свободиой снова стала,
Но не ведает покою,
Ибо сердце потеряла
И не властна над душою.

Не мечтать не может боле
О герое том влюбленно.
На свободе — как в неволе:
Добротой его плененна.

В мыслях лик его лелеет,
Доблесть дел припоминает,
Вянет, сохнет и бледнеет,
Гаснет, гинет, умирает.

И не странно, что в девице
Вдруг любовь к нему явилась:
Не у дикой же волчицы,
Не в лесной глуши родилась.

То не чудо, если камень
Только искры высекает;
Чудо, если в камне пламеиь
Вспыхнет. Юиость это знает.

Но когда возникла драка —
Бой в Молдавии,— разбилось
Счастье доброго юнака,
Злым несчастьем обратилось:

Оказался он в неволе,
Цвет увял геройский вскоре,
А друзья — не недруг в поле! —
Изменили ему в горе.

И с тех пор боец, делами
Всюду как герой известный,
Скован крепко кандалами,
В яме темной, яме тесной.

Дядя мой, что тьмы глубокой
Бездну зорко охраняет,
Гнев, немилость, нрав жестокий
Непрестанно умножает;

Той немилостью стремится
Обрести цареву милость,
Позабыть о долге тщится
И о всем, что с ним случилось.

К своему стыду, позору,
Гонит прочь воспоминанья
Ои о том, кто в злую пору
Оказал благодеянье...

А теперь сидит в темнице,
Жаждет день увидеть белый,
Мукой тяжкою томится
В злой неволе витязь смелый.

Ну а дочь наша страдает,
Вянет чуткою душою,
Чтоб все то, о чем мечтает,
Не погибло смертью злою.

Так моя краса-сестрица
Слезы льет от сожаленья,
Видя, как душой томится
Повелитель в заключенье.

И в томленье безысходном
Слезы дева проливает,
В сердце юном, благородном
Лишь любовь и вериость знает.

Горечь узиика стремится
Словом нежным, песиью сладкой
Ублажить млада девица,
С ним беседует украдкой.

Если б мук не услаждало
И тоски девичье слово,
Уж давно б в живых не стало
Храбреца того младого...»

Ах, когда б остановилась
Тут Калинка на полслове,
Крунослава б не смутилась,
Не нахмурила бы брови;

Но Калинка продолжала:
«Так Корецкому в темнице
Люба верно угождала,
Что он смог в нее влюбиться;

И поляку стало милой
Цвет-турчаночка младая.
Их союз любви скрепила
Клятва вериости святая.

Витязь волю предвкушает
(Все об этом молвят смело),
Люба свадьбы ожидает,—
Только в царской воле дело.

О венгерец мой желаниый!
Все, что знала, изрекла я,
Ты ж готовь мне дар избранный,
Я тогда смирюсь, младая.

Дай мне дар дороже злата;
Не ищу сокровищ света,
Сердце жаждою объято,
Ждет душа любви ответа».

Так Калинка изливает
Грез своих любовных муку.
Вдруг хадум к ней подбегает
И уводит, взяв за руку...

Как укус змеи, при встрече
Изливающий отраву,
Поразили эти речи
Молодую Крунославу.

Замерев от удивленья,
Задрожала, побледнела
И, немая на мгновенье,
Как скала окаменела.

Отвергает, принимает
Весть о милом-заключенвом,
Забывает, вспоминает
В удивлении смятением.

От коварных мыслей гинет,
Словно челн, что в бездну моря
Сила волн, поднявши, кииет,
С налетевшим ветром споря.

Всё припасть к земле стремится,
Очи к иебу воздымая.
Горьких слез ручей струится,
Вздох из сердца исторгая.

Белоснежные ломает
И сплетает тесно руки,
В даль немую простирает,
Горя полная и муки.

Но недолго онемелой
Слезы, вздохи исторгала —
Треснул мрамор, камень белый:
Залилась, запричитала.

Вне себя с тоски-печали,
Кличет в горести безмерной:
«Ах, и что ж мне рассказали
Про тебя, жених невериый!?

И кому без подозрений
Буду верить и в кого я,
Если слышу об измене
Я Корецкого, героя?

Можно ли не удивиться,
Слыша весть, что впал в измену
Тот, кто честью мог гордиться,
Благородству знает цену!

Кто же верности покорен,
Сердцем чист,— хоть для примера?
Солнце мрачно, месяц черен,
Неверна сама и вера!

Ты любовь мою в забаву
Обратил и обесславил!
Неужели Круиославу
Для турчанки ты оставил?

Чудом я большим считаю,
Что в беде живу живою.
Чем обязан мне, я знаю,
Знаю, что сама я стою.

Погляди ты, оглянися,
На кого меня меняешь!
Ах, смотри, не осрамися,
Славу добрую теряешь!

Всем твоя известна слава,
Всем моя краса знакома.
Ах, кому поклялся, право,
Ты в любви вдали от дома!

Как моя, косу златую,
Лик милей найдешь едва ли!
Знай, турчанки, всех чаруя,
И тебя б околдовали.

Все обманчиво прекрасны,
Все обман и козни знают,
Ослепляют очи ясны,
Образ свой преображают.

Ведь турчанка словно вила:
Очарован ею будешь,
Если честь свою, мой милый,
И красу мою забудешь.

Смелость мне моя поможет.
Гордость жалобы не знает.
Пусть уж тот, кто мстить не может,
Слезы льет и причитает.

Не снесу, не потерплю я,
Чтоб свое отдать ей счастье,
И турчанку, деву злую,
Растерзаю я на части.

Покажу, что с Крунославой
Не шути — за все отмщает,
Среди стаи львов кровавой,
Средь огия живой бывает.

Поскачу с мечом в десинце,
О Корецкий, и не струшу,
У злодейки-чаровницы
При тебе исторгну душу.

Громы! Молиии! О боже!
Расступись, земля сырая!
Кто сожжет их в пепел, кто же —
Тех блудниц, за грех карая?

Ах, я разум свой теряю,
Но еще судить беруся!
Вся сама в огне сгораю,
А другим огием грожуся.

Пренебрег ты, милый, мною,
Но верна тебе подруга.
Не расстаться мне с тобою,
Не забыть вовеки друга.

Я тебя всегда любила
И вовек не разлюблю я.
Если чем и оскорбила,
Ты прости меня, младую.

Благородный и отменный —
Ах, ужель ты изменяешь
И проклятою изменой
Честь свою навек пятнаешь?

Всеми средствами стараться
Буду — хитростью, деньгами,
Чтоб до истины дознаться,
Всеми следуя путями.

Ты, с измениика душою,
Нарушаешь клятву. Надо
Быть тебе не под землею,
А на дне томиться ада!

Мне печаль веселья слаже,
Буду в муках жить беспечно.
Будь ты мне неверен даже —
Я остаиусь верной вечно».

Все преграды презирая,
Страх она свой подавляет
И, решимостью пылая,
Быстро действовать решает.

Семибашенный обходит
Замок [6] в платье венгра дева;
На дому пашу находит,
Молвит скромно и без гнева,

Как придворный истый житель,
Преклоняясь пред пашою:
«Я, любезный повелитель,
Брат Корецкому-герою.

Я, ища ему свободы,
Из родного вышел дому,
Невзирая на невзгоды,
Что в пути грозят любому.

Твоя благость поощряет,
Чтобы выкупил я брата,
Сколь душа твоя желает,
За него внесу я злата.

Коль не хочешь дать за плату,
Дай его мне как подарок.
Сколь он весит, дам я брату
Злата, дать тебе в отдарок».

Взором зорким и глубоким
Смотрит строго, с удивленьем,
На юнца Ризван, высоким
Поражен его решеньем;

Над словами размышляет
И над смелостью решенья.
«Будут мне,— паша решает,—
Неприятные волненья».

Изворотливый и ловкий
Заговорщик, он умеет
Строить козни и уловки,
Опыт хитрости имеет.

Еле властвуя собою,
Хитрый турок гнев скрывает,
Мыслит — так, сулит — другое,
Но иначе исполняет.

Он любезен с Крунославой,
Ей являет вид беспечный,
И словами льстит, лукавый,—
Нежный с нею и сердечный.

Молвит: «Я замолвлю слово,
Брат свободы твой достоин,
Попрошу царя честного,
В этом можешь быть спокоен.

Коль томишься ты душою,
С братом свидеться мечтаешь,
Я тюрьму его открою
Для тебя когда желаешь».

Вниз идет и разрешает
Ей с собой спуститься разом;
Стража их сопровождает
В соответствии с приказом.

Там, где замок семиглавый,
Где Корецкий в тьме томится,
Страж проходит с Крунославой
Через сотню врат к темнице.

По мостам идет подъемным,
Поворотами глухими,
Вниз по переходам темным,
Дальше тропами крутыми.

А вкруг замка к самым тучам
Стены каменные взмыли,—
Даже соколам могучим
Так не взмыть — бессильны б были.

Миновав врата железны
Очень малого размера,
Тут в преддверье темной бездны
Вниз спускается пещера.

Под землею путь стремится
Из пещерного колодца
К черной и сырой темнице,—
«Гроб живых» она зовется.

За пашой стопою смелой
Крунослава вниз спешила,
Чтоб не день увидеть белый —
Увидать свое светило.

Тут паша повелевает
Умертвить ее в темнице.
Деву гибель не пугает,
Все вперед она стремится.

И едва лишь очутилась
В той темнице — в плен попала:
Дверь тяжелая закрылась,
Дева узницею стала.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

ам, где черная пучина
Мрака вечного зияет,
Где земная середина
Бездну ада открывает,—

Там живет в огне предвечном,
Зла гордыню раздувая,
Царь над сонмом бесконечным
Духов, изгнанных из рая.

Он смущен, скорбит жестоко,
Всюду слышит непрестанно
От запада до востока:
Владислав разбил Османа.

Видя, как справляют ляхи
Пир, победу прославляя,
Адский царь, как буйвол в страхе,
Замычал, во тьму взывая.

Чуя смерть свою, вздыхает,
Все предать желая тлену,
Дым кровавый испускает,
Изрыгает смрад и пену.

Пышет пламенем со страху,
В злобе бешеной ярится
И грозит не только ляху —
Христианам всем грозится.

Лишь в совете царь могучий [1]
Мир прославил заключенный,
Враг людского рода тучей
Грянул в бездну, разъяренный.

Полный ярости и яда,
С шумом, треском, в злобе лютый,
Он велел в глубинах ада
Собираться вечу смуты.

С волей неба примириться
Бес упрямый не желает.
Все круша, его десница
Словно громы извергает.

Ведь когда-то он в гордыне
Выше бога стать стремился,
Но, стремглав слетев, в пучине
Адской бездны очутился...[2]

Звуки хриплые раздались
Адских труб, ко всем взывая,
Чтобы в пропасть собирались
Духи [3], сила проклятая.

И грохочет, содрогаясь,
Бездна темная, ночная,
Громом страшным отзываясь,
Словно ропщет тьма слепая.

В темноте густой, кромешной,
Из пещер, провалов разных,
Откликаются поспешно
Стаи чудищ безобразных:

Ржут, ревут, визжат, стрекочут,
Верещат, шипят и лают,
Блеют, хрюкают, цокочут,
Воют, квохчут, завывают.

У одних свиные рыла,
Щерят волчью пасть другие;
Морду жабью, мышьи крыла
Кажут мерзостно иные;

Тут видны псоглавцы-люди,
Жены с змеями-косами
И быки (они до груди
Словно люди — с их чертами);

Здесь и суки-женолицы,
Змен, псы с тремя главами,
Полурыбы, полуптицы,
Полулюди в адской яме;

Стаи фурий безобразных,—
Всё, что ране появлялось
Лишь как призрак в землях разных,
На совет свой собиралось.

Привиденьями стесненный,
Страшнодержец в той пучине,
Ярым гневом распаленный,
Пышет злобно в злой гордыне.

Стаи змеев-кравососов [4],
Что чумным огнем рыгают,
Для него из куч отбросов
Трон зловонный воздвигают.

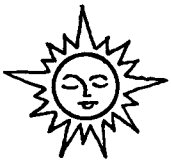
А в ногах круги свивает
Семиглавый змей искристый,
Яд зловонный изрыгает,
Лютый, яростный, пятнистый.

Всех страшнее безобразный
Властелин гороподобный;
Ржой покрыт копченый, грязный,
Темный лик его и злобный.

За плечьми — крыла драконьи,
И до самых плеч спускает
Уши он свои. На троне,
Ощетинясь, восседает.

Пасть его трубит трубою.
Безобразный и бесстыдный,
Над косматой бородою
Нос свисает клювовидный.

Извергает лик косматый
Мрачно молнии глазами;
Грубый пень большой, щербатый
Обнимает он когтями.



На хвосте же крови капли,—
Как бичем он им мотает.
На иогах когтистых цапли
Раскорякою ступает.

Взгляд косых очей бросая,
Виторогий лоб ои морщит;
Губы в ярости кусая,
Он кричит н шерсть топорщит.

Содрогаются пещеры,
Бездна пламенем пылает;
Сонм, нспуганный без меры,
Пучит очн и смолкает.

Полным голосом громада
Не вопит,— она грохочет:
«Почему же сила ада
Преуспеть во зле ие хочет?

То, что ляхи победили,
И Осман ушел с позором,
Не ему, а нашей силе
Служит тягостным укором.

Не царю, а снлам ада
В том позор, что ни скажите.
Вам того стыдиться надо,
Ну а вы всегда молчите.

Против ляхов шло в Подолье
Столько ратей непрестаино,
Что тонуло все раздолье
Под потоком войск Осмаиа.

Рать с огромиого пространства
Победить могла б без страха
В целом мире христианство,
А не одного лишь ляха.

Но османовы юнаки,
Что всегда хвалы стяжали,
Были биты,— их поляки
Победили; туркн пали.

С нашим стягом устремились
Мы царю на помощь сами,
Снегом, льдом вооружились,
Мором, стужей и дождями.

Но на небе рать святая
Возмутилась и восстала,
Гром небесный посылая,
Стаю нашу разогнала.

Так же с силой неизмерной
Владислав побил Османа;
Польской рати правоверной
Помогла мольба Шишмана [5].

И небес святая сила,
Что всечасно нам мешает,
С ангелами Михаила
Нас тогда добить решает.

В знак, что это так свершилось
(Сила снлу одолела) [6],
Тьма ночная расступилась,
Небо все воспламенело.

Тщетно многие стремились,
Чтоб пропала пропасть ада.
Ни пред кем не преклонились
Гордый ад и его чада.

Север войска славно бился [7],
Я был там же с сонмом славным,
Мой престол там находился,
Мнил, что богу стану равным.

Если б наш позор разгрома
Завершился в том сраженье!
Нет! Предвижу для содома
Новый стыд и пораженья.

Ныне к гибели конечной
Царство движется Востока,
Ад же гнусный и беспечный
Все молчит, не видя срока.

Только от одной десницы
Человека-Владислава
Может ад всего лишиться,
Сгинет наша вся держава!

Ад не сможет с ним тягаться,
Коль захочет он законной
Связью новою связаться
С сильной Австрии короной.

Если с кесаревой дщерью,
Короля мадьяр сестрою,
Обручится лях, поверю,
Что нам смерть не за горою.

Ведь король мадьяр роднится
С повелителем испанским [8],
Что отвсюду гнать стремится
Нас с упорством христианским.

Хоть ярится ад все больше,
Все равно, стране во славу
От отца корона Польши
Перейдет ко Владиславу.

Если родственные узы
Смогут тех царей сложиться
И оружье их в союзы,—
С ними в силе кто сравнится?

Коль с турецким войском сами
Ляхи справиться сумели,
То в союзе с королями
Теми сколько б сил имели?

Острова, другие земли,
Часть большая всего света,
Мусульман закон приемля,
Чтут пророка Магомета;

Если ж сердце всех владений,
Царство сильное Османа,
Станет жертвою смятений,
Смерть приверженцам корана.

Коль правитель христианский
Это царство одолеет,
В целом мире мусульманский
Он закон попрать сумеет.

Но ужели б мы стерпели,
Чтоб христьяне отобрали,
Покорить, попрать посмели
Все, что мы завоевали?

Чтобы ада власть на свете
И святыни стали прахом,
Чтоб ходжа [9] умолк в мечети
Без молитвы пред аллахом?

Чтоб мечети наши пали,
Алтари враги закрыли,
А святыни нам попрали,
Надругались, оскорбили?

Чтоб святилища пустели,
А к кресту весь мир стекался,
Люцифер [10], как в жалкой щели,
В праздном царстве б обретался?

Нет! Все адское собранье
Во все страны разлетится
И огонь потушит ране,
Чем пожар воспламенится!

Царь Осман, держатель трона,
Столько пал в своей гордыне,
Что у ляхов умиленно
Срочно мира просит ныне.

Он, заботой отягченный,
Меньше зло избрать желает:
Мира с ляшскою короной
Все условья принимает.

Коль Осман в нужде смиренно
Умолить врагов стремится,
То уж гордый ад согбенно
Никому не покорится!

Не забыть того, что было,
Что в те дни мы совершали,
Даже в небе наша сила
Позабудется едва ли! [11]

Нас хотя и победили
В деле, что тогда свершалось,
Нашей смелости и силе
Слава вечная осталась.

Только стоит ли кичиться
И пускать на ветер слово?
Дело лишь тогда годится,
Коль нужно оно и ново.

Вам, хотя и побежденным,
Быть пристойно не в изгнанье,
А в чертоге райском оном,
Где вы подняли восстанье.

То ужасное сраженье
Я недаром вспоминаю:
Вас к бессмертной жажде мщенья
Против смертных призываю.

Что ж вам, верные, во мраке
Ждать,— воздайте полной мерой!
А не то нас всех поляки
Наделят своею верой.

Чтоб за все воздать жестоко
И раздуть огонь, что тлеет,
Бди, не отвращая ока,
Путай, кто и как умеет!

В ста обличьях лицедействуй,
Разрушай все уговоры,
Лги, хитри, обманом действуй,
Предавай и сей раздоры!

Лицемерство добротою
Лик свой злобный прикрывает:
Под одеждою святою
Зло дурное пребывает!

Пусть же Турция восстанет
На христьян полночных [12] с юга,
Полумесяц пусть же станет
В полноту земного круга! [13]

Злобу сей и омерзенье,
Гнев и ярость возбуждая,
Путай, ссорь, вноси смятеиье,
Лживых с правыми мешая.

Дочь Могола неустанио
Пусть поляков сокрушает,
Пусть от женского обмаиа
Королевич погибает.

Будет кривды лик ужасиый
Правдой скрыт, подобно змею.
Сгинь, Корецкий, враг опасный,
Смертью мир сорвав своею!

Но зачем я поучаю?
Вас тому учить ие надо!
В руки ваши я вручаю
Вашу честь, мою и ада...»

Гнев, и ярость, и смятенье,
Дым, туман, ночные тати,
Тьма и светопреставленье
Помогают адской рати.

За смертельною чумою
Призрак голода ступает,
И с одеждой ледяною
Их зима сопровождает...

О Парнаса, Геликона [14] —
Гор святых — благая дева!
Слышал я во время оно,
Как ярилось ада чрево.

Мие 6 теперь поведать надо
То, что истинно случилось,
Что творило племя ада,
Как из тьмы на свет явилось.

Но дела, во тьме забыты,
Без тебя не в состоянье
Я понять; тебе ж открыты
Даже скрытые деянья...

Тучей, тысячами стаи,
Разлетаясь, в воздух взмыли,
Солнце в небе затмевая,
Ясный свет его закрыли.

Были белы — почернели
Все турецкие мечети
Сразу, как в Царьград влетели
Злые чудища все эти

(Так во время жатвы нива,
Что стоит еще не сжата,
Житом спелого налива
Вся покрытая богато,

Вдруг нежданно потемнеет,
В черном мраке пропадая,
Как над нею зачернеет
Воронья и галок стая).

Бунтовать одни пустились
Всех законников достойных,
Средь господ, пашей явились
И ходжей благопристойных;

Мутят воинов другие:
Им внимают спахоляне,
Янычары и спахии,
Пришлый люд и горожане;

Третьи духи повсеместно
Средь цариц в покоях кружат:
Жены духам, как известно,
С давних пор оружьем служат.

Злые духи повторили
Смуту той начальной розни,
Что когда-то возбудили
Прародительницы козни [15].

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
(Иван Мажуранич)

Небеса — как книги века;
В них слова Всевышний пишет
Для невера-человека:
Духом божьим мир весь дышит.

В знаках мудрости нетленной,
Что и время не стирает,
Вседержителя вселенной
Имя каждый в них читает.

В небесах поется слава,
Вечный глас нисходит свыше:
«Божья это все держава.
Дом господен всех превыше!»

От небес вся благость в мире
И богатств запас обильный,
Года времени четыре,
Дождь и снег, и гром всесильный.

Человек неукротимо,
Хоть и смертен, но стремится
Знать и то, что видит зримо,
И что в вечной тьме таится.

Предсказать судьбу желает
Он по звездам в ночь глухую,
Знать, что небо предвещает:
Добрый рок иль участь злую.

Коль сбываются чредою
О грядущем предсказанья,
Все, обещаны звездою,
Знаки предзнаменованья,

Беспокойный, он желает
Знать, что бог судил предвечный,
И из тьмы, где сам блуждает,
Хочет суд извлечь конечный.

Обо всем, чего он хочет
Или что ему немило,
Жаждет знать он: что пророчит
Круг небесный, божья сила...

Лишь ночные пали тени,
Лишь покой и мир настали,
Под покровом сновидений
Улеглися все печали,

Царь Осман младой Челеби-
Мухамеда [1] вопрошает:
Что ему на вечном небе
Он о будущем читает?

Просит: «Старче, прочитай мне
В судьбоносной книге оной,
Знать хочу: что скрыто в тайне
Моей мысли несвершенной.

Ты открой мне в книге рока:
Что мне небо обещает?
Все ль исполню я до срока?
Что мне путь мой предвещает?

Коли звезды пораженьем
Мне грозят — не внемлю страхам,—
Знай, не дрогнет пред сраженьем,
Кто уже встречался с ляхом.

Тот, кто смерти не боится,
Пред звездою не сробеет,
А кто страхом не томится,
К цели тот дойти сумеет.

Так и я пойти сумею,
Где почил пророк наш славный,
Мощью, силою своею
Укреплю свой трон державный.

Я не столько знать желаю,
Сколь звезда со мной согласна,—
Нетерпением сгораю
Знать: насколь она опасна.

Пусть к звезде без промедлений
Мудрый ум твой обратится;
Мирно ждет таких решений
Тот, чья держит меч десница...»

Царь умолк. Но выжидает
Мухамед неторопливый.
Тайны неба старец знает,
Был в Аравии счастливой,

Где, тиши ночной внимая,
Смысл искал кругов и чисел,
Царь пока в своем сарае
Звездочета не возвысил,

Чтоб следил за небом ясным:
Пусть-де старец замечает
Все, что может стать опасным,
И царю о том являет.

Книги древние листая
В знаках писаных халдейских [2],
Радость в оных обретая,
Он бежит забот житейских.

Так в науках дни проводит
Старец, книги изучает.
В том заботу лишь находит,
Что́ небесный круг вещает.

Строй кривых и ровных линий,
Чертежи чредою странной
Украшают, как святыни,
Весь чертог его пространный.

Прежде видишь здесь Атланта [3],
Что плечами подпирает
Землю. Вкруг сего гиганта
Небо круг свой обращает.

Ярким светом озаренный,
Бог Меркурий [4], благ ценитель
И блюститель лжи законной
Всем, кому он покровитель.

Дале круг второй. Являет
Лик на нем луна младая,
Прибывает, убывает,
Диск во тьме густой скрывая.

А затем узришь очами,
Как Венера, Марс-планета
По утрам и вечерами
Шлют на Землю струи света.

А меж ними видишь чудо,
Что зовется божье око [5];
Презирая все, что худо,
Любит мир земной глубоко.

Здесь Юпитер, повелитель,
Гордо в круг стопу поставил
И Сатурн, седой родитель,
Что когда-го небом правил.

Видны прочие воочью
Звезды яркою чредою,
Чтоб светить над миром ночью
Рядом с солнечной стезею.

Здесь зверей большая стая
В хоровод спешит собраться;
Круг наружный замыкая,
Звери бешено кружатся:

Здесь и Овен виторогий,
Лютый Бык в кругу кружится,
Рак тут беспокойноногий
Всем клешней своей грозится;

Внден тут и Лев могучий,—
Гордый, скачет и рыкает;
Скорпион спешит ползучий,
А Стрелец в него стреляет;

Козерог сердитый блеет,
Без воды сдыхает Рыба [6],
Сонм звериный вожделеет,—
Счесть его мы не смогли бы.

Звери стаями бежали,
Круг разбивши небосводный
На горячий пояс, дале —
Средний пояс и холодный.

Всюду линии и числа
Разместилися таблицей;
Здесь и сам искатель смысла,
Маг седой и бледнолицый.

Плащ, звездами изотканный,
С плеч его худых спадает,
Круг зверей ужасный, странный
Плечи старца окружает.

Таковы вокруг предметы,
Те, что суд небес вещают.
Старец ищет в них советы,
Что опасность отвращают.

Сколько раз судьбу лихую
От главы царя отвел он!
Где опасность видел злую,
Устремлялся, знанья полон.

Прежде дни иные были:
Не решался ад проклятый
К злой своей прибегнуть силе,
Из небесных сфер изъятой,

Мир еще не затопляло
Адской силы наважденье,
Бездна сил своих не слала
В мир, чтоб сеять в нем смятенье.

Коль опасность старцу мнится,
Если небо зло вещает
Для главы царя, томится
Он и страх переживает.

Все, чем рок грозится, видит
Верный раб. И чем скорее
Царь в поход далекий выйдет,
Тем и скорбь раба сильиее.

Он печален, поиимая,
Что владыке ад мешает.
От тоски своей страдая,
Он Осману отвечает:

«О могучий царь, чьей силой
Все цари сильиы другие!
Я б хотел, чтоб сообщило
Небо вести мне иные.

Но коль ты повелеваешь
Все явить, что раб твой знает,
Все скажу, и ты узнаешь,
Что всевышний предрекает.

Небо предо мной открыло
(Коль не лгут мои позианья),
Что готовит вражья сила
Гром тебе как иаказанье.

Ад все злее и жесточе,
Он разгром тебе вещает;
Видит это всякий, очи
Кто иа круг сей обращает.

Как в созвездье Рака старый
Бог Сатурн [7] иа иебе ясном
Встретит Марса, тяжкой карой
Станет год, во всем иесчастным.

Ты ведь знаешь, не одиажды
Спрошеи был Сатури сынами:
«Отчего,— дивился каждый,—
Столь жесток, отец, ты с нами?!»

О втором, бойце верховиом,
Говорнть не стоит даже:
Видел ты в Подолье ровном
Сам его в жестоком раже.

Он исполнил ту примету,
Роковой звезды явленье:
Воздавая честь Ахмету,
Весь Царьград пришел в смятенье.

Сердце страх досель сжимает,
Борода дрожит седая,
Как припомню: град взирает
В небо, страх в очах скрывая [8].

Вои твоя звезда алеет,
Со стрельцом небесным схожа;
С каждым часом все мрачнеет,
Зло сулит, несчастья множа.

Если сбудутся знаменья
(Не дай бог такому сбыться!),
Ах, какие поражения
Будут, коль война случится!

Правда, позже, лишь минует
Дважды Месяц Землю, снова
Ветер благостный подует,
Жди и счастия иного.

Мая злые дни считая,
Их кляиет араб с тоскою,
Ты же хочешь двинуть в мае
Корабли свои с казною.

Знаки все тебе открыты.
Если веришь моим знаньям,
И на этот раз внемли ты
Своего раба стенаньям.

Корабли свои большие
Не спеши грузить казною.
Ты дождись, чтоб дни иные
И с иной пришли судьбою,

Пусть твой вестник разглашает
Пред твоим народом вести:
Царь-де путь не замышляет,
Остается царь на месте.

Если я ие ошибаюсь
(А могу и ошибиться),
Я все больше убеждаюсь:
В янычарах ад гнездится.

Ну, а если заведется
В войске бунта дух крамольный,
В царстве силы ие иайдется,
Чтоб сломить его, довольной.

Если враг восторжествует
(Слово мие прости такое!),
Если недруг возликует,
Мир увидит зло большое.

Ах, какой мне страх вселяет
Роковая та таблица!
Зло царю она вещает
И главе его грозится.

Тяжко бремя и немило
Зло жестокое предвидеть,
Но пути, чтоб можио было
Избежать его,— ие видеть.

Вижу: горечь поражеиья
Царь в походе испытает,
Но путей предотвращенья
Звездочета ум не знает.

Изъяви свое желанье,
Царь, одно промолви слово,
Чтоб при лучшем сочетаиье
Звезд поход замыслить сиова...»

Продолжал бы старец дале
Говорить за словом слово,
Чтоб отвергнуть все печали
От главы царя младого,

Царь же (ои свои мечтанья
Не оставил, услыхавши
Роковые прорицанья)
Перебил его, сказавши:

«Перестань, старик! Ужасно
Стольких зол перечисленье.
В звездах смысл искать напрасно:
Воии полон к иим презреиья.

К гробу я иду святому [9],
Небо это одобряет.
Не подвластеи аду злому
Тот, кто иебу угождает.

В иебе — бог. Ои с Магометом
Власть над небом всем имеет.
Всем, что видим в мире этом,
Только царь земной владеет.

Где, доколе — я ие знаю —
Власти звездной простираться.
Я дела свои свершаю
И ие буду звезд бояться.

А лишусь по высшей воле
Царства, жизии — пусть свершится!
Смерти я желаю боле,
Чем в позоре очутиться».

Речи царь младой кончает
И иамерен сну предаться,
Он с заботами решает
В тишине иочной расстаться.

Но хоть он казаться может
Сильным в мыслях и стремлеиьях,
Все ж его печаль тревожит,
Тоиет ои в своих сомиеньях.

Дии своей припомиил жизни,
Как судьба свой суд вершила:
Силы ои хотел отчизне,
Но судьба бедой грозила.

Он, усталый, утопает
В море дум, в душе кипящем,
Но зеницы сои смежает,—
Царь в дворце остался спящим.

Тут и иочь спускаться стала
И над целым мироздаиьем
Вмиг покров свой разостлала,
Звезд украшениый мерцаньем.

От яции иочь глухая
До сабы рассветиой длится [10],
Тишина стоит немая,
В ней Царьграду сладко спится.

Разве только пес залает,
Верный страж глухой полиочи,
Да привратник выкликает
Средь сераля время иочи.

Встал иад Черным морем полиый
Месяц, глядя граду в очи,
А внизу рокочут волиы
Бездны мрачной в блеске ночи.

Град иа запад окружают
Море Белое [11], мечети,
Что сияиье отражают,
Растворяясь в луином свете.

И когда не уступает
На мечети месяц ясиый
В небе месяцу, сияет
И блестит Царьград прекрасный.

Но еще бы ярче были
Белизна и стеи сияиье,
Если б стены ие покрыли
Ада черные создаиья:

На верхах домов черисют,
Роковой сидят чредою
И иа темиых крыльях реют
Во дворцах порой ночиою.

Видя, как, покой теряя,
Робко ищет царь решеиье,
Как таблица роковая
Привела его в смятеиье,

Дух, из тех, что прилетели
В мир как адские создаиья,
Подлетел к царя постели
В бликах луниого сияиья;

Он крылом летучей мыши
Навевает сон Осману,
Силой дьявольскою дышит,
Став ходжою для обмаиу.

Видит царь, что иа престоле
Он турецком восседает,
Миром всем по божьей воле
И корану [12] управляет.

Но к иему пророк стремится,
Пламенея гневом скрытым,
Отобрав коран, десницей
Ударяет по лаиитам.

Царь воспряиул от забвенья
Страиным сиом, ломая руки.
Стыиет кровь от сновидеиья,
Горя полиого и муки.

А придя в себя на ложе
И очнувшись, сон сгоияет.
«О прости, всевышний боже,
И пророк мой!» — восклицает.

У одра его златого
Встал ходжа в иемом молчаиье.
«Это ты, ходжа? Хоть слово
О моем услышь страдаиье!

Сколько муки в моей доле!
С чем я выиужден мириться!
На златом меня престоле
Поразил пророк десницей!»

И когда султан излился,
Молвил дух, пред ним представший
(Он из бездны появился,
Лик святой ходжи прииявши):

«Светлый царь! Когда столь ясно
Все значенье сна ночного,
К мудрецам идти напрасно:
Не нужно тебе их слово.

Разве могут быть сомненья,
Что ты царь на самом деле?
Целый свет — твои владенья;
Деды им твои владели.

Что корана святой вещает
И китаб [13] всем света странам?
Ты — халиф [14] (мир это знает)
И угроза христианам.

То, что у тебя нежданно
Взял коран пророк сердито,
Говорит: тобой корана
Мудрость божья позабыта.

К иноверцу ты с поклоном,
С миром шел, а не с войною.
Знай, что он владеет троном
Нашей общею виною.

Знаешь сам: святую веру
Меч пророка простирает,
Твой же меч расширить меру
Зла христьянам позволяет.

Если мир твой состоится,
На Восток иди ты смело:
Новым войском укрепится
Власть твоя и наше дело.

И какого ждешь ты срока
В сих делах, какой науки,
Чтоб связал народ Востока
Христиан проклятых руки?

Что пророк (а это ль чудо?!)
Покарал тебя на троне,
Означает: дело худо,
Помни о судьбы законе.

На Восток иди скорее,
Паруса, коней справляя.
Стаиет вновь чело яснее,
Смехом радостным сияя.

Будешь Турции опорой —
И пророк тебя поддержит.
Тот лишь мил ему, который
Обещанья верио держит».

Смолк ходжа и, все сказавши,
Тихо к двери отсгупает.
На златом одре лежавший,
Сои султан свой продолжает.

Дух исчез в дверях, и сиова
Все в тишн замолкло спящей,
Кроме крика рокового
Над дворцом совы летящей...

Но из духов тьмы, подвластиой
Властелину сфер загробных,
Полагаю, ад ужасный
Не рождал еще подобных

Духу зла, что притворился
Пред царем святым ходжою,
Перед кем сам царь решился
На Восток идти войною.

Это чудище на иебе
Было ангелом приязии;
Оказавшися в Эребе [15],
Стал всех духов безобразией.

Добротою был украшеи,
Всех пленял ои красотою,
А сейчас всех боле страшен,
В ад низринут вииз главою.

Зрит назад он, мутноокий,
Дии былые созерцает.
Все прекрасиое жестокий
Гиев и ярость в ием рождает.

Слеп он спереди: господней
Благодати не заметил;
В гиеве яростном сегодня
Мстит тому, кто добр и светел.

Он с главой гиеиы гадкой,
Со змеиным сердцем черным.
Пес — ушами, рысь — повадкой,
Скоком движется проворным.

Волчьи зубы вкривь и косо;
Носом пламя испускает;
Ящер желтый вместо носа
В черных пятнах восседает.

С ядом, вилами в деснице,
В левой нож блестит, сверкая,
Словно «Всех сражу! — грозится,—
И твоя судьба такая!»

В зле и скорый и опасный,
На крылах совиных вьется.
А короче: дух ужасный
Злою завистью зовется.

Видя, как среди видений
Он на крыльях злых витает,
Новых жаждая свершений,
Сатана к нему взывает:

«О пучины нашей слава,
Чьи дела вовек неглеины!
Расскажи, скажи же, право,
Почему, когда все стены

Града полны силы черной,
Ад когда спешит в сраженье,
Только наш слуга покорный
Не спешит вступить в борение?»

Словно тигр, тесним облавой,
Если пес в лесу залает,
Глаз скосив на пса кровавый,
Бег свой скорый продолжает,—

Так и дух: сперва воззрился,
Слыша речь владыки-зверя,
Смехом адским разразился
И исчезнул, пасть ощеря...

Дух летит, вперед стремится,
Мчит туда, где в кущах сада
Дева юная томится,
Дева Любица-отрада.

Красоту она скрывает
От лучей диевных сиянья
И тем легче побеждает
С лунным светом в состязанье.

От любви своей страдая,
Из гаремного затвора
Вышла дева молодая,
Избежав чужого взора,

Чтоб среди покоя ночи,
Как утихнут дия волнеиья,
Горько выплакать ей очи,
Умирить любви томленье.

Ветерок прохладный реет
В померанце вертограда,
Ароматом чистым веет
В глубине тенистой сада.

А кузиечик кротким гласом
Из травы к иочи взывает,
Дева милая тем часом
Разговор свой начиинает:

«Ах, недаром говорится,
Что любовь несет страдаиье!
Сердце бедное томится
И туманится сознанье,

Ибо в сердце юном страсти
Юны, но они с годами
Достигают полиой власти
И мужают вместе с иами.

Ах, к чему душа привыкла,
Всяк о том лишь и тоскует.
То, что с детства в нас проникло,
Нас всего сильней волнует.

Странно ль то, что добротою
Я Корецкого пленилась,
Что лишилась я покою,
Что любовь во мне родилась!

О моей о сладкой доле
Кто напишет? Помнит сердце
Дни, когда была в неволе
Я у бана-иноверца.

Что сказала! То ль неволя
Видеть друга пред собою?
Но жестокая недоля,
Если скрыт он мрачной тьмою.

Там не рабство, где светило —
Милый лик — всегда сияет.
Рабство, если солнце-милый
В мрачной бездне лик скрывает.

Небо мне поможет снова:
На любовь мою взирая,
День пошлет, и вкруг милого
Тьма расступится ночная;

Снова солнце-повелитель
На свободной будет воле,
Будет он руководитель
Для моей души и доли.

Он рожден гяуркой, знаю,
Я — кадуною младою,
Для любви ж, от коей таю,
Вяну телом и душою,

В вере нет различий строгих:
Тот, кто любит, вер не знает.
Рай земной в любви для многих,
Кто о вере забывает».

Девы милой долго б длился
Разговор в уединенье,
Но чрез стены появился
Дух слепой, как привиденье

(Для обману он предстанет
Перед девою без шума
И Бечиром тотчас станет,
Негра лик приняв, хадума;

Тот своим поганым ликом
Духу мало уступает.
Говорят, что в зле великом
Только злой преуспевает).

Из кустов, засады скрытой
Дух турчанке появился,
Тронув за руку, сердитый,
Он в беседу с ней пустился:

«Ты не думай, дева, коли
Ночь дала приют укромный,
Страж тебя не сыщет боле
Средь полночи этой темной.

Слышал я в любви признанья,
Знаю я, по ком томишься,
Знаю и твое желанье:
К вере ты иной стремишься.

Вижу я твои мученья
Из-за рабства друга. Слову
Ты верна. Хвалю решенье
К алтарю идти христову.

Да, герой таков,— о многом
Позабудешь, все оставишь:
Честь и совесть, страх пред богом;
И отца на смерть отправишь.

Он настолько привлекает,
О краса моя младая,
Что в затвор, где он страдает,
Женщина пришла другая.

Знаю, будешь удивляться
Сердцем, отданным надежде;
Тщетно, глупо укрываться
Предо мной в чужой одежде:

Женский лик Бечир узнает
Под любой личиной дерзкой;
Он красотку отличает
И под шапкою венгерской.

Знай: кто, венгром тут назвавшись,
Пред Ризван-пашой явился,
Тот, в узилище пробравшись,
Нынче в бездне очутился.

Но юнак не венгр: лукаво
Дева лик под венгра скрыла.
Это полька Крунослава
В душу ад тебе вселила.

То Корецкого невеста,
Ликом милая, благая;
В польском войске ее место;
Злато тратит не считая.

И тебе Калинка скажет,
Что, к любви твоей ревнуя,
Нож венгерец скрыл; докажет,
Как вздыхает он, тоскуя.

Ныне вместе пребывает
Дева с ляхом в заточенье.
Кто все тайны их узнает
После их освобожденья?!

Козни, тысячи обманов
Там, в темнице, измышляют
Против всей страны османов;
И тебя не забывают.

Если не царя и веру —
Отомсти хотя б себя ты.
Пусть свою получат меру
Лиходеи, супостаты!..»

Смолк Бечир и трижды смрадом
Он дохнул в нее устами,
И пошел, веселый, садом,
Бросив тень между кустами.

Как дурман, принятый к ночи
Через меру, усыпляет,
Закрывает силой очи,
Чувства гасит, притупляет,

Так и гнусный яд опасный,
Духом влитый, ей владеет:
Изменив цвет уст прекрасный,
После сердце одолеет.

Смолкла и окаменела,
Словно мрамор, очи стали
Неподвижны, онемела
Дева в горестной печали.

Коль в ручей с водою горной
Каплю желчи подливаешь,
Он вскипает пеной черной,
И ручья ты не узнаешь.

Так и Любица: отныне
Не добра полна, а мщенья.
Желчи дьявольской гордыни
Раз вкуснв, пришла в смятенье.

Дева милая, не надо,
Не спеши, куда толкает
Гнев тебя и сила ада
И где пропасть ожидает!

Знай, что это враг проклятый
Сообщил худые вести;
Он тебе, грехом объятый,
Хочет гибели и мести.

Что тебе твой нож готовит,
Коль любимого убьешь ты?
Что ты будешь без любови,
Если сердце разобьешь ты?

Ничего она не слышит,
На мольбы не отвечает,
Только страшным гневом дышит,
К мести гнев ее толкает.

И когда от дикой страсти
Успокоилась, младая,
Видя все свое несчастье,
Кличет, гнев и зло скрывая:

«Ты скажи, не для тебя ли,
О неверный, я спешила
Все оставить, без печали
Твой закон принять решила?

Я давно в тоске безмерной,
Сон меня в ночи тревожит,
Мысль внушая, что неверный
Верным быть в любви не может.

Кто рожден с неверной верой,
Вероломен и душою;
Все корысти мерит мерой,
Но не дружбою святою.

Я решилась: все отныне —
И любовь, как наважденье,
Твое сердце без святыни
Я отрину в знак отмщенья.

Бездна предо мной зияет,
Мне печаль смыкает вежды.
Гибнет пусть, кто отвергает
Дар обманчивой надежды.

Но сперва пусть смерть коснется
Тех, кто зол, любви неверен,
Пусть над ними мрак сомкнется.
Буду ждать — мой час отмерен!»

Дева этим завершила
Сказ свой страшный, безнадежный.
Тут и луч златой светила
День привел с зарею нежной.

Ветерок, в листве порхая,
Утро радостно встречает,
Птиц весенних милых стая
В ветвях звонко распевает.

Видя, сколь несовместимы
Мрак души и свет денницы,
Дева, горечью томима,
В дом отца быстрей стремится...

Но в ту яму, где проводит
Дни Корецкий и страдает,
Луч светила не приходит,
Свет зари не проникает.

С первозданной тьмою здешней
Новой тьмы поток смешался.
В глубине ее кромешной
Бедный узник затерялся.

Царь придумал испытанье:
Можно ль жить без солнца света,
Обреченным на страданье,
Чахнуть в тьме и без ответа?

Пусть на этом свете силу
Узник адских мук узнает.
Царь живым его в могилу
В цепь закованным бросает.

Скорпионы и ехидны
В смрадной ползают темнице.
Лишь при свете было б видно,
Сколько гадов здесь гнездится.

У столба, на цепи ржавой,
Плачет узник, обесславлен,
Шеей и рукою правой
Он в хомут железный вправлен;

Только левою свободно
Может действовать рукою:
Пусть он,— так царю угодно,—
Над своей скорбит судьбою.

В стуже вечной ноги стынут,
Утопая в грязной луже;
Шест в дыру дверную вдвинут —
Для подачи пищи служит;

Худ лицом, в очах мерцают
Огоньки свечой устало,
А на пальцах отрастают
Ногти острые, как рало;

В беспорядке спуган волос,
Узник весь оброс брадою,
И охрип от жажды голос,
Призывавший прежде к бою.

Услыхавши скрип засова,
Увидавши в гуще мрака
Очертания чужого
Неизвестного юнака,

Крикнул (если крикнуть может
Тот, чей голос умирает):
«О воитель! Кто поможет
Здесь тому, кто так страдает?

Или неба ты явленье,
Иль посланец ада злого,—
Умоли об избавленье,
Испроси пощады слово!..»

Крунослава, цепенея,
Слабый голос друга слышит
И, от горести немея,
Видит: узник еле дышит;

Но, придя в себя, смиряет
Сердца частое биенье,
В черный мрак она вступает,
Говорит, полна волненья:

«После стольких испытаний
(К ним меня вела не слава)
Обрела я цель мечтаний:
Здесь, с тобою, Крунослава!

Но в каком же положенье
Я любовь свою узрела!
Ведь такого униженья
И замыслить я ие смела!

Как мне вынести несчастье!
Подаривши столько злата,
Я сама в злодейской власти,
Тьмою страшною объята.

Но сбылось, к чему стремилась:
Здесь со мной Корецкий милый,
И над нами воцарилась
Власть любви своею силой.

На дары мои, моленья
Снизошел Ризван суровый,
Он открыл мне заточенье
Посмотреть твой плен гробовый

И сказал, что обещает
Свет вернуть тебе скорее,
И тем самым помешает
Он делам лихим злодея.

Так смелей, смелее, милый!
Что тебя еще тревожит!
Небо нам своею силой
На свободе быть поможет.

Дни прекрасные, летите,
На крылах неситесь счастья,
Свет зари мне возвратите,
Унесите все напасти!»

И когда б не разразилась
Дева радости слезами,
Верно, долго б с ним делилась
Сокровенными мечтами...

Весь дрожа от напряженья,
Лук стрелу не выпускает,
Но одно руки движенье —
И пернатая взлетает,—

Так и дева боевая:
Чем сильней в душе крепится,
Тем сильней слеза, сверкая,
Из очей ее струится.

Плачет, вся в слезах, подруга,
Руки к милому простерты.
Нежно гладит раны друга,
Что веригами натерты.

Отвечает, вопрошает,
Говорит, молчит нежданно,
То печальная сникает,
То весельем обуянна.

Если б видеть можво было,
Увидали б, сколько страстных
Поцелуев подарила
Дева в мраке стен ужасных.

Говорить она не стала,
Видя друга состоянье,
Что Калинка ей сказала,
Тем доставив ей страданье.

Ах, воистину не скажет
Слова лжи, кто верно любит,
И ие скажет другу даже
То, что их любовь погубит.

Словно тот, кому в кипенье
Волн морских звезда заблещет
И укажет путь спасенья
Там, где море тихо плещет,—

Так и узник пробудился
На иежданный голос страстный,
Крикнул он, но прокатился
В яме только вздох неясный.

И когда прошло смятенье,
Дух к нему вернулся снова,
Имя нежное в волненье
Он шептал и ласки слово.

К милой руки простирая
В узах тяжких и железных,
Повесть, как он жил, страдая,
Ей излил в словах любезных,

Молвя: «Милая подруга,
Ты прости, суди нестрого:
Средь тюремного досуга
Я забыл красоты слога;

И не странно, что забыты
Мной любезных слов красоты,
Странно то,— сама суди ты,—
Что сказать могу я что-то!

Ах, какими я словами
Расскажу про боль и муки,
Что сковали, как цепями,
Душу, тело мне и руки?

Но заботы и печали,
Скорби муки ежечасной
Меньше мук мне причиняли,
Чем любовь к тебе, прекрасной.

Ты во сне ко мне являлась
Проливающею слезы,
То несчастной представлялась,
Щек терзающею розы.

Видел я тебя спешащей
За меня в огонь и воду,
Видел подвиги вершащей,
Чтобы мне добыть свободу.

Молвишь ты, не за горами
День свободы, час настанет,
Кто томится в черной яме,
Скоро вновь свободным станет.

Счастье, радости какие
День грядущий предвещает!
Там, где дом, края родные,
Все любовь мне обещает!»

Так в беседе этой страстной
Узник бедный изливался;
А в душе его несчастной
Ад все боле умирялся.

К диям, что были им прожиты,
Разговор свой возвращали,
Бледные его ланиты
Светом радости сияли.

А она беседу друга,
Подхвативши, продолжала,
Душу, полную недуга,
С милой лаской утешала.

Он с вопросом обращался
К ней, молчать не в состоянье:
Как паша ей обещался
Сократить его страданья?

И пока часы проводят
Так они средь разговора,
Кто-то ключ снаружи вводит
В дверь тюремного затвора.

Дорог благовест вечерний
Сердцу, преданному вере:
Звук его возносит мерный
Душу в горнее преддверье.

Так и этим двум влюбленным
Ржавой двери скрип казался
Вечным благовеста звоном,
Что во мраке вдруг раздался.

Оба пленника гадают,
Полны веры и сомненья:
Уж не сей ли день,— мечтают,—
Станет днем освобожденья?

Но нежданно отворилась
Дверь под сильною рукою,
В тьму с оружием ввалилась
Стража шумною толпою.

Что услышала, сказала
Круслава, как темница
Солнцем ярким засияла,
Озаряя турок лица?

Словно смертный, что мечтает
Все иметь и вдруг почует,
Что надежда исчезает,
А погибель ие минует,—

Так в отчаянье подруга
В бурном гневе, в жажде мести
Кличет громко имя друга
И встает с ним рядом вместе.

В смерти рядом быть стремится,
Если жизнь их разделила:
Пусть хоть в смерти то случится,
Что мечтой при жизии было.

Меч свой выхватив руками,
На злодеев наступает.
С ней и меж ее врагами
Бой ужасный закипает.

Жизнь свою и друга вместе
Защищать она решила,
А враги — гордыню чести,
Ту, что дева посрамила.

С двух сторон дождь крови льется.
Град ударов рассыпая,
Средь злодеев дева бьется,
Стаю вражью разгоняя.

Вот Алия повалился
И Мехмед,— уж им не биться;
Вот Муса бежать пустился
В темноту, за угол скрыться.

От руки собратьев пали
Муйага с Юсуфом вместе:
Враг во мраке знал едва ли,
Кто добычей служит мести.

И не скажешь: был бы ранам
Счет, что дева наносила,
Если б не сразил обманом
Сулейман-хитрец их с тыла:

Пал Корецкий, умерщвленный
Турком сзади; с другом рядом
Дева падает сраженной
Из ружья стальным зарядом

И, от раны изнывая,
Рядом с милым опустилась,
Руки к другу простирая,
С ним на небо устремилась.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ
(Иван Мажуранич)

Лучший врач на свете — время
Всем, душою кто страдает.
Всяк, в душе иосящий бремя,
«Пусть летит быстрей»,— желает.

Кто несет труды дневные,
Ночь тому покой приносит,
Кто скорбит в часы ночные,
Тот у дня лекарства просит.

Скорби дня мы принимаем
Ярче средь полночных бдений;
Вместе с ночью провожаем
Мы печаль иочных видений.

Потому Осман желает
После мук тревожной ночи:
Пусть скорее рассветает,
Пусть заря покажет очи!

И когда восход румяный
Утром уст его коснулся,
Луч златой зари багряной
Стал играть, султан проснулся.

Полон добрых намерений,
Что хороший день вещает,
Утром он без промедлений
На совет рабов сзывает.

Тех рабов, на коих бремя —
Трона царского охрана,
Чей совет в любое время
Снимет часть забот с султана.

Все они, сойдясь на вече
В полном блеске, рядом чиниым,
Воздают царю при встрече
Честь, в согласии с их чином.

«Беглербеги! — обратился
Царь,— паши мои, визири,
Чьим старанием развился
Стяг святой наш в целом мире!

То, что царь сейчас вам явит,
Неприятно вам, он знает.
Тот, кто наших предков славит,
Счастье в битве обретает.

Ну а счастье боевое,
Словно ветер, переменно:
То успех несет с собою,
То обманет непременно.

Прошлым летом нашей силе
Счастье боя изменило:
Хоть ее ие победили,
И она не победила.

Силы неба мие, как видно,
В войско голод ииспослали,
А еще (и молвить стыдно!)
Янычары мие мешали.

Я склонил поляка злого
К миру не для примиренья,
А затем, чтоб после снова
Дать гяурину сраженье,

Ибо если враг-воитель
Мир желаниый обретает,
Снова войско, тайный мститель,
Он для бою собирает.

Тот, кто с недругом стремится
Мир иметь, стремится к бою
И мечтает снова биться
Новой силою большою.

Всяк прекрасно понимает:
С турком крест непримиримы.
Бог един, и каждый знает:
Веры две несовместимы.

В сих делах все дело в силе:
Ведь пророк-отец когда-то
С саблей-матерью родили
Веру нам и все, что свято.

Чтоб пророк и вера наша
Впредь несли врагам отмщенье,—
Слышит пусть собранье ваше
Своего царя решенье.

С Польшей мир Али-пашою
Заключен по царской воле.
С той же мир имел страною
Сулейман, мой дед, дотоле.

Лях казаков обещался
Под уздой держать, смиряя,
И татарин призывался
К миру — польза в нем большая:

Весь ущерб по договору
Оба царства возмещали.
Деньги в Польшу шли в ту пору,
Их с лихвою возвращали.

Обе стороны решили
Слать всех пленных в путь обратный,
Всем страданья сократили:
Шел на волю пленник ратный [1].

Я скажу вам откровенно:
Тот свободы не достоин,
Кто себя спасти от плена
Сам не мог, как храбрый воин.

От героя, говорится,
Не зависит жизнь средь бою,
Но от плена оградиться
Удается лишь герою.

Я, чтоб ссор не возникало,
Всех плененных отпускаю;
В них и ляху проку мало,
И я славы не стяжаю.

Гордой матерью рожденный,
Очень ценен для поляка
Бан Корецкий, пан плененный,—
Пусть же выйдет он из мрака.

Этот воин, что страдает
Здесь с молдавского сраженья,
Пусть свободу вновь узиает,
Пусть идет из заключенья!

Кто других заставит биться
Хоть с царем и каждый воин
За кого иа смерть стремится,
Тот любых иаград достоин.

Пусть сюда из заключеиья
Будет тотчас бан представлен,
О его освобожденье
Будет миой указ объявлен.

А затем к пути с молитвой
Я начну приготовленья,
Пусть пророк нам перед битвой
Даст свое благословеиье».

Смолк султан, и начинает
Речь свою Ризван, бледнея;
Говоря, к царю взывает,
Весь от страха холодея:

«Светлый царь! Слуга твой просит
За свои слова прощеиья.
Тот, кто в сердце рану носит,
Ждет лишь в смерти избавленья.

Твоя милость мне велела
Скрыть Корецкого в затворе,
Чтоб злодей и его дело
Не восприяли иам на горе.

Но кого к обману тянет,
Тот привычки не забудет.
Без обмана жить не станет
И в тюрьме лукавить будет.

Будь хоть в башне иль темнице,
Или в пекле — лях презренный
Осквернить всегда стремится
Веру нам, закон священный.

И из тьмы, где пребывает,
Тьмы, душе его подобной,
Как снестись, он измышляет,
С моей дочкой в час удобный.

Ах, прости, о повелитель,
Мне обычаев попранье.
Я, седой креста гонитель,
Принял в свой удел страданье.

Я напомню козни злые,
Что творить неверный может;
Пусть услышат все, какие
Против нас он козни множит.

Он и адская в нем сила
Деву так влекли младую,
Что она тайком решила
Веру перенять чужую.

Как случилось,— кто узнает?
Стал турчанке крест отрада:
В тьму могилы увлекает
Всех живых лишь сила ада.

И могло бы так случиться:
Дочь обманутая скоро
Помогла б освободиться
Чародею из затвора.

Те намеренья сорвало
Тут еще событье вскоре;
На главу мою упало
Худшее, чем раньше, горе.

Царь великий сам ведь знает:
Та свободная десница,
Что оружьем угрожает,—
Польши дочь, степей царица [2].

Но войной, чего хотелось,
Не добилась. И тогда-то
Венгром, дерзкая, оделась,
Стала щедро тратить злато.

В своей дерзости забылась
И, к обману прибегая,
В древний град сюда явилась,
Подкупить меня желая.

Но дает вознагражденье
Царь тому, кто верно служит.
Свел ее я в заточенье
К другу, о котором тужит.

Пусть в темнице пребывает
Тот, в ком ложь и хитрость видно
И кто веру очерняет
Верных слуг твоих бесстыдно.

Но, увы, кто в злой родился
Час, злосчастья не минует.
Мой позор, что приключился,
Видно, небо мне дарует.

Все прознали,— как, не знаю,—
Кто тот венгр. И как случилось?
Ад виновен, полагаю,
Что от глаз людских не скрылось.

А как дочь моя дурную
Весть об этом услыхала,
Беспокоясь и ревнуя,
За любовь страшиться стала.

Убоясь такой потери
И к нему стремясь, призналась
В том, что недругу по вере
Сердцем девичьим предалась.

Ах, укор, позор злосчастный
Дням моим отныне вечный!
Скверна, ужас, стыд ужасный —
Мне теперь удел конечный.

Все в уме моем мутится,
Лишь представлю пред очами
Пропасть (страшно примириться!):
Гибнут вера, царь, мы сами.

Посему (закон наш ясен)
Умерщвлеи отступник мною;
Он умением опасеи
Овладеть чужой душою.

Только кровью может смыться
Пред царем грехопадеиье,
И лишь кровью разрешится
Против веры преступленье.

Умер враг; его спасая,
Дева та погибла тоже,
Но душа моя больиая
Успокоиться не может:

Слыша крик из тьмы глубокой,
Дочь моя тогда разбилась,
С башни бросившись высокой,
Вслед за иими устремилась.

И иад темною темницей
Все затихло. Разве крикнет
Коршуи, тешася над птицей,
И к земле с добычей никнет.

Мие моя судьба в иаграду
Веру, дочь, царя даруя,
Отняла одну усладу,
Сам за две других умру я.

Твоя воля да свершится
И завет святой. Без страху
Твой паша главы лишится,—
Пусть ее отправят ляху.

Кто не верит уж надежде —
Не пуглив: заход светила
В радость тем, кто видел прежде,
Как оно не раз всходило...»

Так сказав, к дверям направил
Слабый старец шаг неверный,
В душах скорбь и страх оставил
Он решимостью безмерной.

Как ловца, что в битве скорой
С хищной рысью кончив биться,
Вдруг увидит льва, который
На него напасть грозится,—

Так заставила Ризвана
Смерть за жизнь свою бояться:
Правда требует за бана
Со своей главой расстаться.

Все застыли в изумленье
От того, что услыхали.
Выйти как из затрудненья
Путь советники искали.

Все в молчанье мертвом стынет,
И молчит совет несмелый:
От одной главы лишь ныне
Мир в стране зависит целой.

И хоть высказать боятся —
Два суждения в совете:
Те — пашу винить стремятся,
И оправдывают — эти.

Но ходжа, смелей собранья,
Из боязни, что отложит
Царь свой путь, прервав молчанье,
Говорит, молчать не может:

«Отплатил за веру, знаю,
Наш Ризван главою бана.
И не нужно, полагаю,
На врага менять Ризвана.

Злато, посланное к сроку,
Возмещеньем ляху будет.
Но когда ж обет пророку
Царь исполнит?— пусть рассудит.

Пусть твоя размыслит милость:
Из-за той главы презренной
Что б с державой приключилось?—
Ждал бы гнев ее священный.

Есть ведь правило златое:
Мудрый меру злого знает,
Он, отбросив зло большое,
То, что меньше, избирает».

Весь совет пришел в волненье,
Были столь слова суровы.
Но, отважный, в том смятенье
Днлавер промолвил слово:

«Все в руке и воле рока,
И судьба того карает,
Кто повинен чтить пророка,
Но к безверью власть толкает.

Раб царя и Магомета
Примет смерть не возражая
В исполнение обета,
Нашу веру защищая.

Мир, война ли — все едино,
Лишь бы вера процветала.
Гибель веры — зла причина
И погибели начало.

Если б в мире отказали
Ляхи, мстя за гибель бана,
Не страшися: все б стояли
За тебя мы неустанно.

Ты собрался в край восточный,
Но исполнишь ли решенье,
Если путь избрал порочный
Для его осуществленья?

Я боюсь, что если станет
Царь крепить безверьем веру,
Небо мстить не перестанет
Нам во всю отмщенья меру.

С небесами спорить худо,
Легче с ляшской силой ратной:
Там поможет только чудо,
Здесь поможет меч булатный».

Речь свою визирь кончает.
Шум в совете необычный.
Кто скорбит, кто одобряет:
Мысли всех во всем различны.

На царево мановенье
Все пред троном замолчали,
Высочайшего решенья
С нетерпеньем ожидали.

Завершить желая дело,
Ждали речь царя Османа.
Вдруг известие приспело:
Нет уже в живых Ризвана.

Постепенно приходили
Все в себя, забыв печали.
Радость в сердце ощутили,
Веселиться бурно стали.

Ах, чудны дела, поверьте!
Был паша любим всем светом,
Ныне, дань отдавши смерти,
Стал веселия предметом.

Гул несется над собраньем,
Радость в лицах всех сияет.
Так пчелиный рой жужжаньем
Улей громко оглашает.

Царь всех больше веселится,
Полон радости безмерной:
В том для дел восточных мнится
Знак ему удачи верной [3].

Словно тот, кто замечает
Над собою плод златистый
И сорвать его желает,
Но отходит куст ветвистый [4],—

Так и царь мечту лелеет,
Что в походе славу сыщет,
Сам же страннпка жалеет,
Что от женщин светом рыщет...

А Кизлар, начальнпк черный,
Вил прекрасных вождь ужасный,
Заспешил к царю, проворный,
Слыша зов Османа страстный.

Он фракнйской стороною [5]
К Эдирне [6] уж подъезжает;
Звезды он ведет с собою,
Равных конм свет не знает.

С нпм и негры всем отрядом.
Из всех мест они собралнсь,
Быть стремясь с агою рядом,
Вместе пленом любовалнсь.

И как небо — свод прекрасный —
Красотою б не блистало,
Если б солнца в день несчастный
Вдруг на своде том не стало,

Так и дев венок чудесный
Вдруг совсем преобразился:
Без Сунчанцы прелестной
Лучшей розы он лншился...

Это было в Дренополе:
Средь печальных дев, младая,
Шла она, в своей неволе
Рукн к небу простирая;

«Боже, сжалься! — восклицала,—
Под покров твой прибегаю,
Огради, что сберегала,
Что тебе лишь завещаю!

Мой слепой отец, страдая,
Ждет меня в моей отчизне.
Сделай так, чтоб помогла я,
Иль возьми меня из жизни.

Смерть взяла сынов двенадцать,
Турок взял меня. Осталось
Старцу в горе убиваться,
Старость горькая досталась.

Я была дитя, не боле —
Янко с Лайошем пропали.
С ними б я была на воле,
Старец не жил бы в печали.

Но теперь он, одинокий,
В горькнх пенях умирает,
А меня мой рок жестокий
По волнам своим бросает.

Разве б турка полюбила
Та, что господу предалась,
И любовь отца забыла,
И от счастья отказалась?..»

Смолкла, кончила младая
Страстным сердцем плач свой страстный,
Все надежды возлагая
На творца душою ясной.

Тяжело хадум вздыхает,
Страж постыдный дев невольных,
Мнлый голос пробуждает
Память юных дней раздольных;

Лишь покров свой тихо черный
Ночь над миром расстелила,
Вставив в двери ключ затворный,
Вышел, ночь его укрыла.

Дева в страхе и смятенье:
Евнух к ней нежданно входит.
То ли это привиденье,
То ль на смерть ее уводят?

Он ведет ее за руку
Молча улицею длинной,
После тихо и без звуку
В тьме заводит в дом гостиный.

Здесь людей, что лучшей доли
Ищут, блага ждут златые,
Просит деву из неволи
Отвезти в края родные.

В изумленье перемена
Та Сунчаницу приводит,
Слезы льет самозабвенно,
А хадум во тьму уходит...

Может, правду говорили:
Это брат ее был Владко,
В плен попавший вражьей снле,—
Или это лишь догадка?

Он, утративши свободу,
Веру, мысль забыв о старом,
Продал честь чужому роду,
Стал скопцом и турком ярым.

Потому сестре стыдится
О себе сказать: и воле
Дева может оскорбиться,
Гадким ей он станет боле.

Прежний добрый нрав вовеки
Не утратит своей силы,
Остается в человеке
То, что в нем прекрасно было.

Оттого хадум и странен,
Что сидят в нем сразу двое:
Вместе — турок и христьянин,
Врозь — ни то и ни другое.

То, что турок делать тщится,
Крест немедля возбраняет,
Если крест к чему стремится,
Турок сразу запрещает...[7]

О земля славян родная!
В чем пред небом ты грешила,
Что тебя судьба, терзая,
Лишь печалью наделила?

Власть сыны твои имели —
Ныне сделались рабами,
В рабстве жалком закоснели,
Стали в поле пастухами.

Проклят будь, кто из пристрастья
К вере брату строит козни!
Все идут славян несчастья
Из трясины этой розни.

Ты бездушно на несчастных
Братьев в горе их взираешь,
Их от ига, бед ужасных
Защитить не помышляешь.

Разве так когда-то было,
Чтоб славян сдружило братство?
И когда ты защитила
От огня их кров, богатство?

Так послушай правду эту,—
В ней ты суд небес узнаешь:
Ты героев всему свету
И сынов-рабов рождаешь.

Себр [8], юнак на службе ратной,—
Чада твоего рожденья,
И ученый люд и знатный,—
Все рабы без исключенья.

Лишь когда в пучине адской
Ты топить все распри станешь
И покончишь с злобой братской,—
Рабство сбросишь и воспрянешь...

Как Кизлар-ага хватился,
Увидал: исчезла дева.
Тотчас в поиски пустился,
Зубы сжав свои от гнева.

Но о деве уведенной
Не узнал Кизлар нимало,
Лишь услышал, разъяренный,
Что хадума с ней не стало.

Кровь вскипела в нем волною,
Как у тех, что там родятся,
Где злой мавр [9] живет войною,
Львы и тигры где плодятся.

«Не безумье ль, — молвит в сердце, —
В нашу веру обращенье
Чужанина, иноверца,
Христьянина от рожденья!

Говорят не даром: злого
Волка кумом делать тщетно.
Хоть и кум, сожрет без слова,
Только тихо, незаметно.

Каждый смертный это знает:
Своего он не обманет,
Для чужого оставляет
Хитрость, с ним лукавить станет».

Замолчав, спешит он к граду
Негров весь отряд направить,
Чтобы новую усладу,
Новых вил царю доставить.

В царский град они въезжают.
Девы смотрят госпожами,
Средь дружинников блистают
Драгоценными камнями.

Гордость светом озарила
Очертанья стен окрестных,
Ибо в град вошло светило
В виде девушек прелестных.

Словно тот, кто, встретив разных
Чудищ, духов им подобных,
Принимал их, безобразных,
За исчадий ада злобных,—

Так любой, кто дев встречает,
Ослеплен красы сияньем,
Их невольно называет
Рая дивного созданьем.

Негр-хадум среди сарая [10]
С пленом тем остановился,
На два ряда разделяя
Дев, чтоб всяк на них дивился.

Так, чтоб всех, кто им дивится,
Девы с двух сторон пленяли,
Чтоб невольницы-девицы
Их огнем очей сжигали.

И чем больше негр желает
Обрести цареву милость,
Тем он чаще вспоминает
О Сунчанице, что скрылась.

Между тем, как царь влюбленный
Дочь могола созерцает
И пред стаею плененной
Гордость-деву помещает,

Негр задумался в смятенье,
Сердце гневное взыграло,
И пред взором, как виденье,
Сунчаница снова встала;

Ибо сколько нрав смиренный
В сербнянке привлекает,
Столь в моголке несравненной
Храбрость все сердца пленяет.

Кто жену средь дев прекрасных
Ищет, всех любить не может.
Так очей девичьих ясных
Взор один царя тревожит.

На любимую взирает
Он, поход свой замышляя,
Наперед уже гадает,
Слава ждет его какая,

Словно тот, кому чрез воды
Предстоит пройти и горы,
А ему труды, походы
Столь легки, как разговоры.

Полн блаженства, царь кичливый
Речью тотчас разразился,
Будто к славе он счастливой
Сквозь преграды все пробился.

Молвил он: «Восславим бога
И пророка, в небе сущих:
Перед ликом их чертога
Все ничто, весь род живущих!

Ими властью я земною
Наделен и славной долей.
Целый мир передо мною
Ниц падет господней волей.

Да свершится божья воля:
Мир пред Меккою склонится!
На едином пусть престоле
Наш закон единый чтится!

Тем Царьграда покоритель [11]
Славу для себя стяжает;
Змея крестного гонитель,
Он стопой его попрает.

Я, принявший во владенье
Трон и саблю, уничтожу
Всех, кто крестное знаменье
Чтит, и их деянья тоже.

Чтоб сбылось все то скорее,
С ляхом мир нарушить надо:
Долг святейший — лиходея
Уничтожить без пощады.

Спит наш светский меч греховный,
На покое пребывая,—
Пусть не дремлет меч духовный,
Нашу веру укрепляя.

Я пойду к святой могиле,
Чтоб пророку поклониться,
Янычар царевой силе
Я заставлю подчиниться,

Чтоб радетели святые
Их вернули к послушанью,
Указав пути благие
К славы вящему сознанью.

Как без рати нет святого,
Рати нет без подчиненья.
Бить врага не может злого,
Кто лишен повиновенья.

Кабы рать, полна отваги,
Шла за мною прошлым летом,
Как твои, пророк мой, стяги
Распростерлись в мире б этом!

Посему в Восток иду я,
Я, калиф твой поднебесный,
Трон всемирный обрету я
С твоей помощью чудесной.

Жизнь кратка на этом свете,
А дела твои велики.
Пусть ие я, получат дети
Трон всемирного владыки.

Три жены возьму, чтоб чадо
То, что смерть в тот год забрала [12],
Вновь обресть. Стремиться надо,
Чтоб корона процветала.

Лучший плод в саду родится,
Что возделан был руками.
Дикий плод в лесу таится
Между дикими ветвями;

Раб пускай рабов рождает;
Я иной закон приемлю:
Наше царство процветает
Не от тех, кто пашет землю.

Посему я избираю
Дочь Могола Соколицу:
Не один ее я знаю
По делам, мою царицу.

Будет также мне женою
Дочь Эсад-эфенди, дева,
И, славна своей красою,
Дочь единая Пертева [13];

Их отцы достойны оба,
Чтобы с ними породниться;
Верен кто царю до гроба,
Тот всегда царями чтится.

Брак отметим шумиым пиром,
Так что в мире все узнают,
Ибо солнце, встав над миром,
Тьму иочную разгоняет.

А указ с моим слугою
Срочио в Сирию направить
И в Египет, Нил-рекою
Орошаемый, доставить,

Повелев пашам: едою
Обеспечить в изобилье
Тех, кто к иим придет со мною —
Мое войско, мои крылья!

Также мой указ доставить
В Мекку-град для исполненья:
В Джидду [14] все ладьи направить,
Чтоб наладить войск снабженье.

Сто галер под парусами
В порт собрать к средине мая,
В Скудар [15] с царскими шатрами
Все бумаги направляя.

Я лишь ветра ожидаю:
Паруса тогда поставим,
Белопарусную стаю
В море тотчас мы направим.

Рядом будет Соколица —
Ей опасный бой по нраву,
Девы храбрая десница
Будет множить нашу славу.

Янычар пять сотен смелых
С их агой возьму в дорогу,
Дважды столь бойцов умелых
Я добавлю им в подмогу.

Дилаверу, казначею,
Также каицлеру, стремянным [16],—
Всем со свитою моею
Быть в моем кругу избранном.

А еще людей вельможных
Пусть мне к стремени поставят,
Сорок вестников надежных,
Тридцать писарей добавят.

Хусеин же с Мухаметом
И Реджебом-каймакамом [17]
Остаются в царстве этом:
Верным стражем в сердце самом...»

Говорит Осман, а вече
На груди скрестило руки.
Все рабы дрожат от речи,
Как тростник под ветра звуки.

Зря о трости молвят слово,
Ей, мол, север лишь ужасен;
Трость всегда дрожать готова:
Ей и южный ветр опасен.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Короли живут не сладко
(Как в народе полагают);
Их весьма веселье кратко,
А покоя и не знают.

Средь тревог, печалей вечиых
Бдят за тех, кто спит иочами,
И пекутся за беспечных,
А за праздных мыслят сами.

Кто силен, их ненавидит,
Никогда ни в чем ие верит;
Тот, кто слаб, когда их видит,
Притворяясь, лицемерит.

Сила трона непрестанно
Им завистников рождает:
Ведь и счастье, как ни странно,
В людях злобу вызывает.

Коль жестокость презирают,
С нравом кротким, отчуждеиным,
Их, как слабых, отсылают
Прясть куделю к слабым жеиам.

Коль они за правду бьются,
По заслугам наказуя,
То тираиами зовутся:
Им ие жаль-де кровь чужую.

Если блага сберегают,
Люди их зовут скупыми;
Если челядь одаряют,
Расточители им имя.

Чернь слепа и своевольна,
Свет от тьмы не различает,
Ложь за истину невольно
Без разбора принимает;

Не поймет своих желаний:
Что хотеть, любить сердечно?
Люд пуглив, ленив, восстаний,
Смут и бунтов жаждет вечно.

То войны, то мира чает,
Жаждет вечно перемены,
То тирана возвышает,
То благому ждет замены.

Но как лоно, гладь морская,
Никогда не возмутится,
Если вихрь, волну вздымая,
Над водою не промчится,—

Так и люди: в бедной жизни
Бунт поднять и не посмеют,
Если сильный дух в отчизне
Возбудить их не сумеет.

И отсюда в поученье
Всем царям урок прекрасный:
Ждать от черни одобренья
В сложном деле — труд напрасный.

Кто-то что-то и кому-то
Скажет; слух тот возрастает,
Всех охватывает смута,
И волненье возникает.

Вправду сказано про это,
Как земля обет давала
Разнести все тайны света,
Что видала и слыхала [1].

Чьими пущеи был устами,—
Я не знаю — слух опасный:
Царь в поход идет с войсками,
В битве их сгубить напрасной.

Слух растет, растут сомненья,
Смута в души проникает,
Каждый в страхе и смятенье,
В думах тяжких пребывает.

По секрету слух сиачала
Начал тот передаваться,
А потом все войско стало
Вслух, открыто возмущаться,

Услыхав в толпе рассказы:
К Скудру царь послал, куда-то
К морю Черному, указы,
Все шатры, бумаги, злато.

Тут уже один другого
Не таяся подбивает,
Беззаконие царево
Каждый громко осуждает.

Яиычар-старик заметил:
«Я, всю жизнь свою проведший
Средь боев и в целом свете
Страиы миогие прошедший,

Земли (мие за то их дали,
Что геройством отличился)
Все утратил. Отобрали
У меня, чем я кормился.

Умираю я от глада,
Ну а сводиикам погаиым
Блуда царского — награда,
Вместо платы моим ранам».

Спахолянин в продолжеиье
Молвил: «Я в стеиах сарая
Был в почете от рождеиья [2],
Жил и горести ие зиая,

После, словно раб злосчастный,
Был избит до крови яро,
При народе (стыд ужасный!)
Палок вытерпел удары.

На расправу царь провореи
(Этим срам свой объясияю).
Хлеб тот белый стал мие черен,
Что я ел в стенах сарая».

Говорит один: «С главою
Вражьей я к царю явился.
Непристойно царь со мною
Говорил и обходился [3].

Захотел и надругаться
(Я такого ль ждал ответа!):
Если б ты не стал стараться,
Ои с тобой бы сделал это».

А другой крнчит: «За нами
Скрытно царь следить стремится,
Нашим воииам пирами
Он мешает насладиться [4].

Не ага нас бьет иочами,
Царь нам саблей угрожает,
Платит чериыми пензами,
Белых яспр ои нас лишает» [5].

Молвит тот, что все в упадке,
Что иа всех он отразится:
До госпож прекрасных падкий,
Их берет султан в царицы [6].

«Всем конец иам одинаков,—
И другой тут добавляет,—
Новых царь берет юнаков,
Нас же, старых, прогоияет.

Вот и письма из сарая
К иам пришли со сроком точным:
Чрез два утра выступая,
Царь пойдет к краям восточиым.

Ждать не будем: царь сбирает
Силу, что на нас обрушит.
Всех убьем, кто убивает,
И задушим, кто иас душит!»

Тот вскочил, добавив тоже:
«Ждать еще зачем нам нужно?»
«Сабля всех нас уничтожит!» —
Все в ответ вскричали дружно.

Вслед другой спешит подняться,
Саблю скоро обнажая,
Проходить под ней и клясться
Всех юнаков призывая [7].

Встали все, идут под нею,
Каждый клятву произносит:
Коль не свергнут власть злодея,
Пусть их сабля эта скосит...

Так они кричат, и в войске
Всяк царю уж угрожает;
Лишь Али-ага геройски
Весь их замысл отвергает.

Тут дружина увидала
Своего главу и судит:
«Будет с нами он,— сказала,—
С нами в этом деле будет».

Всяк в той смуте бешабашной
Лук иль саблю вынимает;
Встав средь них, ага бесстрашный
Речь к восставшим обращает:

«О герои, тень какая
Ваши очи ослепила?
Где же слава боевая,
Ваша честь и ваша сила?

Не забудьте, что всегда вы
Для царя опорой были,
Охраняли трон державы,
Верным стражем царским слыли.

Не позорьте, не черните
И мою и вашу славу,
В своем доме не спешите
Бой начать, презрев державу.

Наш позор и все злосчастье
Велики не столь уж ныне,
Чтоб скликать еще напасти
На главу царя-святыни,

И меия и вас который
Всех связует воедино,
Чтоб служить ему опорой,
Коль придет трудов година.

Нет причии, чтоб на такое
Я решился выступленье
Лишь за то, что царь иное,
Чем мое, имеет миенье.

Я лишь раб, что дал присягу.
На царя я не восстану,
За иего в сраженье лягу,
Но грозить ему не стану.

Выше нет того закона,
Что дает царя десница;
Все должны желанью трона
Без протеста подчиниться.

Наградить любого волен,
Он тебя и награждает.
Коль тобою недоволен,
Все обратио отбирает.

Дав тебе, взял у другого,
Дав другим, твое отнимет.
Как закон царево слово
Без протеста каждый примет.

Трудно воину честному
Палок вынести удары;
Но ужель всему святому
Изменять от этой кары?

Господину подчиняться
Каждый раб во всем обязан,
И ужель слуги бояться
Должен царь, коль тот наказан?

Наши почести, известно,
От щедрот царя явились.
Он собрал нас повсеместно
Из лесов, где мы родились;

Тех, что прежде скот гоияли,
Всех приблизил царь иаш славиый.
А теперь они восстали
На царя и трон державный.

Ты, не получивший платы
За свое умеиье биться,
Зря клевещешь иа царя ты:
Жизнь твоя в его деснице.

Царь своей лишь волей связаи;
Он отважных возвышает.
Делай то, что ты обязан!
Каждый долг свой выполняет.

Кто создателю закона
Новый дать закон посмеет?
Царь есть царь, мы — слуги трона.
Мудрый это разумеет.

Слышу я слова ответа,
Кто-то множит обвиненья
В том, что царь иаш Магомета
Чтит, спешит иа поклонеиье.

Вера, чистая святыня,
Пить вино иам возбраняет.
Что ж, судить царя нам иыне,
Коль и он нас осуждает?

Ты вот, что не рад и плате,
Деиьги чериые ругаешь,
Все же медью или в злате
Ты за службу получаешь.

Гибель видеть вы посмели
В том, что царь-де иезакоино,
Как никто еще доселе,
Знатных дев себе взял в жеиы.

Разве раб, царю служитель,
Дочерям царевым пара?
Разве царь, наш повелитель,
Муж для дочери овчара?

Но зачем мне объясняться
С вами? Кто того не знает?
Кто в царевой сомневаться
Может силе, пусть смолкает.

Разве что-нибудь возбранно
Для царя, владыки света?
Сабля старая Османа [8]
Зря ль к бедру его придета?

Царства предков и закона
Он турецкого блюститель;
Не тиран — захватчик трона,
Он законный наш властитель.

Будь у нас взята свобода,
С коей я и вы родились,
Стал бы я вам воевода,
На царя б мы ополчились;

Я бы первый не смирился,
Поднял саблю на него бы,
Трон бы кровью обагрился
От моей руки и злобы.

Я б его своей десницей
(Что меня б остановило?)
Умертвил, воздав сторицей,
Пусть бы смерть и мне грозила,

Ибо кто родному граду
Мир несет и жаждет воли,
Обретает честь в награду:
Ои убьет, убьют его ли.

Но поскольку мы свободны,
Да и предки уз не знали,
Были б поиски бесплодны,
Если б волю мы искали.

Ведь царя перечить воле —
Все равно, что громогласно
Заявлять: на том престоле
Сам я буду править властно;

Все равно, что быть неверным,
Как предатель тайный, злостный,
Что, предавшись дерзким сквернам,
Занят целью вредоносной.

Ах, герои, люд мой милый,
Гнев слепой вы подавите,
Вы кому грозите силой
И зачем, куда спешите?

Этот бунт не что иное —
Стыд сулит вам бесконечный.
Горе будет вам большое
И позор всей жизни вечный».

Как в ответ на дуновенье
Море синее вскипает,
Происходит сил боренье,
Буря волны поднимает,

Так и чернь: лишь слово верный
Ей ага сказал — вскипело
Все в ней с силой неизмерной,
Все бегут, зовут на дело.

С голой саблею в деснице,
Подчинясь порыву злому,
Всяк ругается, грозится
Воеводе боевому

С криком: «С нами быть решишься —
Будешь с войском ты оставлен,
Нет — так жизни ты лишишься,
Здесь же будешь обезглавлен».

Но ага решил: не надо
Честь терять, смирясь пред страхом;
Он кричит: «Среди Царьграда
Раньше вы падете прахом!

Своевольны вы, но знайте:
Я простил вам оскорбленье,
Сами все теперь решайте,
Я сказал в предупрежденье!»

«Не царя,— спешат с ответом,—
Наше войско не желает.
Против тех мы, чьим советам
Злым наш царь-дитя внимает.

Не хотим, коль не желаешь,
Чтоб главой ты был над нами.
Убегай, куда ты знаешь,
Защитим себя мы сами.

Но далеко даже смелый
Убежит от нас едва ли!»
И ему вдогонку стрелы,
Тучу целую, послали.

А потом идти решились.
К храму все Отца Всезнанья [9],
Сына бога, устремились
Обсудить дела восстанья

(После взятия Царьграда
Только имя той святыни
Сохранилось. Здесь средь града
Есть мечеть София ныне).

У мечети все собрались,
День-деньской горя обидой.
Крики дружные раздались:
«Дилавер-пашу нам выдай

И ходжу: он твой учитель,
Зло внушает, поучая;
Негра, что твоих смотритель
Жен и евнухов сарая.

Ты прими совет по чести:
Угодишь нам в нашем деле —
То останешься на месте,
Будешь царь, как был доселе».

Сообщить царю решенье
Все Яхию принуждали.
Чтоб исполнил порученье,
Все послом его избрали.

Он законник был державы,
Звался муфтием [10], был в силе,
Но его лишили славы,
Званье то другим вручили.

Жил он дома постоянно,
Мирным пользуясь покоем,
Но пришлось ему нежданно
Пред мятежным выйти строем.

Царь в то время находился
На пиру, забыв печали,
Он, влюбленный, веселился,
Три жены с ним восседали.

Но нежданно шум услышал
И, вскочив, без промедленья
К войску он бесстрашно вышел,
Не боясь призывов мщенья.

Мысля так: была бы сила
Царской власти слабой, бренной,
Если бы над ней царила
Воля черни той презренной...

Рассказал старик Яхия
Все коленопреклоненно:
Войско жалобы какие
Изливало возмущенно.

Он сказал: «О царь могучий,
Ты прости, но раб решился
Указать: огонь горючий
Над главой твоею взвился;

Если кровью приближенных
Не зальешь его сначала,
Войск, неправдой возмущенных,
Не спасешь ты от развала.

Умолчу ль, о повелитель,
Об угрозе я безмерной!
Нужен им ходжа-учитель,
Негр-ага, визирь твой верный.

Послан все сказать тебе я.
Все хотят, чтоб так случилось.
Под твоею саблей шея
И глава моя склонилась».

Смолк Яхия. Царь, в смятенье
Те слова его встречая,
Изложил свое решенье,
Краткой речью отвечая:

«Царство предки мне добыли,
И оно моим зовется.
Кто меня превысить в силе
Мнит, тот горько ошибется.

Прочь ступайте, уходите!
Вы опорой были ране,
Ныне вы предать хотите,
Янычары, спахоляне.

Жертв хотите непреложных?
Жажду кровью утоляйте
Не друзей царя надежных,
Но врагов. На них пеняйте...»

И умолк. Султану мнится,
Что всесильна его милость,
Впредь ничто-де не случится,
Как в тот вечер не случилось.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Но лишь солнце погасило
День, лучи укрывши в море,
И молчанье наступило
Во дворце и граде вскоре;

Лишь простерся из долины
Синий полог ночи темной,
Чтоб укутать гор вершины,
Тьмой укрыть весь мир огромный,—

Царь вступил в покой. Как в храме,
Здесь украшено богато,
Всюду блещет, словно пламя,
Драгоценный камень, злато.

Здесь, о бунте размышляя,
Царь на трон свой восседает,
И советников сзывая,
Он совет свой собирает.

Шесть визирей появились
И другие тут же главы.
Все по чину разместились
С двух сторон царя державы.

Со скрещенными руками,
Вид покорности являя,
Со смиренными очами,
Встали, взор не поднимая.

Он же, гордым полн величьем,
Взор спокойный обращает,—
Бог земной своим обличьем,—
Вкруг себя на всех взирает.

Чтоб пашей заслушать мненье
О делах своей державы,
Со своих высот правленья,
Горделивый, величавый,

Молвит: «Верный и надёжный
Страж державной обороны
В дни забот поры тревожной
И оплот моей короны!

Что сказать о том, что всякий
Да и сами вы видали:
Сколь мятежные юнаки
Осмелели, дерзки стали?

Что хотят и чем грозятся,
Вам известно. Как же ими
Править, я б хотел дознаться,
Непокорными такими?

Ваши скрытые сужденья
Изложите здесь свободно.
Мне услышать ваше мненье
И приятно, и угодно.

Жду правдивого ответа;
Вам я верю. Всякий знает:
Ищет кто в себе совета —
Без совета погибает...»

Повелитель солнцеликий
Смолк, уста сомкнувши снова.
Поднялся визирь великий,
Дилавер взял первым слово.

«Царь могучий,— восклицает,—
Чьей могучей сабли сила
День у солнца похищает
Всюду, где встает светило!

Ведь твоей великой славе
Тесен мира круг великий.
Все цари, тебя лишь славя,
Пред тобой лежат, владыкой.

Лишь Орел, круги сужая,
Пред Драконом все летает,
Словно он мятежной стае
Крылья сжечь повелевает.

Вижу, славная корона,
Что в борьбе святой и правой
Начал ты подножье трона
Ограждать стеной кровавой.

А ведь часто кровь людская,
Кровь врагов в борьбе суровой,
Силу царства умножая,
Служит крепости основой.

И насильником владыку
Ни один не называет,
Если тот на вражью клику
Саблю мщенья обращает.

Часто царь дает прощенье
Злу любому в человеке,
Не прощает оскорбленья
Лишь величества вовеки.

К подчиненным — милосердным
Царь повинен быть, не гордым;
Но к предателям, к неверным —
Беспощадным быть и твердым.

Кто не видит, что простерло
Самоволье руки обе
Не до нашего лишь горла,
Но к самой царя особе?

Хочет племя бунтовское
С трона снять царя державы.
Ты смиришь их сердце злое,
Если выдашь наши главы.

Если ж их уступишь воле
И захочешь им поддаться,
Ты на царственном престоле
Долго ль сможешь удержаться?

Ты прости, но нет различья
Меж тобой и подчиненным:
Пред людьми твое величье
Лишь в приказе, данном троном.

Коль юнаки станут ныне
Непослушными приказу,
Все твое величье минет,
Власть свою утратишь сразу.

Что вельможа скажет важный
(Еще дед чей был повинным
Твоим дедам), если каждый
Воин станет дворянином?

Может, он тебя не бросит,
Оставаясь средь подвластных,
Но чего войска запросят
При уступках им напрасных?

Этот сброд терпеть не сможет
Янычар и войск наемных:
Всех сотрет и уничтожит,
Полн желаний самых темных.

Если войско непокорно,
И ты войску уступаешь,—
Власть оно возьмет проворно,
Ибо сброду потакаешь.

Оглядись перед собою:
Если сбудется их слово,
Люд, дрожащий пред тобою,
Задрожит пред войском, снова.

Сохрани нас бог, чтоб кто-то,
Пока ты здоров, дотоле,
Управлял, когда охота,
Без царя и его воли!

Кто мятежники, нам ясно.
Велико их возмущенье:
Все кричат, грозят ужасно,
Яд в речах, страстей кипенье.

Подтвердить слова делами —
В этом вывод неизбежный:
Жизнь царю, а всем нам с вами —
Смерть от рук толпы мятежной!

Но пока опасность эта
Не грозит, скажу царю я:
Не лишат его совета
Слуги, верности ревнуя.

Смут и прежде много было [2]
И мятежных войск не мало,
Но жестокая их сила
На царя не посягала,

Что, на трон воссев законный,
Правду предков заповедав,
Управляет, огражденный
Саблей прадедов и дедов.

Вспомним мы, как развивался
Ряд событий тех тревожных,
Мустафа когда остался
Без советников надежных:

Войск ушла тогда громада
С персиянцами сражаться,
С ней ушли из стен Царьграда,
Кто опорой мог считаться.

Он услал свою охрану
И остался без совета.
Тут легко тебе, Осману,
Было стать владыкой света

И вступить без ратной брани
На ступень отцова трона,
У тебя который ране
Был отобран незаконно [3].

Ныне войско угрожает
И тебе, о царь наш славный,
Мустафу опять желает
Посадить на трон державный.

И посколь (все в этом правы!)
Видят: мы твоя охрана,—
Ныне просят наши главы,
После спросят жизнь султана.

Так, когда рассечь желают
Дровосеки дуб ветвистый,
Прежде ветви обсекают,
После пилят ствол кряжистый.

Ведь легко речного тока
Изменяется теченье,
Коль течения притока
Изменяют направленье.

Посему скажу, не скрою
(Лишь один совет имею):
Ты с мятежною толпою
Знай лишь силу, мсти злодею!

Так змея, полой прикрытый,
Вьется гад, уесть стремится.
А от раны ядовитой
Лишь металл с огнем годится.

Трон от смуты погибает,
Становясь подобьем праха,
Если трон не ограждает
Властелин стеною страха...»

Дилавер окончил речи,
Всяк его советы слышал.
Хусеин подиялся в вече,
Пред царем со словом вышел.

«Ты, о царь царей избранный,
Царь могучий,— восклицает,—
Кто своею властью страны
И народы подчиняет!

То же я скажу: повсюду,
Всяк куда ни обернется,
Видит — войско злу и худу
В своеволье предается.

Своеволье их и дерзость
Никаких границ не знает,
Дел мятежная их мерзость
Лишь ущербом угрожает.

Посему, коль пожелаешь
Поощрить людей ничтожных,
Ты немедля потеряешь
Всех советников надежных.

Но поскольку царь великий
Уступить не обещает,
Злой расправой, местью дикой
Бунт престолу угрожает.

Здесь визирь сказать пытался
Нам о бедствиях безмерных,
Если б ты, о царь, остался
Без людей, престолу верных.

Мне сказать осталось ныне,
Что престол твой ждет паденье,
Если ты по той причине
Сменишь милость на отмщенье.

Мысль моя пусть не обидит,
Коль с твоей не совпадает:
Больше око — больше видит,
Больше муж и больше знает.

Всяк, имеющий сужденье,
Дать совет один лишь может:
Пусть, для трона укрепленья,
Царь врагов всех уничтожит.

Разве скажешь убежденно,
Будто это — недостойный
Путь для утвержденья трона,
Власти сильной и спокойной?

Что же лучше — я не знаю:
Путь ли крови и отмщенья,
Иль другой, как предлагаю,
Путь добра и всепрощенья.

Кровь с руки окровавленной
Смыть легко никто не может.
Но когда и ствол зеленый
Обсекут, он ветви множит!

Злых, жестоких, беспощадных,
Злодеяньем опьяненных,
Много их, до крови жадных,
Тех юнаков возмущенных.

Страшно мне: коль ты возьмешься
С головою биться змея,
Новых бед не оберешься:
Ядовит и хвост злодея.

Правда, знаю: плохо это,
Что в годину бедствий тронных
Будешь править без совета
Верных слуг и приближенных;

Ибо худших зол начало
Я предчувствую невольно:
Ведь и искры самой малой,
Чтоб пожар зажечь, довольно.

Если гибель угрожает,
В жертву малое приносят.
Так моряк: он сохраняет
Свой улов, коль часть отбросит.

Если выдашь наши главы,
Войско снова будет в мире;
Ты возьмешь в совет державы
Два раба и три, четыре.

Если ж трон, себе на горе,
Против войск своих восстанет
И себя погубит вскоре,
Кто ему опорой станет?

Смуты прежде были тоже,
Царство ж прочным оставалось.
Но на свете все быть может,
В мире столь чудес свершалось!

Часто ровный путь долинный
В путь тернистый переходит,
Часто страшный лев планинный
Рад, что пищу птиц находит.

Сколь событий разных было,
Порожденных дней теченьем!
Их к нам память доносила,
Чтоб служили поученьем.

Сколь еще событий будет
В наше время, в годы эти!
Разве род людской забудет
Наше имя в целом свете!

Все дела, что прежде были,
Стали для людей рассказом;
Так времен и наших были
Станут впредь когда-то сказом.

Не хочу, о царь преславный,
Чтоб юнаки мстить решались,
Злом, насильем, силой явной
И одежд твоих касались!

А решатся — то в сарае
Много верных слуг найдется,
От восставших буйной стаи
Их дружина отобьется.

Ну а где другая сила,
Где она,— спроси любого,—
Чтоб народ свой защитила
От огня и плена злого?

Ах, смирись, прими решенье,
Так, чтоб кровь ничья не лилась,
И народу снисхожденье
Окажи и граду милость.

Коль решишься ты, внимая
Тем визиревым советам,
Путь отмщенья избирая,
Поразить врагов при этом,

Прекрати огонь в отчизне,
Кровь юнаков пощади ты:
Пусть свои потратят жизни
Для отечества защиты.

Раздели их всех на части
С христианами сражаться:
Пусть враги и все напасти
В разных землях расточатся.

Ждет их смерть иль ждут победы —
Для тебя одно и то же:
Больше польза, меньше беды,
Враг друг друга уничтожит.

Коль погибнут, месть царева
Без царя осуществится;
Победят ли — польза снова:
Сила царства укрепится.

Коли им ответишь местью,
Трон считай свой обреченным,
Победишь ли ты их с честью,
Сам ли будешь побежденным.

Если битву проиграешь,
Все сожгут, на плен осудят,
А в дворце — и сам не знаешь,
Что тогда с тобою будет.

Победишь их здесь, в серале —
Ты лишишь себя той чести,
Что они б отвоевали
У врага, но в дальнем месте.

Так иль сяк, от этой драки
Проку мы б не увидали,
Так иль сяк, твои б юнаки
Бесполезной смертью пали.

Ты прости мне, ведь не имя,
А юнаки твоя сила.
Если б что случилось с ними,
Что б тебе опорой было?

Скажешь: «Мир широк пространный!
Все четыре части света —
Свет и наш и иностранный —
Нам растят юнаков четы».

Коль придут к тебе с пращами
Пастухи на помощь, биться,
Разве сможешь с пастухами
Против Запада сразиться?

Кто прохожих ночью темной,
Чтоб ограбить, поджидает;
Или пахарь самый скромный,
Что своих волов лишь знает;

Прочий люд того же рода —
Можно ль ими защититься?
Ведь умеет та порода
Лишь дубьем вооружиться.

Ты могуч, пока с войсками.
С ними правишь миром целым.
Нужно ратовать годами,
Чтобы стать юнаком смелым.

Всяк домашних смут боится:
Бунт в отечестве ужасен.
Если свой своим грозится,
То и внешний враг опасен.

Дело в мире и согласье
Даже малое взрастает;
В ссорах, смуте, разногласье
И большое погибает.

В зла прощенье и пощаде
Видят крепости примету.
Прежних дел великих ради
Ты прости им смуту эту,

А особо, коль не может
Месть без пагубы свершиться.
Месть беду царю умножит,
Да и худшее случится.

Ибо коль лишен был власти
Мустафа без войск пашами,
Как избегнешь ты напасти,
Коль поссоришься с войсками?

Из двух зол тебе осталось
Зло, что меньше. Чтоб тревога
Властелина не касалась,
Нашу жизнь отдать — не много.

Но сперва добра словами
Успокой ты силы злые,
Чтоб с сухими вряд дровами
Не сгорели и сырые.

Подавить же только местью
Войско сильное стремиться —
Значит пищу дать бесчестью,
Без потребности срамиться...»

Он умолк, а царь великий
С трона, где он восседает,
Всех пашей обводит лики
Взором, тихо отвечает:

«Слышал ваши я сужденья,
Вашу верность мне я знаю.
Я юнакам не отмщенья,
Но прощения желаю.

Град родной, народ мой милый
Лишь мои щедроты знают;
Эти чувства властной силой
Саблю мщенья отнимают.

Милость — верности награда
Янычарам, спахолянам.
Биться пусть идут из града
За царя по разным странам.

Чтоб спастись самим, найдите
Средство верное вы сами,
И мою вы честь спасите
Пред мятежными войсками;

Вещь трудна для разрешенья,
Но угодна вам, царь знает:
Ведь великое свершенье
Лишь великим подобает».

Царь свое закончил слово,
Все речам его внимали,
Дилавер же встал и снова
Говорил, чтоб все слыхали:

«О, избавь от злого рока,
Отклони, господь, напасти!
Тот, кто ждет для счастья срока,
Тратит время, губит счастье.

Воле я твоей державной
Воспротивиться не смею,
За тебя, о царь преславный,
Жизни я не пожалею.

Кто овца, пускай от страха
В лес бежит, кормясь травою.
Я же тот, кто шел на ляха,
Защищал тебя средь бою.

И еще скажу я слово:
Я лишь долг свершил, ты знаешь
Впредь, где бой возникнет снова,
Снова всех нас испытаешь.

Мне лишь жаль: мои юнаки,
Мое войско не со мною.
Пусть бы Запад и вояки
Эти шли тогда войною!

Правда, и без них имею
Силу я в своей деснице,
Чтоб срубить главу злодею,
Прежде чем моей скатиться.

Чтоб вселить в юнаков веру,
Успокоить полк мятежный,
Для тебя такую меру
Полагаю неизбежной:

Отбери визиря званье
У меня, меня разжалуй;
Эту честь и достоянье
Хусеин-паше пожалуй;

Он пускай объявит в войске
Как твое, царя, решенье,
Что юнаки — люд геройский —
Обрели твое прощенье;

Что поход паша считает
Для царя ненужиым боле,
Ибо смута возникает
Оттого и своеволье.

А меж тем наступит время,
И успеют все смириться,
Снова будешь власть над всеми
Ты иметь в своей деснице...»

Речь визирь закончил славный,
Всяк к его словам склонился.
Но лишить его державной
Чести царь не согласился,

Даже более: охраной
Он снабдил его надежной,
Чтоб жестокий люд и рьяный
Месть считал бы невозможной.

Никого, знать, в целом войске
Не боялся повелитель,
Жив пока такой геройский
И советник, и воитель.

Всем другим он дал охрану,
Обойдя себя невольно:
Видно, думал, что султану
Только имени довольно...

Но средь ночи той держала
Свой совет и мать султана
Мустафы: она решала,
Как сгубить царя Османа;

Он виновник раны старой,
От него ее кручина:
Он указом — злою карой
Отлучил ее от сына [5].

Доходили злые вести.
Сыну гибель предвещая:
В яме, самом мрачном месте,
Он, любовь ее большая.

И она уж представляла,
Как, найдя удобный случай
Или смуту, избавляла
Сына смерти неминучей.

Случай вскоре отыскался:
Начались в войсках волненья.
Бунт все боле разгорался,
Нес Осману пораженье.

Мысль одну она лелеет:
Видеть сына вновь султаном.
Показать она сумеет
Власть свою тогда всем странам.

Трудно ей снести забвенье,
Царством правившей когда-то,
Ну а ныне в заточенье
Средь рабынь у сунностата.

Чтоб скорей сбылось желанье,
Шлет за зятем, за Даутом:
Пусть зовет он на восстанье,
К буитам всех зовет и смутам.

Он рожден в хорватском крае
С христианскою душою.
Турки, сила проклятая,
Увели его с собою,

В дар царю его вручили
За красу. С детьми иными
Здесь ребенка поместили
Во дворец и дали имя.

Царь, красой его плененный,
Потуречил чадо рано.
Тот, Даутом [6] нареченный,
Душу радовал султана:

Сам Мурад, правитель блудный [7],
Имя выбрал. Повелитель
Не скрывал, что этот чудный
Раб — души его властитель.

Здесь он вырос. Здесь, в серале,
Награжденный, вышел в люди.
Все его в чести видали
Средь юнаков, среди судей.

Нет войны — визирь; случится
Рать — он станет войск главою [8];
А султанова сестрица
Стала тут его женою.

Не войной чинов добился,
Не десницею отважной:
С женским ликом он родился,—
Вот откуда чин тот важный.

Но краса лица увяла,
С ней прошла любовь султана.
Свои милости казала
Лишь дворцовая султана [9].

Страсть его к добру чужому,
Нрав причудливый, жестокий
Помогли султану злому
Снять с Даута чин высокий.

Но предав земле Ахмата,
На отцовский трон султана
Мустафу возвел он, брата,
Сына сняв с иего, Османа.

А когда Осман отцовой
Сабли, иакоиец, дождался,
Снял Даута, чтобы в новой
Чести он не возвышался.

Но Даута сын (султана
Коего на свет родила) [10],
Сверстник юного Османа,
Детство с кем провел он мило,

Верной службой кто придворной
И отвагой отличался,
Был царю слуга покорный,
Никогда родней не звался,

Лишь замолвил речь — и снова
Царь Осман, как знак прощенья,
Беглербега чин румского
Дал Дауту в утешенье.

Вскоре бунт возник. Повторно
Мысль худая пробудилась,
И Даут забыл позорно
Почесть новую и милость.

Он в глухую ночь недаром
В место скрытое явился,
Стражу обманул, и в старом
Он серале очутился.

Зван он тещею своею,
Затаившею коварство,
Чтоб решить, как взять скорее
У Османа жизнь и царство.

Увидав его, проходит
В свой тайник колдунья злая
И подалее уводит
От ушей рабынь сарая.

Тут, с улыбкою смятенной,
Полной ненависти, мщенья,
Неожиданно смененной
Вздохом, полным сокрушенья,

Молвит: «Чин какой, гляди ты!
Беглербег — чего важнее!
Златом чин свой напиши ты
И ко лбу приклей скорее!

Иль обет, чтоб был послушней,
Дилавер с тебя взял, воин?
Он когда-то быть в конюшие
У тебя не был достоин!

Иль обет повиновенья
Взял с тебя Осман-властитель?
С твоим сыном без зазренья
Он блудит, твой оскорбитель.

Обольщаешься напрасно,
Что твой чин тебе награда;
Ведь его цена ужасна:
В нем позор родного чада.

Ты подумай, честь какою
От бесчестных дел бывает!
Ведь нечистою водою
Грязь никто не отмывает.

Может, царь тебя своею
Манит хитрой простотою?
Он тебя с венцом на шее
Вмиг возвысит над землею.

Ах, Даут, ты мнишь напрасно,
Чин тебя, мол, возвышает!
Нет! Главе твоей всечасно
Сабля мщенья угрожает.

Помни: царь — дитя большое,
Сменит он легко решенье,—
То одно, потом другое —
Он, как лист, всегда в движенье.

Коль начнет искать причины,
Их всегда найдет довольно,
Чтоб теснить тебя безвинно
Иль убить, иль ранить больно.

Враг опасен затаенный.
Он с успехом поздравляет,
Превозносит, к лести склонный,
А потом тебя свергает.

Если мыслишь (мысль — пустая!):
Царь тебя опять-де славит,—
Знай же, рана, зарастая,
Явный след всегда оставит.

Оскорбил тебя, обидел
Он, заносчивое чадо.
Всяк о том твердил, кто видел,
Все, кто надо и не надо;

Говорилось и писалось
Здесь и в землях всего света.
Ты же мнишь, что даже малость
Служит платою за это?

Ты ведь царский зять, а ране
Был наместником. Тебе ли,
Кто всех выше был в диване,
Вдруг столь низко пасть велели?

Так проснись, очнись скорее
Ото сна, от сонной власти!
Время! Встань, убей злодея!
Счастье ждет, лови же счастье!

За тобою выйдет смело
Войско в полной своей силе.
Ты не медли, делай дело,
Что когда-то мы решили.

Сына мне верни, а вместе
Царство, жизнь себе и славу.
То, что отняго в бесчестье,
Ваше это все по праву.

Сын мой пусть получит снова
Свой престол. Иди скорее!
Иль не слышишь счастья зова?
Так спеши и будь смелее!

Вместе с войском много сможешь,
В нем могущества причина,
С ним царя ты уничтожишь,
Мне вернешь из ямы сына.

Лишь подумай: в нашей воле
Будет мстить без промедленья!
Братьев всех его заколем
Тотчас мы без сожаленья.

Вызволь ты царя-святого [11],
Мне — другое делать надо;
Ближе мне дитя зятево,
Чем все пасыковы [12] чада.

Род Османов завершится
Мустафой на этом свете.
Если с жизнью он простится,
Будут править твои дети.

Женщин он и не увидит,
Чтобы плод иметь невинный.
Чад твоих он не обидит:
Ты ведь зять его единый.

Взял его сестру ты в жены;
Сын твой — сестрич [13] его родный.
Он одни (на то законы!)
Дядин трон займет свободный.

Мустафа, в живых доколе,
Будет только в царском звание:
Править будет наша воля,
Суд вершить и наказанье.

Будут с ним всегда на троне
Власть моя, твоя десница;
Сутью (дело не в законе!)
Будешь царь ты, я царица.

Так ступай же веселее,
Ссорь, бунтуй всех неустанно,
Устремись стрелы быстрее,
В силу верь, во власть обмана!

Чтобы власть обресть над миром,
В средствах много не стесняйся:
Поклоняйся всем кумирам,
Даже быть святым старайся!..»

Словно ветер беспокойный,
Что сквозь лес опавший мчится,
Средь дерев дубравы стройной,
Где давно огонь таится,

В ней мгновенно вызывает
Дым и, пламя раздувая,
Все палит и все сжигает,
К небу столб огня вздымая,—

Так Даут на эти речи
Вспыхнул, ране распаленный.
В мыслях он, готовый к сече,
Колет, рубит, озлобленный;

Отвечает: «Ради трона
Буду действовать, как знаю.
Веры мне не жаль, закона,
Правду тоже отвергаю.

Ах, приди же, миг угодный,
Пусть и войско все узнает,
Как почтенный и свободный
Человек царям отмщает.

О делах излишни речи,
Кто речист, для дел устанет.
Ну, прощай до новой встречи.
Мустафа султаном станет!

Я без страха и сомненья
Завтра царством завладею!»
Он, исполненный решенья,
Ветра кинулся быстрее.

И ушел... Но ей не станет
Ни покоя, ни забвенья.
Жаждет: пусть скорей настанет
День мечты ее свершенья.

Каждый час ей веком мнится,
В миге каждом вечность видит,
Упованьями томится,
Жизнь без трона ненавидит.

Но размыслив, понимает:
Долог путь мечты свершенья.
Сердце вновь тоска сжимает,
Застывает, вся в смятенье

(Так у речки над ольхою
Два противных ветра вьются;
То туда под силой злою,
То сюда все ветви гнутся).

Отдохнуть хоть миг желая,
К изголовью припадает,
Вдруг, вскочив и замирая,
Муки пот с чела стирает.

Что-то вспомнит и застонет
От тревог, тоски сердечной,
Видит свой конец и тонет
В тьме, в пучине бесконечной.

Тихой шествует стопою,
После — шаг свой ускоряет.
На челе видны чредою
Мысли, что в душе скрывает.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Уж звезда любви [1] прекрасной
Небо светом озарила,
Сняв ночной покров неясный,
Лик земля уже открыла.

В золотых пеленках чадо —
День заря несла рожденный;
На совет спеша, отряды
Шли толпою возмущенной.

Старцев звали многодумных,
Судей с ними в ряд сажали,
Знатоков законов умных,
Тех, что боле прочих знали.

Их пытали: «По закону
Как правитель отвечает,
Если трон, казну, корону
В град иной свезти желает?

Как за то ответит, дале,
Царь наш, что забыл о чести
И трех жен в своем серале
Держит, правя с ними вместе?»

Те в ответ: «Никто не знает
В прошлом случая такого.
Тот не царь, кто попирает
Всех законов старых слово».

Знатоков законных правил
Тот ответ Даут услышал,
Место он свое оставил,
Речь держать пред войском вышел.

И ужасное коварство
В голове его родилось:
Пусть погибнут мир и царство,
Лишь бы месть осуществилась!

Вспомнив боль обиды старой,
Он все более ярится:
Лишь бы сгинул недруг ярый,
Пусть потом хоть что случится!

И как гром из тучи черной
Вниз перуны посылает,
Он потоки лжи позорной,
Гнев и злобу извергает.

И куда,— не знает даже,—
Ярость движет им большая!
Взором злым в жестоком раже
Мечет пламя, рать сзывая:

«Хватит этой мертвечины!
Будем мы терпеть доколе
Зло и смерть, и мы ль повинны
Жить в плену, не зная воли?

Что вы медлите и ждете?
Встаньте, действуйте смелее!
Вы вождя во мне найдете.
Свергнем это бремя с шеи!

И какой совет вам надо?
Собрались, чтоб ждать,— доколе?
Ждете вы, покуда чадо
Нас порубит и поколет?

Это чадо и не знает
Цели жизненной верховной,
Им лишь ветер управляет,
Нет в нем крепости духовной.

Прихоть им всегда владеет,
Он законы не приемлет,
Слушать злой совет умеет,
Ну а доброму не внемлет.

Посадил на трон с собою
Три царицы, три рабыни
И, плененный их красою,
Их рабом стал сам отныне.

Он о личном состоянье,
О деньгах печется боле,
Чем об общем процветанье,
О войсках, о нашей доле.

Был ли царь, чтобы оставил
Рать свою без поощренья,
К старой плате б не добавил
Дара, кончивши сраженье? [2]

Ах, припомните, Османы,
Вы, кому султаны имя:
Всех героев, люд избранный,
Звали вы детьми своими! [3]

Не скрываясь, всех их ныне
Царь жестокий убивает,
Ваши все поправ святыни,
Те, что каждый почитает.

Тех детей на смерть и горе
Всюду водит он с собою;
Глад на суше, жажду в море
Терпят, голые зимою.

Каждый вспомнит со слезами
Прошлый бой, когда без счета
В нем под ляшскими мечами
Гибла конница, пехота.

Злой ребенок своенравный,
Царь бойцов собрал с полмира;
Рать сгубил и трон державный
Он с жестокостью вампира.

На глазах у всего света
Страшный ужас приключился:
Полумесяц Магомета
Пред святым крестом склонился.

Без юнаков опустели
Все краины и державы,
Матери осиротели,
Пали их сыны без славы.

Без детей и пропитанья
Старцы век свой доживают,
И сестер слышны рыданья —
Мертвых братьев поминают.

А невестки все вдовицы,
Деверей, мужей лишились.
Все живые уж в темнице
В тяжком рабстве истомились.

Лучших юношей нет боле —
Все убиты казаками,
На молдавском служат поле
Пищей птицам со зверями

И лежат без погребенья,
Над костями ветры воют,
Топчет стадо, вод теченье
Моет их, дожди их моют.

Перед польскими мечами
Эти воины бежали,
И предметом мести сами
Своего султана стали [4],

В муках умерли позорных.
Вместо них собрал до срока
Он воров, арапов черных,
И разбойников с Востока,

Взяв их вместо янычаров;
В спахоляне взял злодеев —
Персиянских граничаров [5]
И дербекских блудодеев [6].

Но иначе, чем стремилась
Сделать это злая воля,
Саблей нашею решилась
Участь общая и доля.

В пораженье рать повинна:
Молод царь и жизнь не знает.
Но ошибок — в нем причина;
Всех он нас отягощает.

Виноват и тот меж нами,
Кто царю обманно клялся [7].
На Днестре наш бой с врагами
Потому и не удался.

С той поры и знаки рока:
Силы неба нам грозятся [8],
Ах, Дракону ли Востока
С северным Орлом тягаться?!

Турки прежде славны были,
Ныне имя их — срамное,
С той поры, как наделили
Люди саблей чадо злое.

Мы его не выбирали:
Мустафа — вот царь над нами,
Мы ему лишь присягали,
Выбран он одни войсками.

Мы к великому позору
У Османа в подчиненье,
Мустафа же в эту пору
Жизнь проводит в заточенье.

Нет того, кто бы поднялся
И открыл бы дверь темницы,
Чтобы снова день занялся,
Как на трон он возвратится.

Мустафу, царя святого,
Богом избранного, надо
Посадить на трон нам снова
И немедля свергнуть чадо.

Так за мной, кто жить желает,
Кто за нас — иди за мною!
Всем нам сабля угрожает!
Быть хотим под Мустафою!

Призываю всех: спешите
И насильника свергайте!
Всех, кто против нас, секите
И с дороги устраняйте!

Но зачем я убеждаю!
Вы понять должны и сами:
Я к оружью призываю,
Бить, давить, кто встал пред нами...»

Как под ветром моря чрево
Поднимается волнами,
Так раздут был пламень гнева
Ядовитыми речами.

Все в смятенье. Нарастает
Шум, и каждый с войском вместе,
Как огонь живой, пылает
И кричит, взывая к мести;

С острой саблею в деснице
Крови требует и мщенья,
«Пусть,— кричит он,— удалится
С трона царь без промедленья!»

Всех Даут их возглавляет,
Увлекая за собою,
И ведет, куда желает,
Без порядку и без строю.

С сердцем, дерзостью объятым,
Скачет, ветер догоняя,
К дилаверовым палатам
Быстрый скок свой направляя.

Подтвердилось чье-то мненье,
Что визирь сюда укрылся,
После первого смятенья
Здесь он с войском затворился.

Дом визиря окружает
Сад с оградою прекрасный,
Средь которой дом сверкает,
Словно в перстне камень ясный.

Он стоит на возвышенье,
Сверху — женские покои,
А все это в окруженье
Стен огромных, ждущих боя.

Прочен стенами своими,
Что твердыни вид являют,
Но прочней людьми своими,
Что охрану составляют.

Стены белые твердыни
Дом доселе окружали,
Окружен стеной он ныне
Из огня и грозной стали.

К этим стенам всего прежде
Шел Даут с мятежным войском,
Подступал к стенам в надежде
Взять их приступом геройским.

Он кричал, грозил в гордыне:
«Я Осмаиа обесславлю!
Дилавер, тебя я ныне
Преклонить главу заставлю!

Скройся ты хоть в лес и горы,
Под землей и в бездне адской,
Не уйдешь от смерти скорой
И моей руки юнацкой!..»

И как только эти крики
Все юнаки услыхали,
Устремились, злы и дики,
Бить врата и стены стали.

Но из тучи стрел летящих
Сверху черный дождь пролился,
Град камней, насмерть разящих,
Ядер грозных град спустился.

Тучи стрел и град калеиый
Вииз летят, и бой вскипает.
Над главою щит перёиый
Каждый воин поднимает.

Кто на стену первым всходит,
Первым вниз летит и снова
Лезет вверх и смерть находит
От удара рокового.

Смелый Куркут увлекает
Черногорцев за собою.
Где стеиа свой верх снижает,
Встречеи он огня стеною.

Црмиичаиин [9] Ризван в рвеиье
С Пивой, Тарой [10] в бой стремится.
Тесеи путь для отступленья:
Град камией навстречу мчится.

Над Элезом тучей стрелы,
Мечет молнии очами,
Кровь дождем, но люди смело
С ним взлетают над стенами.

А Мурат из Дукли [11] старой
И Абдия, сын краинный [12]
(Дверь рубили с силой ярой),
Смяты враз стеиой стариной.

А Джафера и Селима,
Что поджечь врата хотели,
Облили смолой средь дыма,
И оии тотчас сгорели.

Угрии Иса [13] уж поднялся
И на верх стены вступает,
Но главою вниз сорвался —
Дилавер его сшибает

И с единого замаха
Разрубает (вот удача!)
Из Улциия [14] Мемишаха,
С иим Пиралию из Драча [15].

Два пирата те взлетают
Быстро на стену, как птица,
В лоб удары их встречают,
Им залив мозгами лица.

И в крови в преддверье гроба
Сверху падают и стонут.
Перед смертью мыслят оба,
Что в пучине моря тонут;

Так всевышний в назиданье
Всем злодеям шлет виденье:
В час предсмертного страданья
Видят место преступленья.

Нехан сербин приложился,—
Тетивы до щек хватило,—
Но, прошит ядром, свалился,
Все лицо насквозь пробило.

Арнаута [16] Суфликара,
Что взмахнул копьем, взъяренный,
От копья постигла кара:
Он упал, копьем пронзенный.

Дилавер один с врагами,
Охраняя пушку, бьется.
Сотни трупов под ногами,
С сотней он один дерется.

Вихря быстрого сильнее,
Он повсюду поспевает,
Ломит, рушит, зверя злее,
Руки, ноги отрубает.

Он один в открытом месте,
Страшной смерти не боится,
Смерть же, полна жажды мести,
Вкруг главы его кружится.

Словно молния, сверкает
Он в потоке ливня с градом.
Сколь оружья вкруг взлетает,
Все оно ложится рядом.

Трижды войска вал мятежный,
Подходя под стены, бился,
Столь же раз он, безнадежный,
Из-под стен назад катился...

Мнишь порой, что безвозвратно
Берег скрыт волиой,— сипжаясь,
Вал, глядишь, бежит обратно
И мелеет, разливаясь.

Как волна морская с ревом
Возрастает, убывает,
Вал мятежный в рвеиье иовом
Наступает, отступает.

Тут и Дервиш Арбанасин [17]
(Спахолян был он главою)
С острой саблей, зол, ужасен,
Закричал перед толпою:

«Кто не воины, а бабы,
Мусор, срам, пусть сразу скажет.
Все за миою, мы не слабы!
Путь рука моя укажет!»

Прокричав слова такие,
Балку вывернув большую,
Он спешит, а с ним другие,
Рушить стену крепостиую.

В его сердце нету страху,
Даже смерть он отвергает,
А рука бревном с размаху
Стену бьет и разрушает.

Все бойцы, народ отмеиный,
Рвутся в помощь, поспешая,
Страшный ствол стучится в стены,
Все сильнее их ломая.

Уж Алия, камнем сбитый,
Пал, с главою размозжешюй;
Дурак пулей пал убитый
И Мехмед, копьем пронзенный.

Пал Ресуль с главою смятой,
Камень смял Омера-джина [18],
Пал от стрел Бечир проклятый,
Очи вон — у Хусеина.

Валит камень и Реджепа,
Лезет вон его утроба.
Много их, живых, без склепа
Здесь нашли подобье гроба...

Словно старый дуб в ненастье,
Вихрь когда его сгибает
И, обрушившись со страстью,
Ветви крепкие ломает,

Сам стоит, а вкруг ложатся
Листья, ветви, ниспадая,—
Так же не хотят поддаться
Стены, натиск отражая.

И куда ни бросишь взоры —
Люди вкруг лежат рядами,
Мертвецов безгласных горы,
Кровь везде и дым клубами.

Только Дервиш не страшится.
Он с бойцами, всей толпою
Стену выломать стремится,
Бьет в нее большой сосною.

Постепенно начинают
Стены трескаться, ломаться,
Щель удары расширяют,
Так что можно внутрь прорваться.

Турок, силу прилагая
(Враг не смог оборониться),
В щель протиснулся, сжимая
Саблю острую в деснице.

Вслед за ним спешат другие
В тот пролом, но выбегают
Прочь оттуда, а иные
Смерть в проломе обретают.

Так никто и не прорвался.
Турок полон сожаленья
И хотя один остался,
Не сменил свое решенье.

Не дрожит и не страшится,
Но, жестокий, рвется к бою,
Саблю жадную стремится
Кровью напоить людскою.

И пробившись внутрь, могуче
Рубит он одним ударом
Вплоть до пояса Уруча
С силой злой и рвеньем ярым.

Курту лик он рассекает,
Бьет он насмерть в грудь Мемию,
Отмаиу главу снимает
И сечет Якупу выю.

Сараевца [19] Сулимана
Он сечет, догнавши, в шею
(Тот, торгуя неустанно,
Стал богат казной своею

И не знал иной святыни,
Чтил доход, к деньгам стремился,
И к визирю он доныне
Из корысти прилепился.

Он царю, пашам одежду
Поставлял, купец богатый,
И сбывал их мысль, надежду
Разным царствам, соглядатай.

Соглядатайством и златом
Жизнь не спас, хотя и дрался,
Очень быстро стал богатым,
Но быстрей со всем расстался).

Дервиш, встав ногой на тело,
Снова руку подымает,
Быстрой саблею умело
Грудь он Бегу рассекает.

Бег был мальчик светлоокий,
Миловидный, взором кроткий,
Враг же нрав имел жестокий,—
Бой меж ними был короткий.

Взор красоты привлекают
Вод прозрачных и студеных,
Что с журчаньем протекают
Средь цветов в лугах зеленых.

Но когда своей стопою
Стадо их касаться станет,
Вмиг расстанутся с красою,
Тотчас вод краса увянет.

Так и юноша цветущий,
Как цветок, красы созданье,
Всех лицом своим влекущий,
Вмиг увял, приняв страданье.

Герцеговца [20] Ибрагима
И боснийца с ним Синана
(Два любимых побратима!)
Тоже здесь настигла рана:

Смерть бойцов и пораженье
Побратимы увидали,
Как один, в одно мгновенье
Враз на Дервиша напали.

Сабли разом обнажили,
Подступив движеньем смелым,
Равны в смелости и силе,
Равны рвением и делом.

И хотя сердца их вместе
Дружба воинская слила,
Развела их смерть из мести,
Сила силу победила.

Дервиш злой десницу рьяно
Ибрагиму отсекает,
Руку левую Синану,
Щит на части расшибает.

Не себе — для Ибрагима
Синан саблю сберегает,
Ибрагим же побратима,
Щит схвативши, защищает.

Этот жизнь того, другого,
Больше, чем свою, лелеет
И себя, а не второго
В жертву смерти не жалеет.

Наконец, удар сражает,
Насмерть валит Ибрагима;
Жаль ему, что умирает,
Оставляя побратима.

И когда, в тоске и горе,
С побратимом он расстался,
Побратим со смертью вскоре
Тоже в муках повстречался.

Ну а турок среди бою
Мертвецов не замечает,
Саблей он перед собою
Путь кровавый расчищает.

Дилавер, заметя вскоре,
Кто бойцов его стремится
Всех сгубить, с грозой во взоре
Подбежал, чтоб с турком биться.

Он следил на расстоянье;
Слыша боя шум, стремился
Отогнать Даута ране,
Что в воротах тщетно бился.

Говорят, Даут тогда же
От визиря, как передний,
Рану принял в страшном раже,
После в ряд ушел последний.

Дилавер, воитель славный,
С гневом яростным взирает,
Как его противник главный
Столь урона причиняет.

Он кричит: «Смотри, отступник,
Как наместник мстить умеет
И как он, царя заступник,
Покарать лжеца посмеет!»

Сабля молнией сверкает,
Голос — гром; рукой своею
Вихрь визирь изображает,
Смерть замахом каждым сея.

Дервиш тяжесть всю удара
Взял на щит и начал биться;
Сабля искры мечет яро,
Тоже молнией кружится;

Пеной в ярости исходит,
Слыша, как его ругает
Дилавер. Ответ находит,
Но от гнева речь теряет.

Саблю взявши в руки обе,
Над главой подняв, ярится
И, обрушив в дикой злобе,
Смерть врагу послать стремится.

Но визирь тут отступает,
А удар, его жалея,
Прямо в землю попадает,
Приковав к земле злодея.

Тот прыжком вперед подался,
К шее вражьей саблю тянет,
С криком, чтобы тот сдавался,
Ждет: просить пощады станет.

Но другой, отбив своею
Саблей саблю, восклицает:
«Как я саблею владею
Да и словом, враг узнает!»

Тот второй удар направил,
Град ударов шлет обильно,
Дервиш снова щит подставил,
Сильно битый, бьет он сильно.

Бой жестокий и кровавый
Между ними долго длится.
Каждый смертною расправой
Неприятелю грозится.

Неприятельскую руку
Оком враг подстерегает;
Каждый взмах руки без звуку
Скок ноги сопровождает.

Взад, вперед и во все страны
Быстро движет щит десница,
Вражью хитрость и обманы
Упредить она стремится.

Знай, что если сабля взвилась
Над главой, то в иоги метит.
Если в ноги устремилась,
Знай, главу удар отметит.

Поединок собирает
Толпы воинов, и каждый
Против Дервиша пылает
Гневом и убийства жаждой.

«Руки прочь! — визирь взорвался,—
Он моей достоин кары!»
И чтоб тот в живых остался,
Все берет на щит удары,

И врага он защищает,
На себя удары ловит,
Жизнь спасти тому желает,
Смерть кому он сам готовит.

Ну а смелый Дервиш знает:
Сделал все он в том сраженье,
Бой дальнейший обещает
Смерть ему иль пораженье;

Саблю вкруг главы вращая,
Пробивается он силой,
Сквозь оружье отступая,
Разрывает круг постылый.

Ну а дальше так случилось:
Там, где верх стены снижался,
Прыгнув вниз, судьбе на милость,
Меж своих он оказался.

Дилавер же удивленно
Закричал: «Ах, так, несчастный!
Ты, чтоб вверх взойти, до троиа,
Сделал вниз прыжок опасиый?»

Дервиш злобится сильнее,
И кричит он в возбужденье:
«Чтоб возвыситься вернее,
Польза, честь в таком падеиье!

А вот ты падешь,— грозится,—
Так, что более не встанешь.
За стеной тебе не скрыться,
Под землей визирем станешь!»

Тот в ответ: «Ты лжешь, неверный!
Все дела свои я знаю,
Как слуга царю примерный
Я свой счет с тобой сквитаю».

А гордец: «Проверь примером,
Сколь мое правдиво слово!»
Чтоб схватиться с Дилавером,
Он на стену лезет снова,

Но Дауг его хватает:
«Потерпи еще хоть мало,
Скоро,— молвит,— он узиает,
Чье уже господство пало.

О герои, все за мною!
Как один, вперед же, биться!
Если справимся с главою,
То ногам от нас не скрыться.

Чтоб скорей все это сбылось,
Ждать не долго нам осталось.
Все за мной, пока не скрылась
Птица [21], в клетку что попалась!»

Кончив речь, остановился;
Как дракон, огнем пылая,
Он немедля устремился
Рушить, жечь врата сарая.

И к палатам устремляясь,
Схож с потоком он весною,
Что летит, со скал срываясь,
Камни вниз неся с собою.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Где Византий [1] был когда-то,
Ныне стен видна громада:
То трехстранная палата
На окраине Царьграда;

К морю Белому [2] выходит
Стороной одной; другою
В Черное, а третьей сходит
В бухту Пресных вод [3] стеною.

Всюду башни боевые
Ту палату окружают,
Смертоносные литые
Пушки стены охраняют.

И со всех сторон ворота.
Их никто открыть не смеет,
Лишь когда царем охота
В море выйти овладеет.

Но один, что посредине,
Всех просторнее и боле,
Открывают вход твердыни
В исполненье царской воли.

Сверху надпись есть из злата
Меж узорами литыми,
Как Османов дом когда-то
Взял у греков трон и имя:

«Создавал своей рукою
Константин твердыню эту.
Константии ее с главою
Сдал под саблю Мухамету [4]...»

Башня на вратах при въезде.
Прямо площадь (не промчится
И вельможа на коне здесь).
Справа высится больница.

За вратами есть другие,
Что во двор ведут прекрасный.
Проскакать сквозь те, вторые,
Может только царь всевластный.

В кипарисной роще, прямо,
Водных струй журчанье льется,
Из фонтана в виде храма
Тихий звон их раздается.

А колонны, вставши кругом,
Верх беседкою венчают.
Стражи гордо друг пред другом
Здесь одеждами блистают.

Под навесом, Сулейманом
Из Будима привезенным,
Янычар глава с кораном
Восседает в месте оном.

Тут же, справа, на просторе
Девять кухонь видны кряду:
Им несут земля и море
Дань обильно, как в награду.

А налево видит око
Стойло скакунов царевых.
Цвет коней всего Востока
В нем представлен, в бой готовых.

И в надстройке, что венчает
Стойла верх, хранится сбруя:
Златом, жемчугом сияет,
Ярким блеском взор чаруя.

Прямо — можешь очутиться
В месте строгом и пространном,
Где турецкий суд вершится.
Место то зовут «диваном».

Рядом — ризница. Надежно
Царь свое хранит в ней злато.
Слева двери видеть можно —
Это женская палата.

Дальше встанут пред очами
Те врата, что называют
Турки «царскими вратами»,—
Двор царя они скрывают.

Здесь все стражи белы телом.
Там же — черные собою.
Дан начальник белый — белым,
Черным — черный дан главою.

Всяк, на двор царя входящий,
Тотчас место замечает,
Где владыка предержащий —
Царь — посланцев принимает.

Дале, в зелени тенистой,
Плод осенний виден вечный
И цветок весенний чистый.
Здесь покой и мир беспечный.

Храм султана рощи эти
Красотой своей венчает.
Ничего на целом свете
Глаз приятнее не знает;

Все, что создано мечтою,
Человеческими снами,
Очарован красотою,
Можешь видеть в этом храме:

Златом пол покрыт, на стенах
Драгоценный светит камень,
И на все лучей нетленных
Звезд и солнца льется пламень.

Север, юг и запад тоже,
И предел восточный света,
Красоту вещей умножа,
Создавали благо это.

Эти вещи все словами
Не оценишь — слов не хватит!
Тот, кто ценит их речами,
Понапрасну речи тратит...

Здесь во всех местах стояла
Стража, входы охраняя.
Войско двинулось сначала,
Чтобы взять врата сарая.

И привратников, что были
И сражались у порога,
Всех мятежники побили:
Стражей мало, войска много.

В злобе всех уничтожали,
Никого не оставляя,
И тела их загоптали,
Путь кровавый пролагая.

Дилавер же мысли верен,
Что недаром он хлопочет.
Он вести борьбу намерен,
Дать отпор злодеям хочет.

И визирю ясно было:
Бунт не только не стихает,
Но, напротив, бунта сила
С каждым часом возрастает.

Слышал он, как стая злая
С дикой злобой нападала,
Чтоб сломать врата сарая,
Стражей секла и топтала.

Потому он ждать не станет...
За себя и град боится,
Прежде чем беда нагрянет,
Отвести ее стремится.

И визирь собрался вскоре
С видом дервиша [5] в дорогу,
Чтоб царю на Черном море
Анатольцев [6] звать в подмогу.

Нагота его укрыта
Только шкурою звериной,
Ложка с тыквой [7] не забыта
И дорожный посох длинный;

Носит имя персиянки
На челе (судьба писала!),
Той любимой полонянки,
Что собой Восток пленяла.

Чтоб красой Бегумы [8] взоры
Усладить, не раз стремился
В дальний путь король, который
В Индии златой [9] родился.

Где донской исток струится,
Из земель полночных, тоже
Красотой ее дивиться
Приезжал младой вельможа.

Прослыхав о солнце-чуде,
Молодцы сюда спешили
С Новой той Земли, где люди
По шесть лет без солнца жили [10].

Дева сладостиым насильем
(Власть молвы и славословья!)
Воцарилась над Васильем,
Над царевичем Московьи.

Рек преграда ледяная
Татархана не укрыла:
Среди льдов он жил, сгорая —
Столь любви огромна сила!

Ну а больше всех томился
Хайдер [11] (чувства сколь велики!),
Больше всех к ней он стремился,
Сын персидского владыки,

Чтоб в пленительном покое
От трудов почить и шуму.
Он иевестой и женою
В песнях чтил свою Бегуму,

Новым солнцем называя
(Лик ее изображеииый
Увидав), о ней вздыхая —
Королевич, перс влюбленный.

И плеиен своей святыни
Красотой веселой, яркой,—
«К нам с иебес сошла богиня,—
Говорил со страстью жаркой.—

Милый образ иепорочиый!
Пламеиь твой меия сжигает.
Будь богииею восточной,
Солнцем, что в иочи сияет!

Если мертвая картииа
Так меия зажечь умеет,
Как же лик живой невиинно
Страсть любви во мне посеет!

Прядь твоя златая — радость,
Как заря, чело сияет,
Очи — солнце, лик же сладость
Дня благого обещает.

Все в тебе. И устремляюсь
Я к тебе чрез все препоны,
Лишь тебе я поклоияюсь,
Ты — веиец моей короиы!»

Так в страдаииях безмериых
Королевич-перс томился,
Взяв друзей отбориых, верных,
Полон славы, в путь стремился.

Дилавер же тут с младою
В путь уходит. Плеиник страсти,
Он рабыней дорогою
Горд, любви отдавшись власти.

Зиая, что повсюду вести
Разнеслись о ией, прекрасиой,
Ои спешит уйти с ней вместе,
Чтоб не отиял враг опасный.

Видя, сколько бед случилось,
Залилась она слезами,
Все лицо ее омылось
Слез горючих жемчугами;

Словно ими поливает
Розу пышную, лилею.
Красоту свою ругает,
Деве только горе с нею:

«Мать моя ты проклятая!
Ты зачем меня родила?
Я живу, лишь беды зная,
Красота меня сгубила.

А корона, что ждала я,
В узы рабства превратилась.
Чем же я, краса младая,
Пред судьбою провинилась?»

Королевич это слышал,
Дилавера призывает,
Чтобы к бою с саблей вышел —
Пусть она их спор решает;

Говорит ему: «Юнаки
Не ведут тайком разбою.
Посмотрю тебя я в драке,
Что за витязь ты собою!»

Турок молвил, скрыв волненье:
«Не разбойного я рода,
Я пришел в твои владенья
Как султанский воевода.

Ты рискуешь головою,
В бой с тобой и я стремлюся.
Сколь ты ни готовься к бою,
Боя я не убоюся.

Я с рабыней своею
На рассвете выйду в поле;
Тот навеки будет с нею,
Чья счастливей будет доля».

Так они договорились,
Поклялися клятвой смелой,
Взором в небо устремились,
Ждут, как день наступит белый...

Уж заря ключем из злата
Открывать восток спешила,
Чтоб над всем, что сном объято,
Вышло жаркое светило.

Вот дружина боевая —
То охрана Дилавера.
Стан с другого виден края
Королевича Хайдера.

Поле ровное широко
Между ними пролегает,
Сверху солнечное око
Место боя созерцает.

В бой смертельный турок смело
На врагом кое стремится,
На кое своем на белом
С ним Бегума рядом мчится.

Белый в яблоках гарцует
Под Хайдером конь могучий,
Силу недруга он чует,
К нападению ждет случай.

Бой Бегуму устрашает.
Вот герои повстречались,
Дилавер копия вздымает,
Копья, встретившись, сломались.

Из-за пояса хватая
Сабли, воины столкнулись,
Поразить врага желая,
Друг на друга замахнулись...

Так быки в любовной страсти
Сотрясаются от рева
И хотят в бою на части
Разорвать один другого;

В гневе шеи пригибают,
Страсть любви зовет их к бою,
И друг другу угрожают
Витороrою главою.

Самкс, что глядит из стада,
Боя страшного причине,
Спор самой решать не надо,
Кто владеть ей будет ныне.

Битва спор любви решает
Персияяца с турком тоже.
Дева смотрит и не знает,
Завладеет ею кто же?

Быстро острые булаты
Град ударов рассыпают,
Как огонь, сияют латы,
Искры из щитов сверкают.

Руки всадников умелы,
Крепкий повод держат туго,
Кони, быстрые, как стрелы,
Наступают друг на друга.

Сходство полное по силе,
По сердцам и рук упорству
Два юнака проявили,
Приступив к единоборству.

Их щиты и латы целы,
Крови капли не пролилось,
И бойцов оружье смелых
Кровью их не обагрилось.

Наконец, Хайдер, сражаясь,
Руку турку поражает,
Тот, от раны разъяряясь,
Щит с усильем поднимает.

Правит гнев его душою:
Он ярится и бушует,
Как дубы в лесу зимою,
Если вихрь холодный дует.

Сколько сил еще хватает,
В стременах он укрепился,
Нанести удар желает
Так, чтоб жизни враг лишился.

Но тюрбан, главу обвивший,
Как приказывает вера,
И удар меча смягчивший,
Защитил главу Хайдера.

Он теряет уж сознанье,
Сразу мысли помутились,
В полдень меркнет дня сиянье.
В помощь тут друзья явились.

Тотчас рощи две над лугом
Острых копий вырастают,
Встали рати друг пред другом,
Боя смертного желают.

Дилавер кричать пустился,
Королевича ругая:
«Ты ведь любу взять хвалился —
Вот она стоит, младая!

По Бегуме ты страдаешь,
К ней летишь в мечтаньях страстных
И ее же оставляешь
Средь разбойников опасных!

В битву ты пошел со мною,
Хвастовства бросая слово.
Разгромлю я всех с тобою,
А тебя возьму живого!»

Конь вперед пашу выносит,
Бьет паша без сожаленья,
Как косою, саблей косит
И сечет в пылу сраженья.

Но хоть грозен он собою,
Страха недруги не знают:
Королевича из бою
Персиянцы похищают

И, до градских стен добравшись,
Укрываются за ними.
Турок, с девою оставшись,
Приобрел героя имя.

То о нем поет доныне
Люд во всех краях Востока;
Он красу своей богини
Охраняет пуще ока.

Не рабой — женой без слова
Под его осталась кровом...
Так ловец во время лова
Уловился, став уловом.

В нем теперь все достоянье
Для нее, покой и сила:
Так прекрасное созданье
Верность воину вручило.

И когда на бой опасный
Он идет с врагом бороться,
С ним всегда любви прекрасной
Образ сладкий остается.

Верит он: о милой дума
Победить ему поможет.
Если с ним в душе Бегума,
Всех врагов он уничтожит.

Потому, не забывая
О любимой, с прежней силой,
В край далекий уезжая,
Повторяет имя милой.

Тут мятежникам сказали
Соглядатаи, что скрылся
Он из дому, что вначале
Он монахом облачился.

Спахолии позвав дружину,
В поиск Дервиш устремлялся,
В Черноморскую краину
Вместе с нею отправлялся.

Призывал он: «Кровь и мщенье!
О герои, все за мною!
Наше кончилось терпенье,
Пусть заплатит враг главою!

Словно конь, узду порвавши,
Скачет, ветер обгоняет,
Гневно голову задравши,
Гривой грозно потрясает,—

Так по граду витязь мчится;
Дерзкий, он грозит рукою,
Взором, видом всем грозится,
Не догонишь и стрелою.

Мчится он за Дилавером.
Не догнав в пределах града,
Он настиг его карьером
Далеко от стен Царьграда.

Не смирив еще дыханья,
«Стой! — кричит, грозя очами,—
Бьются не на расстоянье,
Не ногами, а руками!

Ты от страха притвориться
Можешь дервишем, колдуя,
Можешь птицей обратиться,
Все равно тебя убью я!»

Отвечал паша отважный
Пред угрозою такою:
«Как и раньше не одиажды,
Ты поплясешь предо мною!

Ну и витязь! Отличиться
Хочешь, подвиг тебе нужен!
Рать привел со миою биться,
Я ж один и безоружен!..»

Как в лесу, когда взъяренный
Вепрь из чащи выбегает,
Злыми псами окружеиный,
В круг облавы попадает;

Ощетинясь, огрызаясь,
Он клыками всем грозится,
Так что, смелости лишаясь,
И ловец его боится;

Крепко встав, их взглядом меря,
Вепрь удара ожидает,
Но никто, страшася зверя,
На него ие нападает,—

И визиря так страшатся
Те, что трону измеиили:
Он стоит, готовый драться,
До коица уверен в силе.

Каждый саблю обнажает,
Каждый смерть ему готовит,
Но никто ие иачинает
Первым бой, желая крови.

Тот за посох свой схватился,
Грозный, злой, готовый к драке,
И иемедля устремился,
Где скопилися юнаки.

Словио сокол, если стая
Птичья вдруг его окружит,
Когтн, крылья в ход пуская,
Он, сражаясь, в иебе кружит:

То одну ударит сильно,
То нацелится в другую,
Сыплет перьев сиег обильно,
Кровь росою льет чужую,—

Так визирь, паша могучий:
Он повсюду поспевает
И ударов град летучий
Сыплет — бьет, уиичтожает.

Сабли, стрелы, щиты, луки
Вкруг летят, дождь крови льется.
Взяв лишь посох вериый в руки,
Без оружья, как он бьется!

Сеча бьет в висок: недавно
Он младой жене поклялся,
Что свой бой закончит славно,
Взять добычу обещался,—

Долго ждать младой придется!
Глад и стужу испытает:
Кровь из раны мужа льется,
Смерть над ним уже витает.

Словно роза, что, играя,
О заре сорвала вила,
Он увял, и смерть немая
Очи сном ему смежила.

Размозжил главу Велии,
Мозг его на землю льется.
Завершив дела земные,
Он в грязи кровавой бьется.

Так и чесвина [12] младая
Среди лесу засыхает,
Когда вихрь ее, ломая,
С корнем рвет и улетает...

Ферас, целясь издалека,
Хочет лучше приложиться,
Из ружья пашу жестоко
Поразить свинцом стремится.

Ствол ружья тут разрядился
И удар свинца раздался,
Иструф на землю свалился,
Дилавер в живых остался.

Иструф, в Пловдиве [13] рожденный,
Не предвидел злого счастья,
Пал, чужой рукой сраженный,
На чужбине в одночасье.

Очи в небо устремляя,
Тянет руки, будто ими
Кажет, молвит, умирая,
Он родного града имя.

Дервиш смотрит, удивленный,
И потери замечает;
За юнаков устыженный,
С крнком саблю обнажает:

«Как же так могло случиться:
Человек один, без стопа,
Смог от стольких рук отбиться,
Причииив нам столь урона?

Наш позор и наше горе!
Кто когда поверить сможет,
Услыхав о том позоре
Злой рассказ, что люди сложат?

Расступитесь! Мне скорее
Дайте место: покажу я,
Кто из нас двоих сильнее.
И один его сражу я!»

Посох свой визирь бросает —
Дел довольио, нм свершенных!
Саблю, щит с земли хватает,
Что остались от сраженных.

Ногу левую сгнбая,
Ои ступил вперед стопою,
Щит над грудью выставляя,
Весь укрылся с головою.

Саблю взяв в свою десницу,
Рукоять к бедру прижал он,
Острием врагу грозится
Прямо в сердце, словно жалом.

Против Дервиш встал суровый,
Бок открытый охраняя,
Отскочить всегда готовый,
Грудь и бедра защищая.

Прочно левую поставил
Ногу воин разъяреиный,
Локоть в сторону направил,
Выше сабли обнаженной.

Тот тому грозит без слова
И железом целит жадно;
Норовит один другого
Уничтожить беспощадно.

Дилавер ослаб; рукою
Все слабее ударяет.
Левой опершись погою,
Правой выпад совершает.

Дервиш вправо подается
И клинком своим нежданно
Бьет в бедро визиря. Льется
Кровь струей, зияет рана.

Кровь свою тот замечает
И еще сильнее злится:
Гневом так змея вскипает,
Если недруг ей грозится...

Тихо в море, поглотившем
Челн прожорливой волною;
Мирно в небе, сивь открывшем
Ветром бурным и грозою...

В руки, грудь, главу и ноги
Раны он врагу наносит.
Жить паше — часы немноги,
Еле ноги враг уносит,

Ну а этот догоняет
И нещадно бьет, ярится,
Как река, преград не знает,
Что со скал высоких мчится.

Некий себр, злодейства ради,
Видя, помощь Дервиш просит,
Дилаверу тотчас сзади
Роковой удар наносит.

Он в затылок что есть силы
Бьет секирою своею.
Кровь лицо паше залила,
Ниц он в ноги пал злодею.

С голой саблею в деснице
Всяк к визирю подбегает,
Уж толпа на нем теснится,
Пляшет, тело попирает.

Дервиш крикиул, полон мести:
«Ты, что первым был над нами,
Выблюй душу с кровью вместе
И подохни под ногами!»

Но его уже не слышит
Дилавер, воитель смелый:
Умер он, давно не дышит,—
Труп недвижный, охладелый...

Всюду вести полетели,
Что визирь убит. Узнала
То любовь его, на теле
Все одежды разорвала.

Вмиг сошла с лица младого
Роза, белая лилея;
Нет уже цветка живого,
И уста молчат, бледнея.

А очей ее светило
Помрачнело и затмилось,
И чело, что ясным было,
Тучей черною покрылось.

Словно дождь, струей бегущей
Пролилась коса златая,
Дивных персей сад цветущий,
Стыд девичий покрывая.

Разрывается на части
Сердце, полное печали.
Хочет выплакать несчастье —
Голос смолк, слова пропали.

Поднялась, хоть сил лишилась,
Лишь желанием единым
И за город устремилась,
Чтоб проститься с господином.

В том стремлении упорном
Кто сдержать младую может?
Распростерт на поле черном,
Кто ее тревоги множит.

Подгоняема любовью,
К месту боя прибежала,
В мертвеце, залитом кровью,
Друга милого узнала.

Смотрит в ужасе и страхе,
Скорбь не выразить словами:
У насильников во прахе
Их властитель под ногами.

Хладный камень перед нею.
На него она взирает,
Боль становится сильнее,
Сердце слез не источает.

Так, увы, она не может
В плаче выплакать страданье.
Мука сердце девы гложет,
Тяжко ей свое молчанье.

Но в толпе людей жестоких
Дева тоже вызывала
Проявленье чувств глубоких:
Людям деву жалко стало.

Ах, не вызвать в людях боли
Можно ль деве? Всякий знает.
Враг ее помимо воли
Тоже вместе с ней страдает.

И не долго та молчала,
Хоть тоску сдержать стремилась:
Сердце горя не сдержало,
И в слезах оно излилось.

Косы прядями златыми
Вырывает и в страданье,
Выкликая друга имя,
Начинает причитанье:

«Это ль мой дружок любимый,
Моя слава, моя сила?
Где оружье, мой родимый?
Где все то, что прежде было?

Ты души моей покоем
Был, теперь мне нет покою.
Ах, каким тебя пред боем
Я видала и средь бою!

Ой, что вижу я, мой милый!
Как очам своим поверить?
Что с твоею прежней силой?
Жизнь свою кому мне вверить?

Ах, зачем все так обманно?
Вот он, мой властитель славный,
Воин сильного султана,
Дилавер, наместник главный!

Был он первым господином
Моей юности, а ныне
Он лежит в краю пустынном,
Кровью залит, на чужбине.

Будь же проклят час постылый,
Полюбил меня когда ты!
Там — Хайдер остался милый,
Я — в твои ушла палаты.

Захватил меня ты с бою,
Рисковал собой жестоко,
Увлечен моей красою,
Что была мечтой Востока;

Красотою, что познала
Столько бед и столь печали;
В западной ночи увяла
Я, красы мои завяли.

Если ж рок судил с тобою
Мне навек соединиться,
До последних дней рабою
Быть тебе, к тебе стремиться,

Рана пусть твоя отныне
Станет раною моею,
Смерть твоя — твоей рабыни
Будет смертью пусть скорее!

Ты всегда моей прекрасной
И единой был любовью,
Был отцом, душою страстной
И горячей сердца кровью;

Без тебя мне жизни нету,
Благо все мое пропало.
Сирота я без привету
И вдова, что в бедность впала.

Ты же, кем убит обманно
Господин, герой мой славный
Лишь за то, что он султана
Защищал в беде державной,—

Если ты не камень хладный,
Сжалься, сжалься надо мною,
Победитель беспощадный!
Вот он, враг, убит тобою.

Не препятствуй, ах, молю я:
Вместо дара, над могилой
Камень хладный возложу я,
Где лежит супруг мой милый.

Если ж мне иельзя супруга
Хоронить, убей скорее
И меня! Умру за друга
Я под саблею твоею.

Обнимаю твон ноги,
Кто меня оторгнуть может
Прежде, чем мои тревоги
Твое сердце растревожат?

От людей вооруженных
Сможешь ты всегда отбиться,
Копий, сабель, стрел перёных
Твоя сила не боится;

Но несчастье и смиренье
Бедной женщины увидишь —
Неужели сожаленья
Ты ее лишишь, обидишь?

Не затем к тебе взываю,
Чтоб ты мужа мук избавил,—
Умер он, и я страдаю,
Дух его уже оставил;

Но о милости тебя я
Лишь одной к нему молила:
Чтоб собак бродячих стая
Труп его не осквернила».

Смолкла, но родник обильный
Слез ее не иссякает,—
Ждет, смягчится гнев всесильный,
Снисхожденья ожидает;

И жена паши по праву
Беспокойна, знает тоже:
Просьбы подлым не по нраву,
Не моли их, станут строже.

Дервиш тут кричит проклятый:
«Кровь того, кто здесь в сраженье
Пал, довольною расплатой
Быть в моем не может мщенье.

Прочь беги! Мне безразличны
И мужчин и женщин главы;
Мне жестокости привычны,
Сердцу нет иной забавы.

И к чему же снисхожденье!
Ведь покойникова тело
Не доставит утешенья
Для тебя, как ты б хотела.

Тело, брошенное в поле
Псам и птицам на сожранье,
Мук терпеть не будет боле,
Но достойно состраданья.

Не тревожься! Муж твой славный,
Что при жизни мог без лести
Зваться царь второй державный,
Будет погребен по чести...»

И когда про бунт опасный
Царь известье получает
И о том, что рой ужасный
Изменивших возрастает,

Он, от страху поспешая,
В тайном месте скрылся сразу,
В той пристройке у сарая,
От людского скрытой глазу.

Но, увидя, что укрылся
Ненадежно, вышел снова,
В сад к Синан-паше [14] явился,
Здесь ища надежней крова.

Он визиря посылает
К войску буйному из сада
И хадума, что в сарае
Пастырь женского был стада.

Мыслит: войско скажет слово,
Будет спрашивать, грозиться,
Но наместиика царева
Уничтожить побоится;

Пусть оно поразмышляет
И тогда убьет едва ли
Негра, что оберегает
Те сокровища в серале.

А затем уж станет ясно,
Сколь опасно бунта дело:
Будет войско впредь опасно
Или к бунту охладело.

Царь, увидев, как решится,
Путь найдет удобный боле:
С неизбежным согласится
По своей как будто воле.

Но иначе все решилось:
Войско в гневном озлобленье
В своевольстве распустилось
И само нашло решенье.

Те когда пришли послами,
Сабли воины схватили,
У конюшни пред вратами
Их обоих зарубили.

Им о воле о царевой
Донести хотелось вести,
Но обоим речь и слово
С головой пресекли вместе.

А со всех сторон злодеи
Так кричат в своей гордыне:
«Слушай нас, Осман, скорее!
Ты не царь уж нам отныне!

К нам приди как равный к равным
И своими глянь очами,
Как Кизлар-ага с державным
Баш-визирем [15] принят нами.

Не сойдешь к нам сверху боле —
Сами путь наверх проложим,
Но сначала из неволи
Мустафе уйти поможем.

Мустафа, ты избран нами,
Славный царь с душой святою!
Где же ты укрыт врагами?
Все склонимся пред тобою!»

Так кричат и всюду рыщут
В стенах царского сарая,
«Где ты, царь, тебя все ищут?» —
Неустанно повторяя

(Так и конь взбешенный мчится,
Без поводьев, озираясь,
Он храпит, на всех косится,
Никому не подчиняясь).

Всяк боится их. Встречая,
Вышел к ним Шабан [16], дворовый:
Он из всех людей сарая
Злее всех, на зло готовый.

В эту должность, эту службу
Он вступил давно, не ноне.
С Мустафой водил он дружбу,
Тот когда сидел на троне.

Смог он верным оставаться,
Терпеливо ждал без слова:
Все хотел Шабан дождаться
Мустафу на троне снова.

Вскоре случая дождался;
Услыхав о бунте вести,
Указал, где царь скрывался,
Торжествуя с войском вместе...

На краю царева сада
Место есть средь куш хранимых,
Где зверей резвится стадо,
В дар царям преподносимых.

Тут рога олень пугливый
Гордо носит над главою;
Тень, трава, цветок счастливый —
Все страшит его собою.

А за ним, тропой тенистой,
След подруги утомленной.
Ждет их вод источник чистый
Средь дубов, где луг зеленый.

Серна быстрыми прыжками
Скачет, в чаще пробираясь,
И скользит меж деревами,
Среди дубов озираясь.

Вепрь храпит щетиноглавый:
Клык его, как серп опасный,
Око, как огонь кровавый,—
Смертью всем грозит ужасной.

Тут медведь ревет суровый,
Челюсть грозно открывая,
Ежит шерсть, о пень сосновый
Свои когти заостряя.

Воет волк, обжора гадкий,
Озираясь влево, вправо,
До чужой добычи падкий,
Хищник, вор, худая слава.

На свободе рысь шныряет
Там и сям между кустами,
Не бежит она — летает
По деревьям над ветвями.

Слон огромный и могучий
Ног в коленях не сгибает,
Хобот свой трубой ревучей
Вьет, а после расправляет.

Леопард всегда кичится
Пестрой шкуры красотою,
Телом в мать рожденный, львицу,
В рысь, отца, своей главою.

Гневный тигр рычит, жестокий,
И по клетке бьет сердито,
Круглоглавый, желтоокий,
Шкура пятнами покрыта.

Гордый лев, зверей владыка,
Гривой желтой потрясает,
Сила бешеного рыка
Власть владыки подкрепляет.

Тут зверей и прочих много,
Видом, именем различны.
Лес, пещерная берлога
Были сроду им привычны.

Здесь мятежники открыли
Яму между деревами,
О которой все забыли,
Всю заросшую кустами.

Все сюда пришли толпою
За Шабаном. Обращает
Взор он к воинам с мольбою,
Руки горестно ломает

С криком: «В этой, здесь, могиле
Мустафу, царя святого,
Ото всех живым укрыли;
Дайте ж волю ему снова!»

Вкруг срубив кусты густые,
Яму мрачиую открыли,
Но края ее крутые
Вглубь сойти их ие пустили.

В яму сбросили веревки,
Где живым их царь томится.
Те, кто был младой и ловкий,
Захотели все спуститься.

Но Даут их отстраияет.
Вииз сойдя с двумя друзьями,
По веревке подиимает
Вверх царя, страдальца в яме.

Весь обросший, одичавший
Мустафа иа свет явился,
Бледиый, грязный, исхудавший.
Взор его давио затмился.

Слова молвить был не в силе,
Сник главой, уста дрожали.
Руки вериые лечили
Мустафу и ободряли.

Есть на площади средь града
Три мечети; город крася,
Белостениая громада
В иебо гордо вознеслася.

В стены средней здесь мечети
Бережно его вносили,
А войска и стены эти
Ночью верным стражем были...

А к Османну той порою
Хусеин на зов явился,
Как полночной темнотою
Сон надвое разделился.

Царь, печалясь неутешно,
С ним под утро отправлялся
Из двора к Алии спешно,
Что главою войска звался.

Бунт не смог сдержать Алия.
Дома сидя одиноко,
Бунт и смуты войсковые
Он обдумывал глубоко.

Янычарам способ мести
Лучший он найти стремился.
Царь, застав его на месте,
Со словами обратился:

«Ты ступай, дождись ответа,
Пусть юнаки скажут слово:
Если жив владыка света,
То зачем же им другого?

К войску путь тебя погубит,
Не вернешься ты, наверно,
Но и смерть того лишь любит,
Кто служил царю примерно.

А за что еще ты можешь
Жизнь отдать без сожаленья?
За царя главу ты сложишь,
За его освобожденье!

Я бы вынес все мытарства
И, клянусь тебе по чести,
Мустафе бы, дяде, царство
Отдал с почестями вместе,

Добровольно бы оставить
Смог престол и власти бремя,
Но не создан он, чтоб править
Ни тогда, ни в наше время.

Он лесному пию подобен.
Иль тебе ие будет страиным,
Будто править он способен,
Дать законы разиым странам?

Разве может удержаться
Человек тот иа престоле,
Кто им может называться
Лишь по виду, ио не боле?

Человек ли он породой,
Коль потомства не имеет,
Как завещано природой,
Женщин в доме ие лелеет?

Умным, добрым будь по ираву,
Коль святым себя прославил!
Одному лишь мие по праву
Царь-отец свой трон оставил.

По его же приказанью
Мустафа и жив остался.
Став царем, благодеянью
Посрамлеиьем он являлся.

Мной полученное царство
Он вторично похищает!
О народ! О государство!
Пусть же правда воссияет!

Торопись, слуга мой верный,
Жажду с войском примиренья!
Всем прости их грех безмерный,
Буит прости и все смятенье.

Деньги вот возьми с собою,
На главу должно достаться
По пять яспров, данных мною.
И дукатов в дар пятнадцать».

Речью краткою такою
Отвечал ага степеино:
«Пусть сто глав с моей главою
За тебя падут смиренно!

Ибо чем же обретает
Воии почести скорее,
Как не тем, что заменяет
Он главу царя своею?..»

Он по царскому наказу
Войску все сказал. Схватили
Сабли воиины и сразу
Над агой свой суд свершили.

Скопом, бешенством объяты,
Все на дом его напали,
Блага все его и злато
Растащили и забрали.

После гиев их разразился
И над Хусеии-пашою:
Ои мирить царя явился,
Но растерзаи был толпою.

Словио зверь, вкусивший крови
Раз один, желая вволю
Ей напиться,— ищет, ловит
Вновь добычу, мчась по полю,—

Так и войско, в гневе злое,
Кровью пролитой пьяиится,
Без порядка и без строя
Уничтожить все стремится.

Дилавера с негром взяли
И других всех порубили;
Псам, чтоб трупы их сожрали,
Всех иа Атмейдан [17] стащили.

Главы были их надеты
Сверху копий. И рядами
Пред мечетью Баязета [18]
Копья вбили с головами.

Среди смуты той стремится
Рать юнаков разъяренных
Взять в полон, обогатиться,
Обокрав дома казиениых.

Каждый саблей угрожает,
Грабежом, убийством славеи.
Люди плачут и стеиают:
Смерть в плену, плен смерти равен.

Молодых и старых вместе —
Всех судом лишают скорым
Жизни, злата, благ и чести —
Силой, кровью и позором.

Им не ведома пощада:
Грабят, рушат и сжигают,
Из пеленок вынув чадо,
В злобе на землю бросают.

Коии, юноши чредою,
Раб, ребеиок — все в их власти.
Что не могут взять с собою,
Все секут и бьют иа части.

Безудержиы в злобе дикой,
Здесь и там оии дерутся.
Берегись, Осмаи великий,
И к тебе они ворвутся!

В доме вериого Алии
Царь младой был в это время:
В сердце — мысли роковые
И сомнений тяжких бремя.

Ждал вестей он: что случилось?
Что корону ожидает?
Или рать его смирилась,
Или буит саой продолжает?

В муке, горе неизмерием,
Он сомнеиьями томится:
Что с Али-агою верным?
Должеи он давио явиться.

Вдруг отвсюду шум, смятеиье,
Сабли острые сверкают,
Все вокруг пришло в движенье,
Все юнаки заполняют.

Ворвалися янычары
И кричат: «Мы вызываем
К Мустафе тебя для кары,
Мы судить тебя желаем!»

«Я ваш царь! — им отвечает
Царь Осман.— И что вам надо?
Кто меня судить желает
Средь великого Царьграда?»

«Кто ты есть — увидишь скоро», —
Отвечают ему сиова.
С криком кипулась вся свора,
Уж схватить его готова.

Он кричит: «Кто здесь решится
На того, чья власть иетлеина,
На царя, поднять десницу,
Чья и тень для всех священна?»

«Научил ты сам нас злому,—
Те в ответ, неся Осмаиа,—
Причинив царю-святому
Столько бед путем обмана...»

И Османа молодого,
Что царем царей считался,
Посадили на простого
На коня, что им попался.

На царя надето было
Сверху рубище и снято
Платье, в коем, как светило,
Он, младой, сиял когда-то.

И тогда к мечети средней
Привезли его с собою:
Новые паши в последней
Восседали с Мустафою.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Мустафа в златом сиянье
На престоле восседает:
Он в богатом одеянье,
Златом трон его сверкает.

За предателем Даутом
Здесь Хасан одним из главных.
Тут Ахмет, Али с Махмутом,
Ряд пашей, визирей славных.

А Даут, наместник новый,—
На совете повелитель.
Вслед за ним, казны царевой
Стражем, встал Хасан-хранитель

(Через греческие земли
Он бежал от смерти лютой
На восток, лишь страху внемля,
В войске здесь искал приюта).

А визиря Хусеина
Нет уже: сменен Ахметом;
Вместо тех, кто пал безвинно,
Здесь Алия с Мухаметом.

Ну а муфтием великим [1]
Стал Яхия. Возвеличен,
Он от всех отличен ликом,
Славой доброю отличен.

Янычарским же главою
Стал Шабан, слуга дворовый,
Тот, что рать привел с собою
К Мустафе, для славы новой.

Негр Кизлар-ага (как ново!)
Замещеи хадумом белым;
Не бывало век такого! —
Младолицым, крепкотелым...

Видя, как ведут Османа,
Мустафа, внимая свите,
Рек, подучеиный обманно:
«В Еди-куле отведите!»

В полный голос тот взывает:
«О вы, люди! Боже, боже!
Царства кто меня лишает,
Отиимает саблю кто же?

Я, я сын царю Ахмату,
Первородством своим славиый!
Мие остался, а ие брату
От отца престол державиый!»

Но его хватают скоро
Те, кто стражей его были,
И скрутив, без слов, без спора
Вмиг иа клячу посадили.

Кляча та была хромая
И разбитая на ноги.
Воии вел ее, стегая,
За веревку по дороге.

С иепокрытою главою,
В одеянии коротком
Царь своею простотою
Был как раб в обличье кротком.

Где ж те коии боевые,
Царь Осман, что прошлым летом
Ты послал в края чужие
Воевать с простраииым светом,

На которых вдоль Дуная
Спорил с ветром ты летучим,
Солнцем радостным сияя,
Ты светил войскам могучим?

Где одежды блеск богатой,
Дорогие украшенья,
На которых жемчуг, злато,
Драгоценные каменья?

Где смирение народа,
Что так верно подчинялся?
Сабля царственного рода,
Та, с которой красовался?

И куда хвалы пропали,
В коих ты превозносился?
Ах, ужели те все пали,
Кто хвалить тебя стремился?

Так вот рок неумолимый
Кружит круг свой неустанно!
Царь, пред коим люд теснимый
Преклонялся постоянно,

Царь, чья речь была законом
Для держав всего Востока,
Кто витал над светлым троном
Во дворце своем высоко,

Чьим желаниям безмерным
Целый мир казался тесным,—
Свергнут был слугой неверным,
Попран был рабом безвестным.

И теперь, в преддверье казни,
Чтоб исчерпать все страданья,
Он идет средь неприязни
На позор и поруганье.

Знайте ж, люди, кто в гордыне
Век живет, гордыню множит:
Нет на свете той твердыни,
Что однажды пасть не может!

Если страх обременяет
И владык над целым светом,
Что же в жизни ожидает
Вас, безгласных в мире этом?

Дилавера нет в помине
С Хусеином (были в силе!).
Главы их на копья ныне
Для показу насадили.

Пред царем те главы носят,
И кричит в насмешку кто-то:
«Может, этой чести спросит,
Кому властвовать охота?»

И, позор усугубляя,
Каждый следом восклицает:
«Так, тирана попирая,
Войско кровь свою отмщает!

Всяк, который править любит,
Как две капли, схож с Османом:
Так же жизнь людскую губит
И престол берет обманом!»

Услыхав сужденье это,
Крикиул царь в толпу смятенно:
«У кого,— прошу ответа,—
Взял престол я незаконно?

Ах, не я ль царем Ахметом
Был рожден, царем законным?
Он, прощаясь с этим светом,
Завещал мне власть над троном;

Царство прадедов и дедов,
Воспринятое законно,
Дал мне в руки, заповедав,
Чтоб я правил беспрепонно.

А теперь наследство это
У меня отъемлют силой
И, лишив свободы света,
Смертью мне грозят постылой.

За какие прегрешенья
Пред людьми, за что в награду
Мне влачиться в униженье
Здесь по собственному граду?

Ведь не для себя — из мести
За набеги злых казаков [2]
Прошлым летом из предместий
Рать повел я на поляков.

Первым шел я в бой с войсками,
Царской жертвуя главою,
Средь огня и вместе с вами,
Гордый славой боевою.

Если подвиг все б вершили,
Как и я своей десницей,
То поляки б не твердили,
Что воздали нам сторицей!

А народ, взамен приязни
К моему златому трону,
Мне грозит угрозой казни,
Трон берет не по закону.

Бунт не враг мой поднимает,
С кем не раз я вел сраженья,
Трон мой воин отнимает
Моего же окруженья!

Для того ль,— сказать я смею,—
Как сраженье разыгралось,
Саблей вашей и моею
Жизнь моя оберегалась,

Чтоб потом в жестокой драке
Трон и саблю взяли силой
Мои верные юнаки
И народ мой, сердцу милый?

Саблю ту, что выбить даже
У меня и лях не может,
Отнимают трона стражи!
Боже, кто же мне поможет!?

Саблей той, грозя всем силам,
Царь Осман стяжал корону [3],
Правнукам и внукам милым
Проложил дорогу к трону;

С нею он в восточных странах,
Нашу славу утверждая,
Покорил соседей бранных,
Власть престола простирая.

Ей Орхан [4] себя прославил
В Анатолии долине,
В Брусе ею трон поставил,
Перешел чрез море сине.

С ней Мурад [5], герой отважный,
В Галлиполи [6] был прославлен,
А Вукашин, деспот важный,
Ей побит и обезглавлен.

С нею он, султан храбрейший,
Вверг всю Сербию в неволю,
Переиес престол светлейший
Он из Брусы к Дреиополю [7].

С ней Мурад летел стрелою,
Чтоб под Витош в срок явиться,
Изготовить войско к бою
И на Косове сразиться.

Деспот Лазарь непременно
Был бы саблей той изрублен,
Если б Милошем изменио
Не был сам Мурат погублен.

С нею видели все страны
И султана Баязета
Преградившим Тамерлану
Путь к захвату всего света [8].

С ней Челеби Чосе [9] встретил
Под стенами Никополя
Сигизмунда и отметил
Бой победою средь поля; [10]

Угровлашские равнины
Покорил Мехмед [11], летавший,
Как дракон, до самой Дрины [12],
Рать славян в пути встречавший.

С ней Мурад Второй, царь смелый,
Бился в Джурджевых пределах [13]
И посек под Варной белой
Короля и угров смелых.

С ией Мехмед сей трон освоил,
Первым здесь вступил в правленье,
Греков бил, потом присвоил
Босну, герцога владенья [14].

Баязет под власть поставил
Скендерию саблей эгой [15],
Как и я, он рать отправил
В Польшу, славою воспетый.

С ней Селим прошел грозою
Среди южных стран смятеиных,
Взял Каир своей рукою,
Мамелюков бил надмеиных [16].

Сулейман-властитель с иею,
Сверстник мие, пробился к трону,
Бил родосских братьев ею,
Взял венгерскую корону [17];

Сын его Селим из плеиу
Отиял Кипр прекрасный с бою,
Корабли отдав, в замену
Царство взял своей рукою [16]

Ею мстил Мурад злодею —
Всем хорватским граничарам;
С персиянцем дрался ею,
Взял Тебриз ее ударом [19].

Мухамед, мой дед, поднялся
С ней на угров, люд тщеславный,
За Канижу ею дрался,
За Аварии, Эгер славный [20].

Ей отец [21] себя прославил,
Ей стяжал свое величье,
Эту саблю мие оставил,
Сыиу царскому, в отличье.

С ней пошел я на поляков,
Сея смерть рукой своею;
Если б верных мне юнаков —
Польша стала бы моею.

С нею я в края Востока
Шел, с собою рать сбирая,
Чтоб эмира ей жестоко
Наказать, раскол карая.

И, на саблю уповая,
Разве не дал я обета,
Нашу славу простирая,
Подчинить все страны света!

Кто ж из вас, забыв державу,
Беспричинно похищает
И мою, и вашу славу,
Славу царства попирает?

Кто похитит саблю силой?
Ею мир завоевали
Мои предки; дар сей милый
Мне, как внуку, завещали.

Кто живот мой и свободу
Сколь бесстыдно попирает
В граде, где лишь царь народу
Жизнь, свободу сам вручает?

Кто, рабом меня считая,
Руку поднял на султана?
Тот, кто, долг свой исполняя,
Был мне страж, моя охрана!

Ах вы, воины, цвет славы,
Милый мой народ! Ужели
Все покинули меня вы?
Что ж молчите, присмирели?

Ради славы той нетленной,
Чем гордитесь пред отчизной,
Не черните долг изменой,
Новой в жизни укоризной!

Камень, молви, что случилось?
Мой народ тебе, глухому,
Уподобился,— хоть милость
Пробуди к царю младому!

Среди собственного града
У него отъемлют царство,
И не ждет его пощада,
Ждут смертельные мытарства!..»

Так излив свои печали,
Царь Осман застыл в смятенье;
Турки тоже скопом встали,
Здесь он ждал судьбы свершенья.

На мольбы царя младого
Те, кто век в свирепстве жили,
Вместо мести — чувства злого —
Только жалость ощутили.

Каждый скрыть пытался жалость,
Гнев казал и слал угрозы,
Но любому оставалось
Лишь таить с усильем слезы;

Тщетно делал вид: напротив,
Что вершить лишь зло умеет,
Что и создан не из плоти
И что сердца не имеет.

И решили всей толпою
Заточить царя в темнице.
Вдруг гонец! Вот так горою
Камень вниз по склону мчится:

То борзого погоняет
Злой Даут. Спешит, проклятый!
«Что же будет?» — вопрошает
Всяк, смятением объятый.

Подлетел, как вихрь, к охране,
Ожидающей ответу:
«Вам царево приказанье —
Задавить собаку эту!

В ожиданье нету проку!
Что ж вы медлите и ждете?
Если враг придет с Востоку,
Все вы смерть себе найдете!

Что глядите и молчите?
Смерть ему — конец разладу!
Мустафу вы сохраните
И себя, стяжав награду.

Так вперед! В том наша слава,
Благо общее и счастье!
А не то — падет держава,
Разделенная на части!»

И Осман не умолкает,
Тоже держит речь к народу,
К милосердию взывает,
Просит дать ему свободу.

«Почему,— ответьте сами,—
Царь, пред кем рабы в ответе,
Умирает пред рабами,
Как последний раб на свете!

Боже правый, внемли зову,
Власть яви своей десницы,
Не оставь меня, младого,
И не дай беде случиться!

Ниспошли, всевышний, милость
Тем, кто будет на престоле,
Так, чтоб с ними не случилось
Бед моих и тяжкой доли,

Чтоб средь козней и обмана,
Средь раздоров и коварства
Не погиб бы род Османа
На обломках его царства!»

Не успел закончить слово,
Как Даут кричит: «Душите!
Что вы мешкаете снова,
Вот вам мой платок, берите!»

Поясной платок бросает
Быстро негру-великану;
Тот, как петлей, обвивает
Шею им царю Осману,

Валит наземь, опираясь
В землю левою ногою,
Душу выдавить стараясь,
Горло давит он другою.

И, поправ в одно мгновенье,
Негр когтями и зубами
Рвал царя, доколь в мученье
Тот не умер под ногами.

Так скончался царь в тревоге,
Черни попраиный ногами.
Из-под ног опять под ноги
Спешно был закопан в яме.

Те же, что его убили,
Труп снесли в мечеть без слова
И без почестей зарыли
Там в ногах отца родного [22].

Человечью так гордыню
Вечно рок уничижает,
Ту, что чтит в царе святыню,
С божеством его равняет...

Магомет, закон вложивший
В меч, смотри, пророк проклятый:
Божий суд, закон свершивший,—
То не суд людской предвзятый!

Смертный тщетно суд свершает,
Все суды его нелепы.
Там, где солнце не сияет,
И с очами люди слепы.

Учишь ты людскою кровью
Поливать твои деянья,
Будто нет, с его любовью,
Бога, нет его всезнанья.

Ты всех смертных року предал,
Отобрав свободу воли,
Чтоб народ любовь лишь ведал,
Смерть приемля поневоле,

Чтоб никто судьбы печальной
Избежать ие мог на свете:
Дома или в сече дальной —
Перед смертью все в ответе.

Ты, османское насилье,
Под неправедным предлогом,
Чтоб продлить свое засилье,
Страх утратило пред богом.

Ты царя (твое велеиье!)
Выше всех людей поставил,
Чтоб его изображенье,
Даже теиь бы всякий славил;

Чтобы он утехи ради
Саблею твоей и словом
В старом властвовал Царьграде
На своем престоле новом;

Чтобы смертный недостоин
Был узреть царя глазами;
Ты, чтоб царь тот был спокоен,
Окружил его войсками.

Стал судьбы он господином,
Речь его законом стала,
И пред этим властелиином
Даже зиать вострепетала;

Шею б всяк свою беспечно
Дать ему под меч стремился:
Жить в раю хотел бы вечно,
О бессмертии б томился [23].

В мире этом всяк живущий
Ниц пред троном припадает;
Царь, при жизии идол сущий,
В смерти храм свой обретает.

Ты сему царю в угоду
Меч вложил в его десницу,
Повелел всему народу
В смертном ужасе томиться.

Но предвижу: сгинет к счастью
Твой закон, как наважденье,
И погибнет божьей властью
Злого дьявола ученье [24].

Ты велел: да утвердится
Царь всемирный на престоле
Тем, что с братом будет биться,
Не убьет его доколе [25].

Но всевышний брата не дал
Погубить царю Ахмату:
Пусть за грех, что дед отведал,
Сын, не брат, несет расплату! [26]

Ты велел, чтоб возвышали
Ради дел тирана вящих
Всех детей чужих, в серале
Годы детства проводящих:

Пусть ревниво охраняют
Благодетеля-тирана
Те, которые не знают
Матерей, забытых рано!

Но твои предначертанья
Ныне тщетными остались:
В этом дерзкие деянья,
Что Даут свершил, сказались!

Ты велел, чтоб христиане
Сыновей младых отдали,
Чтобы те в царя охране
Трон надежно ограждали.

Но плоды кровавой дани
На того ж царя изринуть! —
Вот господнее желанье.
И его нельзя премииуть [27].

Всем, кто смерть в бою приемлет,
Рай сулишь, как воздаянье;
Страху смерти кто не виемлет,
В том окрепнет послушанье!

Но по божьему веленью
Царь, что с войском польским бился,
Жертвой иеповиновеиья
Чуть живым от смерти скрылся.

Ты хотел, чтоб люд невинный
Жил бы в скудости великой;
Чтобы царь, как бог единый,
Над землею был владыкой.

Но власть божья сокрушает
Всех насильиików чредою:
Бог свою лишь простирает
Власть иад небом и землею.

Ты велел царю стопами
Всех попрать, весь мир нетлениый,
Сделать всех хотел рабами,
А его — царем вселениой,

Но иначе божья сила,
Власть которой непреложна,
В деле этом рассудила:
И царя низвергнуть можно!

Ты хотел: пусть каждый смеет
Блуд вершить под этим небом:
Турок столько жен имеет,
Сколько их прокормит хлебом [28],

Чтоб народы в султанате
Без числа бы размиожались,
Чтобы для царевой рати
Тыщи воинов рождались.

Но твоя померкла слава,
Ибо люди все видали,
Как пред войском Владислава
Эти тысячи бежали.

КОНЕЦ.

КОММЕНТАРИИ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

[1] *На холмах горы священной* — на Парнасе, который, согласно мифам Древней Греции, был местом пребывания муз.

[2] *Первый сын царя Ахмета* — Осман II, герой данной поэмы, сын султана Ахмеда I, правившего с 1603 по 1617 г. (у Гундулича последний зовется Ахмет и Ахмат).

[3] *Мустафа* — турецкий султан, брат Ахмеда, принявший у него трон 22 ноября 1617 г. и правивший до 26 февраля 1618 г. Сброшен с трона Османом. После убийства Османа вновь приведен к власти, которой был вторично лишен 11 сентября 1623 г. султаном Мурадом. Мустафа был слабоумен.

[4] *Царь Осман* — султан Осман II. Родился 4 ноября 1604 г. Был возведен на престол вместо своего дяди султана Мустафы. Свергнут янычарами и убит 20 мая 1622 г.

[5] *Владислав* — сын польского короля Сигизмунда III и Анны Австрийской. Родился в 1595 г. С 1633 по 1648 г. был на престоле под именем Владислава IV.

[6] *Дракон восточный* — Турция.

[7] *Сокол полуночный*, или сокол Севера — Владислав.

[8] Осман II полагал, что неудача турецкого войска в Хотинской битве 1621 г.— результат недисциплинированности воинов, в первую очередь янычаров.

[9] *Юнак* (сербохорв., болг.) — воин, герой.

[10] Осман II непосредственно участвовал в боях под Хотином, иногда сам водил войска на штурм.

[11] *Спахоляне* — турецкая феодальная конница из военных пленников, составлявшая вместе с отрядами янычаров основное ядро армии султана.

[12] *Янычары* — регулярная пехота в султанской Турции, созданная в 1330 г. султаном Орханом. Кадры янычаров пополнялись вначале из военнопленных, а затем в основном из числа принудительно набираемых христианских мальчиков, с детства обучавшихся военному делу и воспитывавшихся в духе мусульманского фанатизма. С XVI в. янычары как войско стали разлагаться и заметно ослабели в военном отношении, сделавшись активными участниками дворцовых переворотов. Расформированы в 1826 г. при султане Махмуде II.

[13] *Александр* — Александр Македонский (356 — 323 гг. до н. э.), крупнейший полководец и государственный деятель древнего мира.

[14] *Сулейман* — Сулейман I Кануни-Законодатель или Великолепный, турецкий султан (1520—1566), при котором Турецкая империя достигла наивысшего могущества. Завоевал большую часть Венгрии, Грузии, всю Месопотамию, Алжир, Триполи, Йемен. Умер под стенами Сигета.

[15] *Дилавер* — великий визирь при Османе II. По происхождению хорват. Участвовал в Хотинской битве 1621 г. в качестве командующего персидской частью войска. Выдвинувшись в ходе битвы, занял пост великого визиря вместо своего предшественника Хусеина.

[16] *Хусеин* (у Гундулича Хусаин) — великий визирь. Под Хотином 15 сентября 1621 г. не пришел вовремя на помощь будимскому паше Каракашу, чем вызвал поражение войска последнего. Это послужило причиной того, что Осман снял Хусеина с поста великого визиря.

[17] *Ходжа* — духовник, учитель султана. При Османе II ходжой был Омер-эфенди.

[18] *Хадум* (кизлар-ага) — смотритель султанского гарема. При Османе II эту должность занимал Сулейман.

[19] *Сераль* (или *сарай*, тюрк.) — дворец, гарем, внутренние покои дворца.

[20] *Вила* (сербохорв.)— фея, нимфа. Здесь — обитательница гарема султана. В народных песнях встречаются вилы гор, рек, озер; очень часто вила — синоним любимой девушки.

[21] *Мекка* — город в Саудовской Аравии, родина Магомета (Мухамеда), основателя ислама, главное место

паломничества мусульман. Здесь находится священный храм Кааба. Могила Магомета — в Медине, а не в Мекке, как пишет Гундулич.

[22] *Сидон* — один из крупнейших городов Финикии на побережье Средиземного моря. В 1517 г. был завоеван турками и вошел в состав Оттоманской империи. Эмир (правитель) Сидона Фахр-эд-дин в течение тридцати лет боролся за независимость города. В 1634 г. его сопротивление было сломлено Портой.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

[1] Имеется в виду миф о Дедале и его сыне Икаре. Будучи заключенными критским правителем Миносом в лабиринт, они слепили воском крылья из перьев, с помощью которых пытались освободиться из плена. Юный Икар, не послушавшись отца, поднялся слишком высоко, солнце растопило воск, так что Икар упал в море и утонул.

[2] Речь идет о Фаэтоне, сыне бога солнца Гелиоса. Согласно мифу, Фаэтон выпросил у отца разрешение воспользоваться его солнечной колесницей. Молодой, порывистый, но неопытный, сын не смог управлять конями, был низринут в море и погиб.

[3] Сохранилось предание, будто Александр Македонский, завоевавший огромную империю, плакал, узнав, что есть еще много стран, которые он не успеет завоевать.

[4] Речь идет об Османе II, вступившем на престол в возрасте 14 лет. Гундулич снисходительно называет его «буйное чадо».

[5] У Османа II было два брата — Ибрагим и Мурад. Первый не стремился к власти, не любил заниматься государственными делами и был убит в 1648 г. Второй с 1623 по 1639 г., после вторичного свержения с трона Мустафы I, был султаном (Мурад IV). Отличался необыкновенной жестокостью: в 1632—1637 гг. он казнил 25 000 человек, чтобы за счет их имущества пополнить свою казну. Заключил мир с Польшей. Вел выгодные для Турции войны с персами и венецианцами.

[6] Мать Мустафы играла важную роль в свержении Османа. Она дважды помогла своему сыну стать султаном. Была женщиной властолюбивой, умела хитрыми интригами достигать поставленных целей.

[7] и [8] *Врагодух* и *вилозмай* — фантастические существа южнославянских поверий.

[9] *Семиградье* — Трансильвания, историческая область Румынии. *Угровлахи* — так назывались влахи (румыны), находившиеся под властью угорских (венгерских) королей.

[10] *Гяурка* (тур.) — женщина-немусульманка, неверная, чуждая мусульманской вере.

[11] Мать Мустафы фактически сама правила страной.

[12] *Угровлашский* — румынский.

[13] *Мехмет* — султан Мухамед III (1595—1603).

[14] *Зять Мустафы* — Даут. По рождению хорват. В детстве был увезен в Царьград, воспитан среди турок, достиг при султанском дворе высокого положения. В дворцовом перевороте 1622 г. играл решающую роль, находясь в сговоре с матерью Мустафы. Был женат на сестре Мустафы.

[15] Осман после хотинского поражения задумал отправиться в Египет и восточные страны, чтобы там набрать новое войско и, вернувшись в Царьград, покарать янычаров за недисциплинированность и своеволие.

[16] *Восточные драконы* — турецкие султаны.

[17] *Кадуна* (тур., уст.) — женщина, дама.

[18] *Бан* (сербохорв.) — правитель области. Родословную матери Османа исторически достоверно трудно подтвердить.

[19] *Рашский* — от Рашки, одной из древних областей Сербии. *Деспот* — титул средневековых монархов в Сербии после Косовской битвы 1389 г.

[20] *Палкошич Иван* — Иоанн VI Кантакузин, член знатного рода византийских феодалов, в 1347 г. ставший императором. В целях завоевания власти вступил в союз с султаном Орханом, отдав ему в 1346 г. свою дочь Феодору в жены.

[21] *Джурадж Бранкович* — деспот Сербии с 1427 по 1456 г. Дочь Бранковича Мара была выдана замуж за Мурада II, а одна из дочерей князя Лазаря — за Баязеда I. Осман II не был потомком ни византийского, ни сербского царствующего дома. *Лазарь* — князь сербский, возглавивший сербские и боснийские войска в Косовской битве 1389 г.

[22] *Дракон* — здесь султан Орхан (1326—1359), сын и преемник Османа I. При Орхане турки переправились через Дарданеллы и закрепились на европейском берегу. Имел ряд успехов в борьбе с Византией. *Орел* — государственный герб Византийской империи.

[23] *Ходкевич* (у Гундулича — Хотьевич, Коткович) Ян Кароль (1560—1621) — выдающийся польский полководец, с 1605 г. великий гетман литовский. Участник польских войн со шведами и русскими. В 1621 г. был назначен главнокомандующим польского войска для борьбы с турками. Умер под Хотином 24 сентября 1621 г., передав командование Любомирскому, польному гетману.

[24] *Радзивилл* (у Гундулича Радовильский) Альберт Станислав — член старинного литовского княжеского рода. Роль его в Хотинских боях не ясна.

[25] *Зборовский* (у Гундулича — Збараски, Збаравски, Зборовски) Криштоф — польский князь, возглавлявший в 1622—1623 гг. посольство Сигизмунда III в Царьград для подписания договора Польши с Турцией.

[26] *Замойский* (у Гундулича — Замоски и Замошки) Томаш (1594—1638) — воевода киевский с 1619 г., великий канцлер Польши с 1633 г., активный участник боев против турок.

[27] *Крунослава* — вымышленный персонаж поэмы.

[28] *Корецкий* Самуель — польско-украинский магнат, участник войны с Турцией. В 1617 г. попал под Яссами в плен к туркам, год спустя бежал из заключения. В 1620 г. оказался в плену вторично, был заключен в Семибашенный замок в Царьграде, где 27 июня 1622 г. был задушен стражей.

[29] Ахмед I, отец Османа II, был пасынком матери султана Мустафы.

[30] *Али* — Али-паша, с 1619 г. великий визирь Османа II, глава турецкой делегации в Варшаву для мирных переговоров с Сигизмундом III.

[31] *Ризван-паша* — вымышленное лицо в поэме.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

[1] *Сигизмунд* (у Гундулича Шишман) — Сигизмунд III Ваза (род. 1566 — ум. 1632), польский и шведский король, отец Владислава IV.

[2] *Гашпар* — Милостич (Грациани) Гаспар, молдавский воевода, хорват по происхождению, убитый в 1620 г. Среди преемников его как воеводы был Степан Томжа, которого, видимо, имеет в виду Гундулич, говоря о «наместнике Гашпара».

[3] *Светило Севера* — Сигизмунд III.

[4] *Восточный Полумесяц* — здесь Осман II.

[5] *Румельский* — от Румелия. Так в XIV—XVI вв. турки называли страны Балканского полуострова, присоединенные к Оттоманской империи в результате вторжения на Балканы. С конца XVI в. Румелией называлась территория, в которую входили Болгария, Сербия, Герцеговина, Албания, Македония, Эпир, Фессалия.

[6] *Дренополе* — Адрианополь, город и крепость Эдирне в европейской части Турции.

[7] *Марица* — река на Балканском полуострове.

[8] *Орфей* — мифический певец, своей игрой воздействовавший не только яа людей, но и на зверей, деревья и камии.

[9] *Болгарин славный* — Орфей, который, по мысли Гундулича, являлся болгарином. Это представление у южных славян было очень широко распространено.

[10] *Бугаркиня* (или бугаршгица) — род народных песен. Гундулич считал Орфея основателем этого рода песеи.

[11] *Александр Сербляиин* — Александр Македонский, которого у южных славян считали сербом, так как Македония во времена Александра была якобы населена сербами.

[12] *Неманичи* — династия сербских князей и королей, потомков князя Немани, основателя сербской державы (XII в.).

[13] *Кобилич* (Обилич) Милош — сербский герой Косовской битвы 1389 г., проникший в лагерь султана Мурада и убивший его. Воспет в сербских героических песнях.

[14] *Марко Кралевич* — сын краля Вукашина, воспетый в сербском и болгарском эпосе. *Свилоевич Михайо* — венгр, герой сербских народных песен, борец с турками. Последние в 1460 г. взяли его в плен и убили в Царьграде.

[15] *Лайош* — Людовик I, хорватский, венгерский и

польский король (1342—1382), представитель Анжуйской династии.

[16] *Дубровник* — средневековая городская республика на Адриатическом побережье Балкан.

[17] *Янко-воевода* (или Сибинянин Янко) — венгр Янош Гуниади, герой сербской народной песни, борец с турками. Умер в 1456 г.

[18] *Матьяш* — Матвей Корвин, сын Янка Сибинянина (Яноша Гуниади), венгерский и хорватский король (1458—1490).

[19] *Джурадж* (Георгий) Скендербег — албанский князь, был заложником у султана. В 1443 г. бежал и возглавил борьбу албанского народа против турок. Воспет во многих народных песнях.

[20] *Сигизмунд Баторий* — трансильванский (семиградский) воевода, племянник польского короля Степана Батория. Умер в 1613 г.

[21] *Лех* и *Крак* — легендарные польские короли.

[22] *Корона Севера* — шведская корона. Сигизмунд III Ваза был возведен на шведский престол в 1592 г. В 1604 г. (фактически в 1599) был низложен. Гундулич, говоря Сигизмунду: «Ныне ею (короной) ты украшен»,— делает хронологическую ошибку.

[23] *Правитель Запада* — австрийский император Фердинанд I. *Султан Востока* — Осман II.

[24] Внучка Фердинанда I Анна была женой Сигизмунда III. После смерти Анны Сигизмунд женился на ее сестре Констанции.

[25] *Владислав* — сын Сигизмунда III, Владислав IV.

[26] *Сизокрылый сокол ясный* — престолонаследник Владислав.

[27] *Северное государство* — Швеция.

[28] *Королева* — Анна Австрийская, сестра Фердинанда II. *Северный дом* — царственный дом Габсбургов.

[29] Речь идет о Цецилии Ренате, дочери Фердинанда II, на которой был женат Владислав.

[30] Сестра матери Владислава Мария была женой испанского короля Филиппа III. Дочь Марии и Филиппа Анна Мария была выдана замуж за французского короля Людовика XIII. Гундулич считает Филиппа III и Людовика XIII двоюродными братьями Владислава IV.

[31] *Индийское море* — так называли моря, прилегающие к Вест-Индии, т. е. к Америке. Испанские владе-

ния в Старом и Новом свете так широко раскинулись, что говорили: над империей никогда не заходит солнце.

[32] В 1610 г., в условиях глубокого социального кризиса, который переживало Русское государство в связи с крестьянской войной и польско-шведской интервенцией, группа московских бояр заключила с Сигизмундом III договор, согласно которому на русский трон возводился Владислав, польский престолонаследник. Этот договор утратил силу в 1634 г. в результате русско-польской войны, когда Владислав вынужден был окончательно отказаться от своих притязаний на русский престол.

[33] *Злой огненный змей* — Турция.

[34] В начале XVII в. неоднократно происходили войны между Польшей и Швецией из-за шведского престола.

[35] Гундулич говорит, что для Владислава уготован престол всеславянской державы. В исторических хрониках было широко распространено мнение, что славяне — обширный и могучий народ, состоявший из ста народов. Отсюда для Владислава «сто корон златых кует ся».

[36] Имеется в виду, вероятно, горная цепь в Болгарии в районе Самокова. Одна из гор богата минеральными источниками. *Витош* (Витоша) — горный массив в Ю.-З. Болгарии, близ Софии. Сейчас здесь государственный заповедник.

[37] *Куновица* — горный хребет и ущелье, тянущееся от Ниша к Пироту. В древности ее звали веригой мира.

[38] *Старая планина* (планина — гора, горный хребет) — Балканские горы.

[39] Один из древнегреческих мифов говорит, что бог войны Марс родился во Фракии, в балканских горах.

[40] Согласно мифу, во Фракии, у г. Самоково (на территории нынешней Болгарии), была расположена «кузница» бога Марса.

[41] *Провадья* (Провадия) — плоскогорье в Болгарии, к западу от Варны.

[42] *Варна* — порт в Болгарии на берегу Черного моря.

[43] *Владислав* — здесь Владислав III Варненчик, польский король, он же Владислав IV, король венгер-

ский (угорский) и хорватский, погибший под Варной в 1444 г. в войне с Турцией.

[44] Казаки делали частые набеги на турецкие владения. В 1620 г., перед Хотинской битвой, они дошли до Варны и сожгли ее, чем «все утраты возместили», т. е. отомстили за гибель Владислава III.

[45] *Добруджа* — область между нижним течением Дуная и Черным морем.

[46] *Загорье* — здесь имеются в виду забалканские земли.

[47] *Никополе* (Никопол) — город в Болгарии на Дунае.

[48] *Дерестер* — Силистра, город в Болгарии на Дунае, к востоку от Никопола.

[49] Вблизи Никопола сохранились остатки моста, воздвигнутого римлянами.

[50] *Челие* — Килия, город в устье Дуная (ныне центр Килийского района Одесской области на Украине).

[51] Богданский (молдавский) воевода Стефан VI в 1475 г. выиграл битву с турками, но когда решил подписать с ними мирный договор, турки потребовали, чтобы Стефан платил им подать и передал г. Килию. Стефан отказался, начались новые бои.

[52] Имеется в виду мост, наведенный в 1621 г. войсками Османа II через Дунай около г. Измаила, на запад от Килии.

[53] Посол Османа II проезжает через поле Хотинской битвы.

[54] *Волны черные* — Черное море.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[1] Шатер Османа под Хотином был расположен на холме, имел вид дворца или, как говорит Гундулич, «державного града». По соседству с султанским шатром находился шатер великого визиря Хусеина.

[2] *Буздован* (сербохорв.) — булава, палица.

[3] *Алия* (Али-паша) или Али — см. прим. 30 ко второй песне.

[4] *Дервиш* — неисторический персонаж поэмы.

[5] *Спахии* — феодальная конница, комплектовавшаяся из турецких землевладельцев, которые имели

право сами откупаться от службы и вместо себя посылать в войско наемников.

[6] *Делии* (дели) — отборные конные воины в охране султана или великого визиря. Иногда выполняли роль боевого резерва султана.

[7] *Беглербег* или бейлербей (тур. князь князей) — титул наместника Румелии, Анатолии и Сирии.

[8] *Юсуф-паша* — румельский беглербег, родом из Маглая в Боснии. В битве у Хотина под его началом было около пятидесяти тысяч воинов. По приказу Османа руководил постройкой моста через Дунай под г. Исакчи.

[9] *Скендер-паша* — наместник султана в г. Очагов на Черном море, позднее в Силистре. Погиб под Хотином в 1621 г.

[10] *Соколович* — внук известного великого визиря Мехмеда (Мухамеда) Соколовича, героя взятия крепости Сигет (венгерская крепость, ныне город на севере Румынии на р. Тисе). Мехмед Соколович по своей жене приходился родственником трем султанам — Сулейману I, Селиму I и Мураду III.

[11] *Герцог Степан* — Степан Вукчич-Косача, получивший от немецкого императора Фридриха III в 1448 г. титул герцога и звание воеводы св. Саввы. *Савва* — первосвятитель сербский, сын князя Немани.

[12] *Будим* (Буда) — часть города Будапешта на правом берегу Дуная. До 1872 г. был самостоятельным городом. В период господства в Венгрии турок (1541—1686) был резиденцией турецкого паши. *Мухамед-Каракаш* — будимский паша, участник Хотинской битвы. Лично водил свои отряды на приступ на крепостные стены, но Хусеин-паша из зависти к успехам Каракаша не пришел ему в нужный момент на помощь, чем вызвал поражение его отрядов. Каракаш погиб в бою.

[13] *Амазия, Марас, Бурса, Эрзум, Сивас* — малоазийские города.

[14] *Алеппо* (араб. Халеб) — город в Сирии. *Мингрелия* (Мегрелия, у Гундулича Мангарлия) — историческое название области в Грузии, между реками Рионом, Цхенис-Цкали, Ингуром и Черным морем. В XV — первой половине XIX в. была самостоятельным феодальным княжеством.

[15] *Караманы* — жители Карамании, страны в Малой Азии.

[16] *Йордан* (Иордан) — река в Палестине; впадает в Мертвое море.

[17] *Диарбекир* — город на ю.-в. Турции, на правом берегу р. Тигр.

[18] *Славойка* — вымышленный персонаж поэмы.

[19] «Греховность» мнения Дилавера состояла в том, что он обожествлял земной предмет, «грешную» женщину.

[20] *Аббас* — бейлербей эрзерумский. При Османе II был наместником в Боснии, затем в Видине, откуда в 1633 г. начал безуспешный поход на Польшу. Убит при Мураде IV в 1634 г.

[21] *Хвалынские воды* — Каспийское море.

[22] *Град Белой Зори* — Гундулич так называет, возможно, город Белоозеро или Белозерск, центр Белозерского княжества, в 1486 г. ставшего областью Московского государства.

[23] *Моголский владыка* (у Гундулича Могор) — звание императоров Индии в период завоевания ее монголами (1526—1761). *Соколица* — вымышленный персонаж поэмы.

[24] *Мамлюки*, мамелюки (араб. невольники) — в Египте воины тюркского, а также кавказского происхождения, составлявшие некогда гвардию последних царей египетской династии Эйюбидов. Мамлюкская верхушка образовала верхний слой господствующего класса в Египте и в 1250 г. захватила в свои руки власть и правила страной до 1517 г., до завоевания ее султаном Селимом I.

[25] *Эмир* — татархан, повелитель крымских татар. *Перекоп* (татар. Оркапу) — перешеек Крымского полуострова, в древности перекопанный рвом. В XV в. крымские ханы восстановили ров перед угрозой вторжения русских войск. В 1783 г. Крым был включен в состав Российской империи.

[26] *Подолье* — равнина по среднему течению Днестра. В XIII в. край был завоеван татарами, в XIV в. присоединен к Литве, а затем по Люблинской унии 1569 г. перешел в состав польских коронных земель. В 1793 г. присоединен к России.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

[1] *Ксеркс* (486—465 гг. до н. э.) — персидский царь, сын Дария I. В 480 г. начал поход против греческих городов-полисов и потерпел поражение в битвах при Саламине, Платеях и Микале. Предание говорит, что, выступая в поход, Ксеркс у Геллеспонта (Дарданеллы) устроил смотр своего войска и говорил, что он счастливейший и сильнейший владыка на свете. Но при мысли о том, что через сто лет из его могучего воинства никого не останется в живых, он плакал.

[2] *Крунослава* — вымысел автора. Жену Корецкого звали Катарина (ум. в 1618 г.).

[3] *Птица* — Феникс, мифическое крылатое существо, символ вечного обновления.

[4] *«Лишь тебе»* — т. е. Османа II.

[5] *Подунавка* — жительница Подуиавья, т. е. областей, прилегающих к Дуиаю.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

[1] *Друг мой милый* — Корецкий.

[2] *Посол* — имеется в виду посол какого-либо западиого государства при дворе Османа II.

[3] *Царь могучий* — Осман II. Гундулич в соответствии с балканской традицией своего времени часто вместо «султан» говорит «царь».

[4] *С царством франков расторгает старой дружбы соглашенье* — имеется в виду договор фраицузского короля Франциска I с султаном Сулейманом I, заключенный в 1535 г. в целях совместиой борьбы против Габсбургов. В 1604 г. этот договор был возобновлен Ахмедом I и Генрихом IV.

[5] *Троя* — древний город на с.-з. Малой Азии, воспет в «Илиаде» Гомера.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

[1] *Против сербских стран* — т. е. напротив Македоиии, так как для Гундулича Македония — сербская страна.

[2] *Симоенте* (Симоис) — согласно Гомеру, приток

реки Скамандрос в троянской долине. В «Илиаде» рассказывается, что разлившийся Скамандрос по просьбе Ахиллеса был высушен богом подземного огня Гефестом, чтобы обеспечить преследование троянцев греками.

[3] *Ида* — горная цепь близ Трои, где, по преданию, происходил знаменитый суд Париса.

[4] *Парис* — троянский царевич, сын Приама и Гекабы, похитивший с помощью Афродиты Елену, жену спартанского царя Менелая, что было причиной Троянской войны.

[5] *Гелла* — в древнегреч. мифологии дочь Атаманта и Нефелы, сестра Фрикса. Во время бегства от злой мачехи упала с золоторунного барана в воды пролива, получившего ее имя,— Геллеспонт. *Море Геллы* — название Дарданелл в древности.

[6] Ксеркс, начиная войну с греками, построил через Дарданеллы (Геллеспонт) плавучий мост, который был снесен морем во время бури. Согласно преданию, разгневанный Ксеркс приказал наказать море тремястами ударами плетью и раскаленным железом.

[7] *Леандр* — в древнегреч. мифологии юноша из Абидоса в Троаде (на берегу Геллеспонта), полюбивший Геро, жрицу Афродиты с противоположного берега, и, чтобы встречаться со своей возлюбленной, каждую ночь переплывавший Геллеспонт. Во время бури погиб в проливе.

[8] *Тенедо* (Тенедос) — остров в Эгейском море, на берегу местности Троас. Во время Троянской войны возле этого острова греки укрыли свой флот, чтобы обмануть троянцев, будто флот вернулся в Грецию.

[9] *Лесбос, Лемнос, Хиос* — острова в Эгейском море у берегов Малой Азии.

[10] Остров Хиос с 1346 по 1566 г. был во власти генуэзцев, а затем перешел к туркам.

[11] *Самос, Икария, Андрос* — острова в Эгейском море.

[12] *Делос* — небольшой остров в Эгейском море, считавшийся у древних греков священным как родина Аполлоиа и Артемиды. Здесь был храм Аполлона. В 69 г. до н. э. храм и город были разрушены морскими разбойниками, после чего Делос утратил свое значение.

[13] *Аполлон* — в древнегреч. мифологии бог света, поэзии, врачевания, предводитель муз.

[14] *Парос, Наксос* и *Кифера* — острова в Эгейском море. Парос с древних времен славился разработками мрамора (так называемый паросский мармор); Наксос был посвящен богу растительности, покровителю виноградарства и виноделия Бахусу; Кифера был посвящен богине любви Кифере (Афродите), которая, согласно мифу, родилась на этом острове из морской пены.

[15] *Пафос* — город на Кипре, с храмом, посвященным Афродите (Пафосской богине). *Книдос* — город на мысе Крио в Малой Азии.

[16] *Скирос* — остров, на котором богиня Фетида, чтобы спасти от участия в Троянской войне своего сына Ахилла, укрыла его, нарядив в женские одежды, среди дочерей Ликомеда. Но Одиссей разгадал хитрость Фетиды и Ахилла, проникнув к ним под видом купца. *Ахилл* (Ахиллес) — герой Троянской войны, сын фессалийского царя Пелея и морской богини Фетиды.

[17] *Святая гора*, или *Афон* — гора на южной оконечности полуострова Афон в Греции, в Эгейском море, крупный религиозный центр, функционирующий до нашего времени.

[18] *Осса* — горный массив в восточной Греции (Фессалии). *Пелион* (или Пилион) — лесистый горный хребет в восточной Фессалии на полуострове Магнесия. На Пелионе находился храм Зевса. С этой горой связан ряд древнегреческих мифов о борьбе Зевса с гигантами, взгромоздившими Пелион на Оссу, чтобы взобраться на Олимп.

[19] *Зевс* (Юпитер) — верховное божество у древних греков и римлян, выдержавшее борьбу с гигантами за власть над Олимпом.

[20] *В водах Эгея* — в Эгейском море.

[21] *Аргос* — главный город Арголиды, области древнего Пелопоннеса. *Спарта* (или Лакедемон) — рабовладельческий город-государство в Древней Греции. *Микены* — город в Арголиде. *Коринф* — крупный торгово-ремесленный город-государство Древней Греции, расположенный на северо-востоке Пелопоннеса близ Коринфского залива. *Фивы* — древнегреческий город-

государство в Беотии. *Афины* — город-государство в Древией Греции в Аттике, ставший столицей страны.

[22] *Семь мужей, в науке славных* — семь знаменитых мужей Древней Греции, славившихся своей практической житейской мудростью, живших в VII — VI вв. до н. э. Обычно называют в числе их Клеобула из Линда, Периандра из Коринфа, Питтака из Митилены, Бианта из Приены, Фалеса из Милета, Хилона из Лакедемона и Солона из Афин.

[23] Древние греки всех иноземцев считали варварами, т. е. невежественными, дикими.

[24] *Былое неверие* — с точки зрения древних римляи, греки были людьми «неверными», ненадежными.

[25] *Ливадия* — континентальная часть Греции (между Фессалией и Эпиром, Коринфским заливом и Эгиной).

[26] *Коринфское море* — Коринфский залив.

[27] *Море Превезы* (от Превеза — Акциум) — город при входе в залив Арта.

[28] В сравнительно небольшом районе, охватывающем залив Арта и Коринфский залив, дважды происходили значительные бои: в 31 г. до н. э. под Акциумом произошла битва между войсками Марка-Антония (в союзе с египетской царицей Клеопатрой) и Августа Октавиана. Когда Клеопатра со своими кораблями обратилась в бегство, за ней устремился Антоний, флот которого погиб. В 30 г. войска Августа заняли Египет, где Антоний и его возлюбленная Клеопатра покончили жизнь самоубийством. Вторая битва произошла в 1571 г. под Лепанто (в Коринфском заливе), когда «витязь избранный испанский» Дон Жуан Австрийский разгромил турецкий флот под командованием Али-паши. Этот разгром подорвал могущество Оттоманской империи на Средиземном море.

[29] *Фарсалия* (Фарсала) — город в Фессалии. Здесь в 48 г. до н. э. произошла битва между войсками Кая Юлия Цезаря и Гнея Помпея за власть над Римом. В этой битве Помпей был разбит, бежал в Египет, где был убит приближенными египетского царя.

[30] Когда в 53 г. до н. э. распался знаменитый римский триумвират (Цезарь, Помпей, Красс), на стороне Помпея выступили большинство членов римского сената (у Гундулича «вече») и правители ряда госу-

дарств Востока. На стороне Цезаря оказались государства Запада. Помпей хотел сохранить республику, а Цезарь добивался единоличной власти. Победил Цезарь, разбивший Помпея.

[31] *Сунчаница* — вымышленный персонаж поэмы.

[32] *Смедерово* (Смедерево) — город в Сербии на правом берегу Дуная. В XV в. здесь сербами была построена крепость, а город стал столицей так называемых сербских деспотов.

[33] *Рашский* (от Рашка) — историческая область Сербии.

[34] *Пелла* — со времени Филиппа II столица древней Македонии.

[35] *Поля Филиппа* — Филипп II (ок. 382—336 до н. э.), царь македонский, отец знаменитого полководца Александра Македонского, в 338 г. установил гегемонию над Грецией.

[36] *Косово поле* — долина в Сербии, где в июне 1389 г. произошла знаменитая Косовская битва, в которой турецкие войска Мурада I победили войска сербов и боснийцев под командованием князя Лазаря. Битва была роковой: после нее над Сербией и другими народами Балканского полуострова установилось более чем четырехсотлетнее господство турок.

[37] *Топлица* — местность у р. Топлицы, впадающей в Мораву.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

[1] *Дочь кесаря* — дочь Фердинанда II Цецилия Рената, невеста Владислава.

[2] *Дубрава* — Дубровник.

[3] *Любдраг* — вымышленное лицо в поэме.

[4] *Деспот* — титул средневековых монархов в Сербии.

[5] *Джурадж* (Бранкович) — сын Вука Бранковича, участника Косовской битвы 1389 г. *Ерина* — жена Джурджа Бранковича, из греческого рода Кантакузинов, дочь византийского императора Мануила Палеолога.

[6] *«Внук внуков»* — Любдрага, отца Сунчаницы, Гундулич считает внуком Джурджа Бранковича, который в свою очередь был внуком князя Лазаря, героя

Косовской битвы (Вук Бранкович, отец Джурджа, был женат на Маре, дочери Лазаря).

[7] *Возле Праги* — здесь, вероятно, имеется в виду битва при Белой горе в 1620 г.

[8] В данном случае можно предположить турецко-венгерскую войну 1592—1606 гг.

[9] *Эрдельский* — семиградский.

[10] *Из болгарских сел* — по представлению Гундулича, села в окрестностях Смедерева — болгарские.

[11] *Герцог Степан* — Степан Вукчич-Косача (см. прим. 11 к песне четвертой) поссорился со своим сыном Владиславом, женившемся на некой флореитинке; в нее же влюбился Степан, оставшись вдовцом. Согласно сведениям, почерпнутым из Лудовика Цриевича Туберона, потерпевшим был не Владислав, а Степан (третий сын Степаиа Вукчича), который после поступка отца потуречился, с войском турок вторгся в отцовы владения и истребил род отца.

[12] *Угрин Янко-воевода* — см. прим. 17 к песне третьей. В 1456 г. войска султана Мухамеда II осадили Белград. На помощь осажденному гарнизону пришел с войском Яико-воевода и разбил турок. Мухамед II с остатками турок бежал в Болгарию.

[13] *Задар* — город на Балканах, на Адриатическом побережье. В 1438 г. турки заняли последний оплот сербов — крепость Смедерево. Деспот Джурадж Бранкович был вынужден бежать в Далмацию, оттуда в Венгрию, где обратился за помощью к королю против своего зятя султана Мурада II. Король Владислав III выступил против турок, и на р. Мораве под г. Ниш (Сербия) начались военные действия.

[14] После смерти венгерского короля Владнслава IV (1457) венгерский собор выбрал на трон находившегося в пражской тюрьме Матвея Корвина, сына Янка-воеводы.

[15] *Деспот Вук* — сын деспота Джурджа Бранковича (по народным песиям «Змай деспот Вук»), соратник Матвея Корвина по борьбе с турками.

[16] *Сунчаница солнцеликая* — имя Сунчаиица образоваио от сербохорватского сунце, что значит солнце.

[17] *Вук Бранкович* — сербский кнвзь, участиик Косовской битвы 1389 г.

[18] *Султан* — здесь султан Мурад II.

[19] В 1432 г. Джурадж Бранкович, чтобы предотвратить нападение Мурада II на Сербию, послал ему в качестве заложников двух своих сыновей: Гргура и Степана. Султан бросил заложников в темницу в Адрианополе, а сам в 1438 г. выступил на завоевание Смедерева, где в это время сохранялись последние остатки сербской государственности. Джурадж оставил Смедерево и бежал в Венгрию, а вместо себя в городе оставил бежавшего из адрианопольской темницы сына Гргура. Последний под давлением турецких войск вынужден был сдать Смедерево султану, который приказал ослепить Гргура и его брата Степана. Джурадж в это время из Венгрии уходит в Приморье, в 1441 г. он находится в Дубровнике. Несмотря на требование султана выдать Джурджа и обещание освободить Дубровник от выплаты ежегодной подати, дубровницкие власти не выдали Бранковича, а только обязали его покинуть Дубровник. Джурадж Бранкович снова вернулся в Венгрию. Мурад II, узнав о твердости решения дубровчан, был сильно удивлен и восхищен. *Вече* — в Дубровнике было три веча: Малое, Большое и так называемое Вече Умолених. *Князь* — верховный управитель Дубровницкой республики, систематически переизбиравшийся.

[20] *Между Львом и злым Драконом* — между Венецией и Турцией.

[21] *Герцога именья* — Герцеговина (см. прим. 11 к песне четвертой).

[22] *От зятевых рук* — от рук Мурада II, который был женат на Маре, дочери Джурджа Бранковича.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

[1] *Бог солнца* — Гелиос (древнегреч. мифология) на своей солнечной колеснице, запряженной лошадьми, разъезжал по небесному своду, на котором, согласно представлениям древних, размещался особый круг, зодиак, с различными животными — овном, быком, львом и др.

[2] *Невеста* — Цецилия Рената.

[3] *Богиня охоты* — в древнегреч. мифологии Артемида (Диана).

[4] *Богиня любви* — Афродита (Венера), родившаяся из морской пены.

[5] В этих стихах Гундулич хочет показать, насколько последовательным рыцарем оставался Владислав в борьбе с врагами.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

[1] *Чадо буйное* — подразумевается Осман II.

[2] *И в державах иноземных... тоже в помощь поспешили* — в Хотинской битве 1621 г. на стороне поляков участвовали отряды и некоторых других стран.

[3] *Орел* — герб Польши, на котором изображался белый орел.

[4] *Мазовское поле* — равнина, на которой расположена Варшава.

[5] *Каменица* — ныне г. Каменец-Подольский на р. Смотрич (левый приток Днестра). Во 2-й половине XIV в. была захвачена польскими войсками. В XVII в. неоднократно подвергалась разрушениям от набегов турок и крымских татар. В 1793 г. отошла к России. До сих пор сохранилась крепость XIV—XVII вв.

[6] *Сагайдачный* — Петр Конашевич, ум. в 1622 г., предводитель казачьих войск в битве под Хотином, неоднократно избиравшийся гетманом Запорожской Сечи.

[7] *Степан Неманич* — Степан Душан Сильный, средневековый монарх сербский. Гундулич считает возможным Владиславу стать наследником старых сербских владений.

[8] *Сенявский,* Миколай (у Гундулича Сеиянский)— польский воевода, участник Хотинской битвы и неоднократных походов на турок и татар.

[9] Речь идет о широко распространенных во времена Гундулича пророчествах о том, что через тысячу лет после смерти пророка Магомета (ум. в 632 г.), когда на турецком престоле воцарится султан-ребенок с именем основателя империи (которого звали Осман I), рухнет турецкое царство. Явственные симптомы близкого конца Турции видели в появлении в 1620 г. кометы и других небесных явлениях.

[10] *Мазовия* — историческое название части польских земель в среднем течении Вислы. К 1526 г. произошло воссоединение Мазовии с остальной Польшей.

[11] Варшава стала столицей Польского государства в 1596 г. (королевская резиденция до этого находилась в Кракове).

[12] *Кавад* (тур.) — верхняя одежда из шелка или бархата.

[13] *Лех* — легендарный польский король, основатель города Гнезно (по-польски — гнездо), одного из старейших центров славянской культуры и польской государственности. Название Гнезно, согласно преданию, происходит от гнезда орлят, найденного Лехом на месте будущего города.

[14] *Крак* — один из легендарных польских королей, основатель города Кракова.

[15] *Пшемыслав* — польский король, победивший с малым войском венгров, согласно преданию, использовав хитрость: он велел сделать из дубовой коры шлемы и щиты, надеть их на копья и выставить на опушке леса. Неприятелю показалось, что это большое войско, и он отступил.

[16] *Лех Второй* — король польский, сын Леха I, воспреемник Пшемыслава на престоле. Предание гласит, что престол достался Леху после выигранного им состязания на конях.

[17] *Карл Великий* (ок. 742—814) — франкский король с 768 г., а позднее император с 800 г. Вел многочисленные войны со славянами.

[18] *Пяст* — легендарный вождь племени полян, основатель польской королевской династии Пястовичей. По преданию, был пахарем.

[19] *Мечислав* — польский король Мечислав I (род. 931 — ум. 992). Был женат на дочери чешского короля Болеслава I Дубраве, в 966 г. обращен в христианство и основал первое польское епископство в Познани. После его смерти христианство в Польше стало быстро шириться.

[20] *Болеслав* — Болеслав I Храбрый, князь польский (992—1025) и король (1025). При нем завершился процесс оформления польского государства. В результате трех войн с Германской империей обеспечил независимость Польши и приостановил продвижение немцев на славянский Восток. Присоединил вооруженной силой к Польше Моравию и Словакию, земли мильчан и лужичан.

[21] *Казимир* Первый (1016—1058) — польский князь в 1034—1058 гг., сын Мечислава II. Вскоре после смерти отца в условиях усилившихся феодальных усобиц был изгнан из отечества. В 1040 г. с помощью германского императора Генриха III снова утвердился на польском престоле. При нем было восстановлено в Польше христианство.

[22] *Болеслав* III Кривоустый, князь польский (1102—1139), сын Владислава I Германа. Отказался признать зависимость Польши от германского императора Генриха V и разбил его войско в 1109 г. Воевал со многими соседними народами.

[23] *Кесарская птица* — немецкий орел.

[24] *Казимир* Второй (1138—1194) — польский князь в 1177—1194 г., положивший конец междоусобным разногласиям в своем государстве. Имел прозвище «Праведный», а не «Великий», как говорится у Гундулича.

[25] См. прим. 15 к третьей песне.

[26] *Ягеллон* — Владислав II Ягайло (Ягелло), князь литовский, в 1386 г. ставший королем Польши. Основоположник династии Ягеллонов, правившей в Польше с 1386 по 1572 г.

[27] Старинный герб Великого княжества Литовского — вооруженный всадник с мечом, поднятым для удара.

[28] *Владислав* Третий (1424—1444) — король польский в 1434—1444 гг., хорватский и венгерский в 1440—1444 гг. Активно боролся против турок. В битве под Варной в 1444 г. был разбит и погиб. Посмертно получил прозвище Варненчик. Поэтому у Гундулича сказано, что он обрел третью, т. е. мученическую корону.

[29] Мурад не был участником битвы на р. Мораве.

[30] *Казимир* — Казимир IV Ягеллончик (1427—1492), литовский великий князь с 1440 и польский король с 1447 г., сын Владислава II Ягайло. В 1466 г. в ходе борьбы с крестоносцами Тевтонского ордена присоединил к Польше Восточное Поморье с Гданьском, создав тем самым выход Польше к морю.

[31] *Альберт* — Ян I Ольбрахт, король Польши (1492—1501). Будучи престолонаследником, успешно воевал против крымских татар.

[32] *Александр* — Александр Казимирович Ягеллон (1460—1506), великий князь литовский с 1492, король польский с 1501 г. Отличался необыкновенной склонностью богато одаривать своих вельмож, отсюда у Гундулича характеристика Александра «Благодарный», т. е. благо дарящий.

[33] *Сигизмунд* — Сигизмунд I Старый (1467—1548), польский король и великий князь литовский с 1506 г.

[34] *Сигизмунд* Второй — Сигизмунд II Август (1520—1572), польский король и великий князь литовский с 1548 г. В 1569 г. при его активном участии произошло заключение Люблинской унии между Литвой и Польшей. Эта уния отразилась и на гербе, на котором стали изображать польского орла и литовского всадника с мечом.

[35] *Стефан Баторий* (1533—1586) — король польский с 1576 г., воевода семиградский в 1571—1576 гг. Участник Ливонской войны, выиграл ряд сражений, но потерпел поражение под стенами Пскова. Воевал также с Пруссией.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

[1] *Распростерся стяг орленый* — стяг с орлом, гербом Польши. *Месяц Востока* — герб Турции.

[2] *Блаж* — пустынник в роли предводителя польских войск, вымышленный персонаж поэмы. Возможно, Блаж — это святой Влах, покровитель Дубровницкой республики.

[3] *Немецкие воды* — Балтийское море.

[4] *Поморавцы* — так Гундулич называет жителей берегов Балтийского моря.

[5] *Ливонцы* (от Ливония) — жители нынешней Латвии и Эстонии.

[8] *Пан-Степан* — в некоторых списках поэмы Пац Степан, что считается более правильным. Пац Степан (из старинного флорентийского рода Пацци) был в Литве вице-канцлером, состоял в свите королевича Владислава в его путешествии по Италии в 1624 г.

[7] *Зенович*, Миколай — комендант крепости в Полоцке, участник Хотинской битвы, в которой и погиб.

[8] *Полотье* — Полоцкая земля, по течению р. Западной Двины, Березины и Полоты. В конце IX в. вхо-

дила в состав Древнерусского государства, в X в. здесь сложилось Полоцкое княжество с центром в г. Полоцке. В середине XIII в. княжество было подчинено Литве с сохранением автономии, в 1385 г. перестало существовать. Сам Полоцк в 1772 г. по первому разделу Польши отошел к России.

[9] Смоленск и Смоленское княжество в описываемое Гундуличем время принадлежали полякам. В 1654 г. Смоленск был взят русскими войсками и по Андрусовскому договору о перемирии 1667 г. отошел России. *Рогозна* — городок на р. Велна в воеводстве Познанском.

[10] *Подляшье* (Подляхия) — один из округов старой Польши, между Вислой и Бугом.

[11] *Замостцы* — жители Замостья, города и крепости, построенной в 1588 г. гетманом Яном Замойским.

[12] *Волынцы* — жители Волынского княжества. В эпоху, описываемую Гундуличем, княжество принадлежало Польше; в 90-х годах XVIII в. отошло России.

[13] *Киевские роты* — по Люблинской унии 1569 г. Украина была присоединена к Польше, поэтому киевские отряды участвовали в Хотинской битве.

[14] *Мазовцы* — из Мазовии. См. прим. 10 к песне десятой.

[15] *Вильна* (ныне Вильнюс) — город в Литве.

[16] *Князь Альтганнский* — граф Альтганн, представитель германского императора Фердинанда II в Польше, присланный Сигизмунду III с войском для войны против Швеции.

[17] *Два светила* — согласно библейской легенде, бог по просьбе Иисуса Навина остановил солнце над Гаваоном и луну над долиной Аиалонской во время битвы израильтян с аморреями.

[18] *Вечный мир* — в договоре 1596 г. между Сигизмундом III и молдавским воеводой Иеремией Могилой говорилось, что поляки и турки всегда были добрыми соседями и друзьями.

[19] *Балабан* — султанский наместник в Силистрии Балибег, дважды в течение 1497 г. нападавший на польские земли. Во время одного из походов его войско сильно пострадало от голода и холода.

[20] *Царь* — Осман II.

[21] *Кесарь* — Фердинанд II (1578—1637), император так называемой Священной Римской империи с 1619 по 1637 г., из династии Габсбургов; король Чехии с 1617 и части Венгрии с 1618 г.

[22] *Король испанский* — Филипп IV (1605—1665), испанский король в 1621—1665 гг., втянувший Испанию в Тридцатилетнюю войну, воевавший с Нидерландами, Францией и Англией.

[23] Фердинанд II проводил политику жесточайшего национального и религиозного угнетения, приведшую к Чешскому восстанию 1618—1620 гг., в результате которого Фердинанд II был объявлен лишенным чешского престола, и к восстанию в Венгрии 1620 г. После разгрома чехов у Белой горы (1620) Фердинанд II учинил над населением Чехии жесточайшую расправу. «Отступники», о которых говорит Гундулич,— это протестанты.

[24] *Шведской венчан ты короной* — Сигизмунд III был возведен на шведский престол в 1592 г., а в 1604 г. (фактически в 1599 г.) этот трон был отвоеван его дядей Карлом IX, которому в 1611 г. наследовал сын Карла Густав II Адольф. Попытка Сигизмунда вернуть себе шведскую корону успеха не имела.

[25] *В дружбе ты с двумя другими* (коронами) — Швеция после Хотинской битвы вступила в союз с Францией и Германским государством. Возможно, Гундулич имеет в виду это, говоря Сигизмунду о его дружбе с двумя иноземными державами.

[26] *Хвалынское море* — Каспийское море.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

[1] *Ризван-паша* — вымышленное лицо в поэме.

[2] *Негр Бечир* — вымышленное лицо.

[3] *Кесарский* — австрийский.

[4] *Знак любовной власти бога* — Амур древними греками изображался с луком, стрелами и золотым колчаном.

[5] *Аккерманский* — Аккерман (сейчас Белгород-Днестровский), город на берегу Днестровского лимана, один из древнейших городов Руси. В 1479 г. был завоеван турками; в 1812 г. по Бухарестскому трактату отошел к России.

[6] *Семибашенный замок* (Еди-Куле) — старинная крепость и тюрьма в Константинополе.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

[1] *Царь могучий* — Осман II.

[2] В религиозном мифе говорится, что сатана в прошлом — ангел, в гордыне возомнивший сравняться с богом, но низвергнутый с неба в преисподнюю.

[3] Духи ада, согласно религиозной мифологии,— это тоже ангелы, низринутые с неба.

[4] *Кравососы* — в народных поверьях змеи, сосущие коров.

[5] *Шишман* — Сигизмунд. *Мольба Шишмана* — в этих стихах отражена одна легенда: по приказу Сигизмунда III из Кракова в Варшаву были перенесены мощи католического святого XI в. Станислава, покровителя Польши. Легенда рассказывает, что в день перенесения мощей поляки разбили турок на поле брани.

[6] *Сила силу одолела* — сила небесная победила силу адскую.

[7] *Север войска* — северная часть армии Османа II.

[8] Фердинаид III, венгерский и чешский король, был женат на дочери испанского короля Филиппа III (1598—1621) Марии Анне.

[9] *Ходжа* — почетное звание у мусульман, дававшееся придворным представителям духовенства, купечества, а также человеку, совершившему «хадж», т. е. паломничество в Мекку и Медину.

[10] *Люцифер* — в христианской мифологии Сатана, падший ангел, повелитель ада.

[11] Люцифер вспоминает восстание ангелов в раю.

[12] *Полночных* — северных.

[13] *В полноту земного круга* — т. е. пока полумесяц не станет полной Луной (а мусульманство не распространится по всему земному шару).

[14] *Геликон* и *Парнас* — в древнегреч. мифологии горы, место обитализа Муз.

[15] *Прародительницы козни* — согласно библейскому мифу, прародительница рода человеческого Ева своим «грехом» якобы навлекла проклятие бога на все человечество.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[1] *Челеби-Мухамед* — придворный астролог при султанах Ахмеде I и Османе II.

[2] *Халдейский* — Халдеи — семитическое племя, пришедшее в конце второго тысячелетия до н. э. к берегам Персидского залива, укрепившееся здесь и создавшее Ново-Вавилонское государство. В древности халдеи обладали большими знаниями по астрологии.

[3] *Атлант* — в древнегреч. мифологии титан, держащий по приказу Зевса небесный свод на своих плечах.

[4] *Меркурий* (у древних греков Гермес) — бог скотоводства, покровитель пастухов, вестник Олимпийских богов, глашатай Зевса, покровитель путников, купцов, бог торговли и прибыли. В мифах он выступает также искусным похитителем, защитником воров.

[5] *Божье око* — Солнце.

[6] *Овен, Бык* (Телец), *Рак, Лев, Скорпион, Стрелец, Козерог, Рыбы* (наряду с Близнецами, Девой, Весами и Водолеем) — двенадцать созвездий, входящих в так называемый пояс Зодиака.

[7] *Сатурн* (Кронос) — одно из древнейших божеств греческого и римского пантеона. Сатурну было предсказано, что он будет низвергнут одним из его детей. Поэтому Сатурн пожирал своих родившихся детей.

[8] В 1619 г., когда в Царьграде отмечалась вторая годовщина со дня смерти султана Ахмеда I, на небе появилась комета, внесшая много смятения в умы жителей Турции. Позднее это явление толковали как предвестие Хотинской битвы 1621 г.

[9] *Гроб святой* — см. прим. 21 к песне первой.

[10] *Яция* и *саба* — у турок дневное время исчислялось по молитвам (намазам), которых в течение дня было пять: при восходе солнца, в полдень, в промежуток времени между полдием и заходом солнца, при заходе солнца, наконец, на сон грядущий, после захода солнца. *Яция* — молитва между заходом солнца и ночью. *Саба* — ранняя утренняя молитва у мусульман.

[11] *Белое море* — Мраморное море.

[12] *Коран* — священная книга магометан, содержащая изложение догм и положений мусульманской религии, а также различные мифические легенды.

[13] *Китаб* — священная книга, кораи, священное писание у мусульман.

[14] *Халиф* — титул феодального верховного правителя мусульман, совмещавшего духовную и светскую власть в ряде стран Ближнего и Среднего Востока.

[15] *Эреб* — преисподняя.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

[1] В 1532 г. Сигизмунд I и Сулейман I заключили договор, по которому поляки подтвердили право беспрепятственной торговли на Черном море, а крымским татарам было запрещено производить набеги на польские земли. По договору 1623 г., заключенному после Хотинской битвы, турки получили заверение от поляков, что казаки прекратят набеги на турецкие владения, а поляки выговорили себе гарантии от татарских притязаний. И турки и поляки обязывались взаимно возместить друг другу ущерб и обменяться военнопленными.

[2] *Польши дочь, степей царица* — Крунослава.

[3] Ризван-паша, покончив жизнь самоубийством, разрешил мучительную ситуацию: султанский совет должен был сам осудить Ризвана на смерть за самовольное убийство Корецкого. Теперь же турки в обмен за Корецкого могли послать голову Ризвана, не принимая решения о его казни.

[4] Речь идет о Тантале, мифическом герое, которого боги наказали вечной жаждой и голодом: стоя в воде, он не мог напиться; видя перед собой питательные плоды, не мог до них дотянуться.

[5] *Фракийская сторона* — Фракия, историческая область в восточной части Балканского полуострова между Эгейским, Черным и Мраморным морями.

[6] *Эдирне* — Адрианополь.

[7] Ср. с песней VIII, стихи 135—136. По версии И. Мажуранича выходит, что хадум был братом Сунчаницы Владко, в молодые годы попавшим в руки турок и принявшим мусульманскую веру.

[8] *Себр* (сербохорв. себар) — плебей, человек низшего сословия.

[9] *Мавры* — так со времен античности в Западной Европе называли коренное население стран, расположенных на севере Африки (за исключением Египта).

[10] *Сарай* (или сераль, тюрк.) — дворец.

[11] *Царьграда покоритель* — султан Магомед II Буюк, завоевавший в мае 1453 г. Константинополь.

[12] В 1621 г. у Османа II родился наследник, но в результате несчастного случая во время торжеств по поводу рождения погиб.

[13] *Эсад-эфенди* при Османе II был муфтием. *Пертев-паша* (у Гуидулича Пертев) также историческое лицо.

[14] *Джидда* — город в Саудовской Аравии, порт на Красном море.

[15] *Скудар* (Скутари, Ускюдар) — часть города Стамбула, расположенная на азиатском берегу Босфора.

[16] *Стремянные* — придворные, присутствовавшие «при стремени» в случаях торжественных выездов султана.

[17] *Мухамед* — Мухамед-паша, наместник султана в Адрианополе. *Реджеб* был каймакамом, т. е. представлял высшую власть в Брусе (Бурсе). *Бруса* — город в с.-з. части Турции, административный центр одноименного вилайета. В 1326 г. была завоевана турками-османами и с этого времени до завоевания ими Константинополя в 1453 г. являлась столицей османского государства.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

[1] Эта строфа Гундулича перекликается с известным мифом о фригийском царе Мидасе, который, будучи судьей на музыкальном состязании между Аполлоном и Паном, признал первого побежденным. Аполлон наградил за это Мидаса ослиными ушами, которые он прятал под фригийской шапкой. Цирюльник увидел его уши и, мучимый тайной, которую никому нельзя было рассказать, вырыл ямку в земле и шепнул в нее: «У царя Мидаса длинные уши!» — а затем зарыл ямку. На этом месте вырос тростник, который распространил тайну Мидаса по всему свету.

[2] Во дворце первоначально воспитывались янычары только из числа потуреченных христианских пленников. Позднее в число янычаров включались и турки.

[3] В турецкой армии в XVI—XVII вв. существовало положение: воины, принесшие с поля брани головы своих врагов, получали за каждую из них денежную награду.

[4] Современные Осману II историки отмечали, что молодой султан, ревнивый блюститель корана, сам тайно ходил по ночным пирушкам, наблюдая, не нарушают ли воины заповедей, не пьют ли вино.

[5] В конце XVI в., после смерти султана Селима II Места (Пьяницы), Турецкая империя стала постепенно слабеть, что выразилось и в оскудении финансов. *Черный пенез* — медная монета. *Белая яспра* — серебряная монета.

[6] На одном из султанских советов ходжа Омер-эфенди настоятельно посоветовал Осману укрепить свой род браком с представительницами знатных турецких родов.

[7] Существовал обычай клясться в верности какому-либо делу, проходя под обнаженной саблей.

[8] Все турецкие султаны, вступая на престол, опоясывались саблей Османа I, основателя османской династии.

[9] В 326 г. римский император Константин выстроил в основанном им городе Константинополе церковь в честь «Святой Премудрости» (церковь св. Софии, или Ая София), которая сгорела, но в 532—537 гг. была восстановлена при Юстиниане I. После завоевания Константинополя в 1453 г. султаном Мухамедом II церковь была превращена в мечеть. Последующие султаны пристроили минареты, а при Мураде III главный купол был увенчан огромным полумесяцем.

[10] *Муфтий* — мусульманский ученый юрист-богослов, разбирающий церковно-правовые дела.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

[1] Дилавер хочет сказать, что турецкое царство настолько обширно, что в нем не бывает ночи, т. е. не заходит солнце.

[2] Яничарское войско, возникнув как оплот султанской власти, постепенно выродилось в силу недисциплинированную, своевольную, неспособную вести активные боевые действия, но всегда готовую сбросить с престола неугодного ей султана.

[3] За время своего пребывания на престоле Мустафа не мог править государством должным образом. Этим пользовались люди недалекие, корыстные. В совете султана не было надежных и умных людей. Поэтому в критический момент Мустафа был оставлен приближенными, и Осман легко, без кровопролития отобрал у своего предшественника престол.

[4] *Планинный* (от планина) — горный.

[5] Когда Осман захватил власть у Мустафы, мать Мустафы волей нового султана была переселена из нового сераля (сарая) в старый, а ее сын остался в новом.

[6] *Даут* — (тур.) дорогой, милый.

[7] *Мурат, правитель блудный* — султан Мурад III (1575—1595) сделал мальчика Даута предметом своих любовных утех и обильно его награждал.

[8] В первое правление Мустафы Даут был великим визирем, кроме того, за деньги приобрел чин начальника флота, чем вызвал к себе неприязнь некоторых значительных лиц при дворе.

[9] *Султана* (или султания) — женщина султанской крови (мать, жена или дочь султана).

[10] Этот факт исторически не подтверждается.

[11] *Царя-святого* — т. е. Мустафу. При дворе некоторые создавали мнение, что слабоумный Мустафа — блаженный, святой.

[12] *Пасынок* — Ахмед I.

[13] *Сестрич* — племянник (сын сестры).

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[1] *Звезда любви* — Венера.

[2] Существовал обычай: каждый султан, начиная первую в своем царствовании войну, одарял деньгами воинов. Этого не сделал Осман II перед Хотинской битвой. Армия, дойдя до Дуная, не захотела переправляться на другой берег, пока Осман не выплатил деньги.

[3] Янычаров называли детьми султана, поскольку они содержались с детского возраста при дворце на султанские деньги.

[4] Воинов, которые бежали перед поляками в Хотинской битве, Осман казнил.

[5] *Персиянские граничары* — персидские воины, несшие пограничную службу на границах Оттоманской империи.

[6] *Дербекский* — месопотамский.

[7] *Кто царю обманно клялся* — т. е. кто нарушил присягу Мустафе. Хотинское поражение в данном случае рассматривается как возмездие за клятвопреступление.

[8] Современники Османа II видели дурные предзнаменования в целом ряде природных явлений своего времени: наводнении в Царьграде, появлении кометы, затмении солнца и др.

[9] *Црмничанин* — житель области у реки Црмница (в Черногории).

[10] *Пива* и *Тара* — здесь воины из области, прилегающей к рекам Пива и Тара в Черногории.

[11] *Дукля* — название Черногории до X в.

[12] *Краинный* (от Крайна, Крайина или Военная граница) — область Хорватии, образованная Австрией как пограничный кордон с Турцией в XV в. В начале XVII в. была выделена в особую область.

[13] *Угрин* — венгр.

[14] *Улцинь* — город в Черногории на берегу Адриатического моря.

[15] *Драч* (Дуррес) — город и порт в Албании.

[16] *Арнаут* — албанец.

[17] *Дервиш Арбанасин* — см. прим. 4 к песне четвертой. *Арбанасин* значит албанец.

[18] *Джин* — великан.

[19] *Сараевец* — житель Сараева (город в Боснии).

[20] *Герцеговец* — герцеговинец, житель Герцеговины.

[21] *Птица* — Осман II.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

[1] *Византий* (греч. Βυζαντιον — Византия, впоследствии Константинополь, город на западной сторо-

не Фракийского Босфора, основан в 667 г. до н. э. легендарным милетцем Византом на месте Фракийской крепости.

[2] *Белое море* — Мраморное море.

[3] *Бухта Пресных вод* — название конечной части залива Золотой Рог, на котором стоит Константинополь.

[4] *Константин* Великий (ок. 274—337) — римский император, построил город и в 330 г. торжественно назвал его Константинополем, или Новым Римом. Город стал столицей восточной римской империи. Другой император, Константин XI Палеолог, 29 мая 1453 г. сдал город турецким войскам Мухамеда II.

[5] *Дервиш* — мусульманский монах.

[6] *Анатольцы* — анатолийцы, жители Анатолии (Малой Азии).

[7] *Тыква* — сосуд для питья, сделанный из тыквы.

[8] *Бегума* — Бегума Славойка, вымышленный персонаж поэмы.

[9] *Златая Индия* — понятие из старинных сказок и легенд, связанное с представлениями об Индии как о чудесной стране, богатой золотом и драгоценностями.

[10] Фантастическое представление об острове Новая Земля на Северном Ледовитом океане, где люди якобы по шесть лет не видят солнца.

[11] *Хайдер* — вымышленный персонаж поэмы.

[12] *Чесвина* — так называемый каменный дуб.

[13] *Пловдив* — город в Болгарии на р. Марице.

[14] *Синан-паша* — великий визирь при султане Мураде III (XVI в.).

[15] *Баш-визирь* — главный, великий визирь.

[16] *Шабан* — дворовый служитель при султанах Ахмеде и Османе. Историческая достоверность его не установлена.

[17] *Атмейдан* — площадь в Константинополе, бывший ипподром, устроенный при императорах Септимии Севере и Константине.

[18] *Баязет* (Баязид) — турецкий султан (1389—1402), сын Мурада I.

В этом месте поэмы у Гундулича непоследовательность: выше сказано, что Дилавер убит в поединке с Дервишем. Последний обещал похоронить его «с

честью». Но ниже читаем, что Дилавер вместе с хадумом зарублен восставшими, которые носили их головы на копьях.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

[1] *Великий муфтий* — высший духовный чин при султанском дворе. В широком смысле — ученый богослов у мусульман.

[2] В 1620 г. казаки вторглись в турецкие владения и сожгли город Варну.

[3] *Царь Осман* — Осман I (род. ок. 1258 — ум. 1324/26), основатель династии турецких султанов.

[4] *Орхан* — см. прим. 22 к песне второй.

[5] *Мурад* I (1319—1389) — сын Орхана, его преемник на султанском престоле с 1359 г. В 1371 г. на р. Марице разбил войска сербского деспота Вукашина, а в 1389 г. на Косовом поле — войска князя Лазаря. Убит в Косовской битве сербским героем Милошем Обиличем.

[6] *Галлиполи* (тур. Гелиболу) — город в европейской части Турции. Первый пункт, завоеванный в Европе турками (1356).

[7] *Дренополе* — см. прим. 6 к песне третьей.

[8] Баязед был разбит войсками Тамерлана и попал в плен под Ангорой в 1402 г.

[9] *Чосе Челеби* (букв. Безбородый витязь) — прозвище Баязеда.

[10] В 1394 г. Баязед под Никополем разбил войска Шишмана, последнего болгарского царя, а в 1396 г. там же — Сигизмунда, короля хорватского и венгерского (у Гундулича он назван Шишман).

[11] *Мехмед* — Мухамед I (1387—1421), сын Баязеда. После смерти отца стал в 1403 г. правителем Амазии, отнял у своих братьев Малую Азию с г. Бруса, убил в 1413 г. последнего из братьев, Мусу, адрианопольского султана, и стал во главе всей империи. В 1414 г. заставил угровлахов (румын) платить дань туркам. Еще в 1398 г. вторгся в Боснию.

[12] *Дрина* — река в Югославии, правый приток Савы.

[13] *Мурад* Второй (1401—1451) — сын Мухамеда I, стал султаном в 1421 г., отнял у венецианцев Кефал-

лоиию, подчинил угровлахов и сербов, остановившись в 1440 г. перед стеиами Белграда. В 1444 г. под Варной победил войско Владислава, короля хорватского, венгерского и польского. *Джурджевы пределы* — владения Джурджа Бранковича, деспота сербского.

[14] *Мехмед* — Мухамед II, сын Мурада II, завоеватель Константинополя (1453). В 1463 г. завоевал Боснию и казнил короля Степаиа Томашевича. В отношении Герцеговины Гуидулич ошибается: она была захвачена турками в 1482 г. при сыне Мухамеда II — Баязеде II.

[15] *Баязед* II в 1502 г. завоевал Албаиию (Скендерию).

[16] *Селим* I, прозвище Храбрый (род. 1467 — ум. 1521) — сын Баязеда II, свергиул с престола отца, чтобы самому стать султаном. Завоевал Курдистан, Месопотамию, Сирию и Египет (1517), подчинил Мекку.

[17] *Сулейман* I Великий или Великолепный (род. 1494 — ум. 1566) — сын Селима I, совершил четыре похода иа Венгрию, сдержав победу при Мохаче (1526), потерпев поражение под Веиой (1529), и умер во время осады крепости Сигета (1566). В 1522 г. покорил о. Родос (в Эгейском море), изгнав с него духовно-рыцарский орден «родосских братьев» или госпитальеров и включив остров в состав Османской империи.

[18] *Селим* II (род. 1524 — ум. 1574) — сын Сулеймаиа II, в 1571 г. захватил о. Кипр. При взятии острова произошло непредвиденное обстоятельство: корабль Петерв-паши, командовавшего турецким флотом был подожжен киприотами, отчего взорвался пороховой погреб и уничтожил многие турецкие корабли.

[19] *Мурад* III (род. 1546 — ум. 1595) — сын Селима II, в 1576 г. начал поход против Персии («кызылбашей»), закончившийся в 1590 г. приобретением иезиачительных провинций, в том числе Тебриза (Тавриза), города иа севере Ирана. Совершал походы в Хорватию. *Граничары* — жители пограничной области Крайны или Воеиной границы (см. прим. 12 к песне восемнадцатой).

[20] *Мухамед* III (род. 1566 — ум. 1603) — сын и на-

следник Мурада III. В 1596 г. одержал победу над немецкими войсками в Венгрии, захватив венгерские города: в 1594 г. Аварин (ныне Дьер), в 1596 — Эгрию (Эгер), в 1600 — Каиижу (Надьканижа).

[21] Отец Османа II Ахмед I, сын Мухамеда III, ничем, кроме пристрастия к архитектуре, не славился. Войны, проводимые им с персами и германским императором Рудольфом II, были неудачными.

[22] Осман II был похоронен в мечети, с левой стороны, в ногах своего отца Ахмеда I. Отсюда у Гундулича: «Из-под ног опять под ноги», т. е. из-под ног толпы в ноги к отцу.

[23] По мусульманским представлениям воин, погибший за султана, обретает после смерти вечное бессмертие в раю.

[24] В этих строках отражены многочисленные пророчества, в которые верил и Гундулич, что Турция находится накануне своей гибели. В эпоху распада Оттоманской империи, начавшегося после правления Сулеймана I Великолепного (1520—1566), эти представления усилились при последующих султанах, которые плохо управляли государством и не были способны вывести его из состояния кризиса.

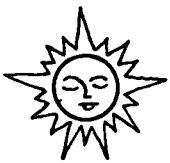
[25] В истории турецких султанов зафиксировано много фактов убийства султанами всех претендентов на престол. Так, Мухамед I, чтобы стать султаном, убил своего брата Мусу; Селим I отравил отца, Баязеда II, и задушил пять своих племянников и двух братьев; Мухамед III умертвил девятнадцать братьев и др.

[26] *Брат Ахмата* (Ахмеда) — Мустафа. При свержении с престола в феврале 1618 г. Мустафа остался в живых, а Осман II, сын Ахмеда, был убит в мае 1622 г. В том, что убит был сын, а не брат, Гундулич видит проявление справедливости судьбы и наказание за грехи предыдущих султанов.

[27] В том, что янычарское войско, созданное как опора трона, постепенно разложилось и стало силой, враждебной султанам, Гундулич опять-таки видит проявление «господнего желания».

[28] Согласно мусульманским представлениям, каждый «правоверный» мог иметь четырех жен, а сам султан — пять (не считая наложниц, обитавших в га-

реме). При султане Ибрагиме I (правил с 1640 по 1648 г.), который отличался жестокостью и беспутством, число законных жен было увеличено до семи. Некоторые султаны имели по несколько сот детей, которые, достигнув определенного возраста, часто пополняли кадры янычарского войска.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Эпическая поэма Ивана Гундулича «Осман» 5
Песнь первая 27
Песнь вторая 38
Песнь третья 53
Песнь четвертая 66
Песнь пятая 82
Песнь шестая 100
Песнь седьмая 112
Песнь восьмая 127
Песнь девятая 151
Песнь десятая 171
Песнь одиниадцатая 189
Песнь двеиадцатая 215
Песнь тринадцатая 232
Песиь четырнадцатая 244
Песнь пятнадцатая 274
Песиь шестнадцатая 294
Песнь семнадцатая 306
Песнь восемнадцатая 328
Песнь девятнадцатая 346
Песиь двадцатая 377
Комментарии 391

Гундулич И.

Г 94

Осмаи. Пер. с сербохорватского В. К. Зайцева. Предисл. и комментарии В. К. Зайцева. Минск, «Наука и техника», 1969.

428 с. с илл. (АН БССР. Ин-т литературы). 1800 экз. 1 р. 28 к. В перепл.

Впервые на русском языке публикуется эпическая поэма выдающегося хорватского (дубровницкого) поэта XVII в. Ивана Гундулича «Осман», воспевающая борьбу южных словян против турецкого ига.

7-4-4
69

И(Югосл.)

Гундулич Иван

ОСМАН

Издательство «Наука и техника»
Минск. Ленинский проспект, 68

Редактор Г. Юрченко
Художественный редактор В. Савченко
Технический редактор Г. Якубовская
Корректор М. Бренько

АТ 02003. Сдано в набор 13/XI-68 г. Подписано в печать 9/I-69 г. Формат 84×90$^{1}/_{32}$. Бум. маш. мел. Физ. печ. л. 13,375. Усл. печ. л. 15,64. Уч.-изд. л. 19,2. Изд. зак. 766. Тип. зак. 738. Тираж 1800 экз. Цена 1 р. 28 к.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Госкомитета Совета Министров БССР по печати. Минск, Красная 23